

Art of War

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редколлегия:
Аркадий Бабченко
Алексей Муратов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Александр Гуров

Корректуры:
Анна Кунарева,
Иван Николаев

Обложки и вкладка:
Александр Гуров

Внутренние обложки:
Игорь Башмаков

Адрес для корреспонденции:
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8 903 524 16 19

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ № ФС77 26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
"Мико-Принт"

Подписано в печать:
01.05.2009

**Номер издан
при поддержке:**

Творческое объединение
"Северный Ветер"

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Региональная
общественная
организация
ветеранов
подразделений
специального
назначения
"ЗАЩИТА-Р"

Тел.: 981-04-00
760-93-95

ОТВОЁВЫВАЯ ЖИЗНЬ

Они встречают нас первыми, еще до призыва в армию. Быстро прогоняют по конвейеру военно-медицинской комиссии и признают годными. Они продолжают свою неравную схватку с педикулезом, гепатитом и прочей антисанитарией. Их вечные брезентовые сумки с широким ремнем, прочно пришитым к стенкам и дну, способны вместить массу вещей, о назначении которых даже спрашивать не хочется.

Они делятся на свои собственные категории. Как шутят американские военные, «есть три категории медиков: обычные, женщины—медики и военные медики».

У нас в армии немало и военных медиков — женщин. Но среди тех, кто идет в бой с колоннами техники и группами разведчиков, подавляющее большинство все-таки мужчины. И каждый, от выпускника военно-медицинской академии или легендарного Гайжюнайского медсанбата ВДВ до мальчишки, которому дали сумку с медикаментами прямо в части, является последним шансом для товарищей. Последним шансом обмануть смерть, тающуюся в окопе на склоне с подрывной машинкой. Или нетерпеливо выщеливающую свою будущую жертву через снайперский прицел. Или накрывающую траншеи минометным огнем...

Это потом, если повезет и успеют вертушки, и товарищи довезут до медсанбата, будут и внимательные чуткие руки медсестер, и белые простыни госпиталей. И легендарные военные хирурги, вытаскивающие раненых прямо с того света. И будет светить солнце, петь птицы и зеленеть трава.

Военные медики, о которых упоминают еще древнеиндийские Аюрведы...

Им бесконечно благодарны те, кого они сумели поставить на ноги после тяжелейших ранений и болезней. И их же ненавидят те, чьим родственникам и друзьям помочь не смогли. Они разные, как и все мы.

Усилиями наших «реформаторов» более половины военных госпиталей российской армии будет ликвидировано, очень многие военные медики в самое ближайшее время снимут погоны. Мы не уверены, что это позволит собрать большие средства. А вот жизнь и здоровье наших военных явно не станут более защищенными. Но пока до них еще не дотянулись «реформы», именно эскулапы в погонах — тема нашего номера.

Читайте.

Объявляется Первый Международный конкурс студенческих работ:
«Человек и война в современной литературе»

Учредителями Международного конкурса студенческих работ «Человек и война в современной литературе» являются: сайт www.okorka.ru, Библиотека Мошкова и Альманах «Искусство войны».

Предметом студенческого исследования является современная военная литература. Конкурс проводится не по поэтическим, прозаическим и пр. литературным работам студентов, а по исследованиям современной военной литературы: рецензиям, критике, сочинениям, рефератам, курсовым, дипломным и другим подобным исследованиям современной военной литературы.

Международными премиями www.okorka.ru награждаются авторы работ на русском языке, учащиеся ВУЗов, вне зависимости от места их проживания.

Денежное выражение главной премии — 20 тыс. рублей. Денежное выражение второй премии — 15 тыс. рублей. Денежное выражение двух поощрительных премий — 5 тыс. рублей.

На соискание премии тексты принимаются в форматах *.doc, *.txt. без архивации. Прием работ на конкурс начинается 1 марта и продолжается до 1 октября. Для подачи заявки на конкурс соискатель должен прислать свою работу по адресу okorka-konkurs@yandex.ru.

Объявление имен победителей состоится
1 декабря 2009 года.

Альманах благодарит за помощь при создании номера:

Александра Тумаху (Украина)
Анатолия Воронина (Россия)
Александра Карелина (Россия)

Софью Самник (Израиль)
Владимира Лисового (Россия)
Оксану Устинову (Россия)

ОТВОЁВЫВАЯ ЖИЗНЬ

1

От редакции

ОТВОЁВЫВАЯ ЖИЗНЬ

4

Александр КАРЕЛИН
Вот пуля пролетела...

17

Сергей ДЫННИКОВ
Крест красный...

20

Игорь ПОСЕВНИН
Сумка

22

Вячеслав НЕМЫШЕВ
Сто первый
(из жизни
военного врача)

25

Валерий ЦАПКОВ
Медицина
в Афгане,
субъективно

29

Юрий ПАШКОВ
Пропитый
медсанбат

Афганистан

32

Александр МАГЕРАМОВ
Вывод
(Часть I)

Чечня

36

Рустем БИЗЯНОВ
Чеченское танго
(Часть II)

40

Дмитрий ДУЛЬКЕВИЧ
Имя для сына

Югославия

Ратко БАБИЧ
«Крайина экспресс» 46

Судьба

Раян ФАРУКШИН
Будем жить, мужики! 49

Поэзия

Ми СУОНГ, Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ,
Валерий ШИРЯЕВ, Михаил ГЕНДЕЛЕВ 52

Памятник

Тем, кто пожертвовал собой 54

История одной фотографии

Александр ПОПОВ «Пастор»
Новогодняя ночь 55

Опыт

Андрей ЗАГОРЦЕВ
Пайки (Часть I) 56

А их не слышно в этой суете

Александр ЧУЙКОВ
Квартирное дело
питерских военврачей 64

Вне рубрик

С. Г. ФОГЕЛЬ
Особенности пропаганды СССР
во время военной акции
в Афганистане (Часть II) 65

Алексей ИВАКИН
Меня нашли в воронке 70

Роман НАВЕСКИН
Здравствуй, мама... 71

Александр
КАРЕЛИН

http://artofwar.ru/k/karelin_a_p/

ВОТ ПУЛЯ ПРОЛЕТЕЛА...

Либо человечество покончит с войной.
Либо война покончит с человечеством.

Д. Кеннеди

ГЛАВА I

«Ну, вот и съездил в отпуск?! Мой рапорт был подписан еще две недели назад. И что? Этот рейд еще займет десять дней. Значит, в лучшем случае, он закончится 20 октября. Стало быть, домой я попаду в последней декаде месяца. Кошмар!»

Ординатор оперативно-перевязочного отделения в сердцах бросил недокуренную сигарету. Они с товарищем сидели в курилке, обсуждали итоги только что прошедшего совещания офицеров кандагарской медроты. Вопрос был традиционным: предстоящее медицинское обеспечение боевого рейда. И опять — «кадровый голод». Катастрофически не хватало офицеров. Кто-то был в отпуске на Родине, кого-то подкосила инфекция, а кто-то находился на прикомандировании в госпитале Кандагара.

Командир медроты принял «волевое решение» — задержать отпуск старшему лейтенанту Невскому. Теперь вместо дороги домой его ждала поездка в Кандагар. В октябрьском рейде 70-й омсб (отдельной мотострелковой бригаде) предстояло зачистить центральный город одноименной провинции и его окрестности. Слишком уж распоясались «духи» в последние месяцы — житья от них не стало. По городу невозможно проехать без нападений и обстрелов, жертвы исчислялись десятками.

Александр достал новую сигарету, прикурил от горящей сигареты своего товарища, врача-стоматолога Ивана Сухара. В этот рейд они ехали вдвоем на автоперевязочной, будет с ними и фельдшер тоже. Такое решение Невский и пытался оспорить, но коман-

дир был непреклонен. Так распорядилось руководство бригады — иметь двухврачебную бригаду.

Еще из состава медроты выделялся врач-эпидемиолог Сергей Пачкин. Ему предстояло выехать со вторым батальоном, заменив выбывшего врача. Услышав такое решение, старший лейтенант кивнул головой, но было видно, что парень волнуется. Как-никак, а Сергей не был «лечебником», ему не приходилось ранее оказывать помощь раненым.

Но и это было еще не все. Сам командир медроты тоже выезжал в этот рейд с десантно-штурмовым батальоном (ДШБ), заменяя заболевшего врача. За свою шестнадцатимесячную службу в Афганистане Александр Невский не мог припомнить рейд, в котором бы сразу было задействовано четыре офицера медроты.

— Покурил? Пошли, Ваня, готовить к выезду нашу «ласточку». Планы были озвучены грандиозные. Должны и мы с тобой подготовиться со всей серьезностью. Заполним автоперевязочную под завязку. Будем с тобой оперировать, резать-кромсать. А уж военные предоставят нам раненых в бо-о-ольшом количестве. Это я чувю заранее.

— Может, мне еще и зубо-врачебное кресло взять? Буду зубы рвать в свое удовольствие... Думаю, от желающих отбоя не будет, — Иван широко улыбнулся.

— Нет уж, дудки. Да и какой нормальный человек добровольно сядет тебе в кресло? Вы же живодеры, так и норовите сделать человеку больно, — поддержал шутку хирург. — Так что забудь о таких добровольцах. Будем с тобой нормальных раненых к жизни возвращать. Пошли скорее, скоро уже темнеть начнет.

До позднего вечера Невский, Сухар, фельдшер Черанев Александр и водитель Фазылов Фадис заполняли салон автоперевязоч-

ной коробками с медикаментами, перевязочными средствами, сухпаем и боеприпасами. Невский снова и снова придирчиво сверялся со списком — надо было предусмотреть все необходимое на предстоящие дни боевого рейда.

На следующий день работа по укомплектованию машины продолжилась. Правда, Невский отлучился на совещание с офицерами бригады. Сам командир ставил задачи батальонам на громадном макете, где очень точно был воспроизведен город и его окрестности, очень похоже были показаны горы и река Аргандаб, все участки «зеленой зоны». Александр даже восхитился искусной работе изготовителей макета — словно с самолета наблюдаешь всю эту картину.

Старший лейтенант не особенно вникал в постановку боевых задач батальонам и артиллеристам-танкистам. Хотя, на его взгляд, все было проще некуда: блокировать район, прочесать, снова блокировать и снова прочесать. Артиллерия и авиация поддерживает огоньком.

Для медиков работа была привычной — оказывать помощь всем раненым, которых будут привозить к управлению бригады, там и будет стоять их автоперевозочная. Затем всех надо будет эвакуировать вертолетами на «большую землю». Все просто и понятно...

ГЛАВА 2

Начало рейда сразу показалось необычным: выехали уже под вечер 11 октября. Для старшего лейтенанта Невского это был 11-й выезд для медицинского обеспечения боевых действий, но практически всегда выезжали либо ранним утром, либо ночью. Но теперь...

Интересно, какие еще сюрпризы ждут всех впереди?!

Александр сидел в кабине рядом с водителем Фадисом, а его товарищи Иван Сухар и фельдшер Черанев Александр расположились в салоне автомобиля. Все было знакомо и привычно, поэтому Невский не стал тратить времени на бессмысленное разглядывание проносящихся за окном километров, а сразу стал читать прихваченную книгу. Приходилось подсвечивать фонариком, так как сумерки быстро сгущались.

Сколько себя помнил — читать любил всегда. Да и книга была для него всегда самым желанным подарком. Впрочем, иного и быть не могло: в семье оба родителя были школьными учителями, приучили с детства к чтению. Пока сам не умел читать, им с сестрой читали по очереди мама или отец, потом и сестре стали доверять (она была постарше). Это были настоящие литературные вечера: вся семья усаживалась у пышущей жаром печки (печное отопление — это было обычное дело во всех домах рабочего поселка), иногда открывалась и печная дверца. Слушать любимую книгу и смотреть на языки пламени — это было счастье в чистом виде!

Книги Волкова А.М. «Волшебник Изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» — это далеко не полный перечень

книг того времени. Маленький Саша специально научился читать едва ли не первым в своем классе, чтобы потом приносить эти книги в класс и читать на перемене своим одноклассникам-первоклашкам.

Вот и сейчас больше не существовало ничего вокруг — только он и герои повести Антона Павловича Чехова. Приходилось уже не раз читать эту «Палату номер шесть», но каждый раз находил там что-то интересное.

Он не сразу расслышал вопрос своего водителя, который старательно крутил баранку, соблюдая дистанцию с идущим перед ним БТР. Пришлось переспросить.

— Я говорю, что глаза испортите с фонариком читать, товарищ старший лейтенант! Что такое интересное вы читаете, что не можете оторваться?

— Это Чехов, Фадис. Его можно читать в любое время дня и ночи, при любом настроении и самочувствии, тем более — при любом освещении. Давай я тебе кое-что тоже прочту. Ты ведь изучал его в школе?

— Изучал, конечно, но уже ничего не помню. Читайте, все будет интереснее ехать.

— Речь здесь идет о сумасшедшем доме, о пациентах, которые лежат в одной такой палате под номером шесть. С ними и беседует доктор. Вот послушай: «Покой и довольство человека не вне него, а в нем самом. Обыкновенный человек ждет хорошего или дурного извне, то есть от коляски и кабинета, а мыслящий — от самого себя». Это врач говорит пациенту одному. Под коляской и кабинетом понимаются всякие блага. А пациент отвечает: «Идите и проповедуйте эту философию в Греции, где тепло и пахнет померанцем, а здесь она не по климату. С кем это я говорил вчера о Диогене? С вами, что ли? Диоген не нуждался в кабинете и в теплом помещении; там и без того жарко. Лежи себе в бочке да кушай апельсины и оливки. А доведись ему в России жить, так он не то что в декабре, а в мае запросился бы в комнату. Небось, скрючило бы от холода. — Нет. Холод, как вообще всякую боль, можно не чувствовать. Марк Аврелий сказал: «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтоб изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет». Это справедливо. Мудрец или попросту мыслящий, вдумчивый человек отличается именно тем, что презирует страдание; он всегда доволен и ничему не удивляется». Это ему уже доктор отвечал. Ну, как?

— Нет, товарищ старший лейтенант, читайте уж лучше про себя. Это не по мне. Я люблю читать про всякие приключения, а не эти умные разговоры.

— Как знаешь.

Невский снова углубился в чтение. Он даже не заметил, что колонна начала втягиваться в город Кандагар. Позже выяснилось, что ночевать придется именно здесь.

Проехали мост, кажется, через оросительный канал. В быстро наступающих сумерках трудно было что-либо хорошенько рассмотреть. Советская боевая колонна разместилась среди подразделений 2-го армейского корпуса ДРА. Он тоже примет участие в предстоящем рейде.

Медики и водитель поужинали сухпаем, почти не разговаривали. Каждый, наверное, прокручивал в голове завтрашний день. Боевые действия начнутся с раннего утра. Это им рассказал один из офицеров, заглянувших на огонек.

На ночь Невский разместился прямо на улице рядом с машиной на санитарных носилках. Пришлось укрыться одеялом — было прохладно. Иван предпочел ночевать в салоне автоперевозочной с фельдшером. Для водителя предпочтительнее была родная кабина.

Город быстро погрузился в чернильную темноту, луны не было, лишь миллиарды и миллиарды звезд подмигивали со своих невообразимых высот. Но город не спал. Он жил своей тайной, ночной жизнью. То и дело раздавались далекие выстрелы, крики, просто неясный шум. Но ощущения тревоги не было. Почему-то была твердая уверенность в собственной безопасности...

ГЛАВА 3

В шесть утра все пришло в движение. Колонна вновь помчалась по улицам города. Уже было относительно светло. Поразило почти полное отсутствие прохожих. Многочисленные магазины теперь были закрыты, их хозяева не спешили начать торговлю. Бросалось в глаза обилие развалин не только в знаменитом районе Дех-Ходжа (впрочем, все советские называли его проще — Деходжа), но и в самом центре Кандагара. Невский все больше и больше удивлялся: когда успели все это порушить? На память невольно приходили картины советской кинохроники — развалины Сталинграда.

Как сообщил всезнающий водитель Фадис (у него всюду были земляки), 1-й мотострелковый батальон выдвинулся еще затемно. У него была своя особая задача по блокированию одного из пригородов Кандагара.

Действительно, давно уже доносились многочисленные удаленные выстрелы, взрывы. Кажется, кроме автоматов и крупнокалиберных пулеметов, стреляли и пушки БМП.

Автоперевязочная, как приклеенная, мчалась по улицам города следом за бронетранспортером с бортовым номером 212. Невский давно разглядел этот номер при резких поворотах впереди идущей техники. Он почему-то радовался такому сочетанию цифр, усматривая в этом добрый знак (все же не 213!).

По выходу из города колонна начала дробиться: боевая техника разезжалась по своим направлениям. Следуя своей задаче, автоперевязочная оказалась на стоянке среди техники управления бригады. Теперь можно было перевести дух. Первый этап — выдвижение — прошел успешно.

Невский и Сухар еще раз придирчиво осмотрели все свое медицинское имущество. Офицеры остались довольны: можно было принимать поступающих раненых. Со своей задачей они справятся.

Полной неожиданностью оказался вызов примерно через час старшего из медиков к командиру 70-й омсб. Невский внимательно осмотрел свою форму — вроде, все в порядке. Отправился к командирскому бронетранспортеру «Чайка» (БТР связи без башни).

Коренастый, среднего роста подполковник говорил по связи ЗАС, старательно выговаривая свои фразы. Они тут же автоматически шифровались и уносились к далекому собеседнику. Наконец, он закончил говорить, посмотрел на стоящего перед ним офицера-медика. Старший лейтенант представился.

Комбриг внимательно выслушал и сразу ошарашил новостью:

— Врач первого батальона серьезно ранен, бронетранспортер, на котором он ехал, был подбит из гранатомета. Скоро его перевезут сюда для дальнейшей отправки на вертолете. Но батальон оставлять без врача нельзя, сам знаешь. Надо собрать все необходимое для оказания медпомощи и через полчаса выдвинуться туда. Вас ведь два врача сейчас? Реши, кто поедет. Нужен человек, способный оказывать помощь в боевых условиях. Батальон оказался в тяжелом положении, придется сразу включиться в работу. Поедете на БТР с номером 212. Задача ясна? Выполняйте!

— Есть!

Невский бегом побежал обратно. Он сразу решил, что поедет сам. Пусть Иван остается здесь с автоперевязочной. В голове тревожно билась мысль: «Как там раненый Андрей?» Они были хорошо зна-

комы со старшим лейтенантом Дубининым, врачом первого батальона. Подружились уже более года назад, оказались земляками (учились в одном медицинском институте в Свердловске, потом закончили один военно-медицинский факультет в Томске. Правда, Андрей был на два года моложе). Одним словом, земляки, по большому счету.

Иван не задавал лишних вопросов, бросился помогать в сборах. Он тоже был хорошо знаком с раненым врачом, эта новость сильно потрясла его тоже.

Невский похвалил мысленно себя, что предусмотрительно положил в салон большую десантную сумку. Она теперь придется ему очень кстати. Поделится с Иваном все по-братски, в том числе и запасы спирта (медику никак нельзя без этой огненной жидкости).

По ходу сборов хирург инструктировал своего товарища о порядке работы с поступающими ранеными, как-никак у него было побольше опыта. Стоматолог кивал головой, обещал не подкачать. Он вызвался донести тяжелую сумку до бронетранспортера, обнявшись на прощание.

Бронированный конь помчал Невского навстречу неизвестности. Впрочем, волнения не было — уже приходилось исполнять обязанности врача батальона и в апреле, и в мае-июне. Тогда он заменял врача второго, а затем и третьего батальона. «Ничего, справлюсь и на этот раз! — успокаивал себя Александр. — В третьем батальоне вообще пришлось пробыть около двух месяцев, размещен он тогда был прямо в пустыне. Жара была просто адской, но ведь выдержал!»

Из размышления его вывели выстрелы из пулемета. Их бронетранспортер пронесся по дороге, по краям которой были разбросаны низкорослые строения из глины. Тут и ожил их пулемет КПВТ (крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый), посылая свои смертоносные подарки вправо по курсу. Но стрельба быстро стихла.

До управления батальона домчались быстро. Уже минут через тридцать-сорок Невский представлялся комбату номер один. Высокий сухоощавый майор, оторвавшись от микрофона радиации, кивнул головой, быстро пожал медику руку и вызвал капитана

Кожохаря, замначштаба, мол, тот и введет в курс дела. Сам тут же продолжил прерванный разговор по переговорному устройству.

Старший лейтенант пошел вслед за капитаном, отошли в сторону, познакомились, закурили. Валентин оказался словоохотливым, приветливым человеком. Сообщил, что раненый врач уже переправлен на вертолетную площадку управления бригады, угрозы жизни нет, сильно только посекло осколками. Вместе с врачом были эвакуированы еще несколько раненых — все средней степени тяжести. Он же распорядился бронетранспортеру со счастливым номером 212 возвращаться обратно, предварительно забрав четырех погибших. Он кивнул на тела, лежащие поодаль. После погрузки скорбного груза офицеры проводили взглядом отъезжающий БТР.

— Ну, док, ты готов к предстоящей работе? Имеешь подобный опыт?

Невский объяснил, что уже находился в подобной роли не раз, справлялся прежде.

— Вот и славно! Твое место здесь, в составе бронегруппы, рядом с комбатом. В роты во время прочесок не суйся. Там есть санитаринструктора и санитары, ребята опытные. Будешь оказывать помощь на таких стоянках. Сюда будут вывозить раненых и погибших. Командиры рот свою задачу на этот счет знают, все отлажено. Эвакуацию этих раненых на вертолетную площадку будешь через меня решать или через начальника штаба, капитана Пыхова Виктора, я позже тебя ему представлю. Сложнее будет при перемещениях всего батальона, но там действовать по обстановке. Ездить будешь на БТР с бортовым номером 165, он закреплен за медициной давно. Врач ехал ведь не на своем бронетранспортере, тот был подбит и сгорел полностью. Хорошо, что санитарный инструктор не пострадал, он будет теперь с тобой, там же и звено санитаров-носильщиков. Думаю, сил у тебя предостаточно. А средства, я смотрю, ты с собой не малые привез? — Он кивнул на большую сумку с медикаментами и перевязочным материалом. — Пошли, я познакомлю тебя с твоими медиками.

ГЛАВА 4

Санитарный инструктор Невскому понравился. Сержант Жеремин Сергей, высокий жилистый парень с большой россыпью веснушек на лице и внимательными голубыми глазами сразу вызывал симпатию и доверие. Служил в Афганистане он уже второй год, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Все это с гордостью сообщил капитан Кожохарь, представив сержанта новому доктору.

— Ладно, мне пора. Покажешь доку все свое оснащение, с ребятами-санитарами познакомишь. Удачи!

Капитан пожал руку Невскому, похлопал сержанта по плечу и быстрым шагом ушел по своим делам.

Чтобы начать с чего-то, Александр рассказал о своей давней дружбе с раненым Андреем Дубининым. Похоже, он не ошибся: сержант обожал своего врача батальона, они были во многих рейдах бок-о-бок, прошли через многие трудности. Словом, вместе съели соли пуд. Сергей тут же принялся рассказывать о своем раненом начальнике. Невский понял, что они сработаются с Жереминым.

У БТР №165 они нашли обоих санитаров-носильщиков. Это были рядовые, прослужившие по пять месяцев в Афганистане, но они уже не раз побывали в бою, имели опыт оказания медицинской помощи раненым. Невысокий крепыш Бургазлиев Дмитрий, черноволосый, улыбчивый, родом из сибирского городка Тобольска, и высокий, худой и хмурый блондин Чашухин Геннадий из уральского поселка под Златоустом. Парни были полной противополож-

ностью друг другу. Но это не мешало им подружиться.

На борту бронетранспортера было привязано несколько санитарных носилок, внутри Невский с радостью осмотрел коробки с одноразовыми системами для переливания кровезаменителей, массу флаконов с этими жидкостями. Было штук пять трофейных пластиковых пакетов с растворами для переливания. Осмотр его удовлетворил. Можно воевать!

Ждать долго не пришлось. Уже минут через двадцать на БМП-2 был доставлен тяжелораненый боец: огнестрельное ранение правого бедра с повреждением крупной артерии. Был правильно наложен кровоостанавливающий жгут (Невский мысленно похвалил санитар роты — не забыл вложить записку с указанием времени наложения. Это очень важно: жгут нельзя оставлять более чем на два часа. Иначе это грозит последующей ампутацией), но младший сержант успел много потерять крови, все признаки шока были налицо: низкое давление, частый нитевидный пульс, бледность кожных покровов. Срочно требовалось восполнить кровопотерю. В таких полевых условиях приходится довольствоваться лишь кровезаменителями.

Невский первым делом наладил систему для внутривенного переливания такой жидкости (флаконы с полиглюкином он захватил не зря). Санитарный инструктор Сергей внимательно наблюдал за действиями нового доктора. Похоже, он остался доволен. Врач затем поставил еще пару уколов: обезболивающее и сердечное средство. Наконец, была срезана грязная, промокшая кровью повязка. Старший лейтенант промыл пулевую рану перекисью, обработал ее йодом и спиртом, вновь наложил стерильную повязку, прибинтовал по бокам две проволоочные шины, которые подал ему один из санитаров. Раненого можно эвакуировать к вертолету.

Раненого, пришедшего в сознание, санитары переложили на носилки. Врач заполнил на него первичную медицинскую карточку (прихватил с собой целую пачку — все легче будет врачам на последующих этапах эвакуации), вписал данные на раненого: «Рядовой в/чпп 71176 (1 мсп) Ткебучава Ваха, 1964 года рождения. Диагноз: Огнестрельное пулевое ранение мягких тканей средней трети правого бедра с повреждением бедренной артерии». Вписал проведенное лечение. Особо указал на время наложения жгута. В запасе еще оставалось полтора часа. Карточку приколол булавкой к куртке хэбэ.

Уже через десять минут БТР, который выделил капитан Кожохарь, помчал раненого к вертолетной площадке. Один из солдат-сопровождающих сидел с ним рядом и старательно держал на весу флакон с целебным раствором, ведь внутривенное введение жидкости продолжалось.

Невский перевел дух. Он сделал все, зависящее от него. Сдал своеобразный экзамен. Санитарный инструктор и санитары смотрели на него одобрительно: новый доктор не подкачал, сделал все

не хуже их любимчика, пострадавшего в бою. Доверие к врачу выросло. Это — не «клистирная трубка», напротив, заслуживает краткого и уважительного обращения — «док».

ГЛАВА 5

После участия во многих рейдах, особенно в качестве врача батальона, Невский пришел к твердому выводу, что огромное значение для врача, носящего погоны, имеет отношение к нему солдат и офицеров. Надо много знать и уметь, чтобы заслужить (у офицеров очного, а у солдат — заочного) короткого и значимого обращения «док». Это наивысшая степень уважения. Док обычно немногословен, имеет несколько суровый вид; он таинственно умалчивает о своих медицинских премудростях и смел без пижонства. И еще он должен быть выносливым и уметь спокойно, без бравады, делать свое дело даже под огнем. Резким можно позволить себе быть только в случае крайней необходимости и обязательно к месту.

Бывало, что врач окончательно терял авторитет у солдат и офицеров, попадая в разряд «клистирных трубок», «истребителей мух» и так далее из-за неумения вписаться в сложную боевую семью с очень непростыми внутренними отношениями. Законы жизни внутри армейских подразделений жестки и бескомпромиссны. Качества офицера оценивались личным составом за один-два боевых эпизода. К врачу внимание у солдат всегда пристальное. А если солдаты взяли кого-то изучать, то изучат в лучшем виде! И в случае, если солдатская молва нелестно отзывалась о личностных качествах врача, то очень трудно будет впоследствии доказать обратное.

**Всех поступающих раненых пропускали
через себя: менялись повязки, вводились
лекарства, ставились капельницы.
Лишь погибшие не требовали ничего.**

Задача врача в подразделении, ведущем бой, одна: оказание помощи раненым. И посему врача если и не холят, то, по крайней мере, всеми силами берегут. Толковый командир всегда врача подстраховывает. Часто он негласно поручает опекать доктора одному-двум старослужащим солдатам. Они постоянно держат «ученого» в поле зрения и за врача отвечают головой, прикрывая его в прямом и переносном смысле.

Оказание помощи раненому — это дело коллективное. Первое — обнаружить, второе — вынести, третье — оказать помощь, четвертое — эвакуировать. Это безумно тяжелая работа, требующая титанического напряжения.

В течение дня-вечера из подразделений батальона (особенно пострадала 1 рота) еще привозили около десятка раненых, были и легкие случаи. Всех их старший лейтенант осмотрел, поправил (сменил) повязки, провел необходимую помощь. Он уже не волновался, а действовал спокойно и уверенно — его помощники беспрекословно выполняли его распоряжения. Контакт с солдатами-медиками был налажен.

Всех последующих, как и первого раненого, переправили на вертолетную площадку — благо, они находились относительно близко от управления бригады.

Офицеры, составляющие руководящее ядро батальона, техника, медики разместились на господствующей высоте в районе пригородных населенных пунктов на юго-западе Кандагара. Кишлаки Мирбазар и Гракалача (Невский так и не запомнил, который из них ближе расположен к ним) мало чем отличались друг от друга: ни-

зенькие глиняные домики, окруженные высокими дувалами (глиняные заборы). Почти полное отсутствие деревьев, унылый «лунный» пейзаж.

Как контраст, ближе к самому городу (район Муллазарай) раскинулись обширные поля растительности. Старший лейтенант пытался выяснить, что там растет, но все только пожимали плечами.

Боевые роты батальона вели бой где-то за этими полями. Их подерживали подразделения афганской армии. То там, то здесь поднимались невысокие столбы огня и дыма от взрывов. Они были как игрушечные, а потому казались не страшными с такого расстояния. Невский не раз ловил себя на мысли, что смотрит кино, как в стереокинотеатре (удалось побывать в таком чудо-зале, на входе каждый зритель получал специальные очки, только через них и можно было смотреть такой фильм).

Но это было не кино. Там гибли и калечились люди. Многие еще не дожили и до двадцати. Невольно вспомнилось высказывание одного политика: «старики объявляют войну, а умирать идут молодые».

С наступлением сумерек роты начали оттягиваться назад. Предстояла новая чернильная ночь.

Медики усьелись у крохотного костерка (в земле была выкопана ямка, в ней разожгли солярку в баночке — так и разогрели свой суп-пай). Невский принял горячую банку с гречневой кашей и тушеной, кивнул в знак благодарности, принялся не спеша есть. В качестве повара выступал Гриша Флорь, водитель БТР. Судя по всему, парню нравилось готовить. Он уже не первый раз делился своими мечтами: вернется после Афгана домой через пару месяцев, пойдет работать непременно поваром в самый престижный ресторан. Он уже писал своим родителям, чтобы выяснили все заранее в их городе Перми. На плохой ресторан он даже просил не тратить время.

Товарищи подшучивали над ним, мол, если и там будет готовить такую еду, как сейчас, то его выгонят в шею из такого ресторана на второй день. Невский вполуха слушал треп своих ребят. Он всех их уже считал своими. Казалось, он знаком с ними не один день, а целую вечность...

ГЛАВА 6

Позавтракали ранним утром, еще даже не рассвело. Все тот же Григорий Флорь, напевая свое неизменное: «Вот пуля пролетела, и ага. Вот пуля пролетела, и ага. Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...» — приготовил блюда из своего «ассортимента». Правда, завтрак ничем не отличался от ужина.

С рассветом все управление батальона двинулось на новое место. Колонна по ходу движения росла — вливались на своих БТР и БМП боевые роты.

Старший лейтенант, копируя других офицеров, сидел на броне, спустив ноги в люк. Он уже «сроднился» с ролью старшего на этом бронетранспортере. Представлял себя полководцем, покоряющим города... Ни больше, ни меньше.

Из приятных размышлений его вывел рывок снизу: сержант Жеремин Сергей настойчиво стягивал его вниз. Только теперь Невский заметил, что все офицеры с других боевых машин исчезли внутри своих бронированных коней, он один во всей колонне, как одинокий дуб зеленый, торчит на виду, представляя лакомую цель для снайперов. Пришлось срочно прыгнуть в салон БТР, сел рядом с водителем, надел шлемофон.

Солдаты тактично сделали вид, что не заметили оплошности доктора.

— Товарищ старший лейтенант! Вы не помните, из какого это

фильма песенка? Третий день на язык попала мне, не могу отжаться, — Гриша, лихо, крутя баранку боевой машины, посмотрел на офицера. — Мы даже поспорили с Димкой: он говорит, что это из фильма про войну с фашистами, а мне кажется, из другого, про гражданскую войну.

— Правильно кажется. Это же фильм «Служили два товарища», как освобождали Крым от белых. Там еще играл Олег Янковский и Ролан Быков. Хороший фильм, мне нравится. Только ты кончай эту песенку трепать. Если помнишь, то тот, кто ее пел, плохо кончил.

— Точно, они еще на самолете там летали. В артистах я, правда, не силен, но фильм вспомнил в общих чертах. Димыч, проиграл ты! С тебя банка сгущенки!

— Ладно, — пробурчал в наушниках голос Бургазлиева, — с рейда вернемся, получишь. Он эту сгущенку готов лопать день и ночь, — закончил санитар, не обращаясь ни к кому.

— А как же! — радостно заулыбался Гриша, — я еще в учебке в Союзе на спор выпил шесть банок сгущенки, даже без воды.

— И что с тобой было?! — изумился Невский. — Это же можно до непроходимости кишечника допрыгаться...

— А ничего не было. Правда, два дня потом есть не мог, только воду пил.

— Ну и ну! — только и смог сказать старший лейтенант, внимательно разглядывая своего водителя.

А тот вновь негромко замурлыкал: «Вот пуля пролетела, и ага...»

— Тыфу! Вот, видите, как привязалась!

Бронетранспортер резко остановился. Вся колонна встала. Батальон прибыл на новое место. Предстояло выполнять очередную боевую задачу...

Потекли однообразные дни. Батальон перемещался с места на место, роты блокировали пригороды Кандагара, авиация и артиллерия работала по «мятежным» районам города. Больше всех досталось Дех-Ходже. Похоже, эту часть просто старались стереть с лица земли. Потом советские солдаты совместно с афганцами шли на прочесывание.

Тут и появлялись раненые и убитые. Кто-то подрывался на mine, кто-то попадался на мушку снайпера, а кто-то и в открытом бою получал ранение-увечье. Бои в городе — это всегда большая головная боль всех командиров.

Невский со своими медиками постоянно находился в составе управления батальона. В голове не задерживались все эти мудреные названия кишлаков, при перемещении уже трудно было вспомнить, где стояли накануне: то ли Дехи-Масус, то ли Реги, или Лой-Бала-Карз.

Всех поступающих раненых пропускали через себя: менялись повязки, вводились лекарства, ставились капельницы. Лишь погибшие не требовали ничего. Их складывали в сторонке скорбной шеренгой. Потом всех переправляли на вертолетную площадку к управлению бригады.

Александр уже хорошо освоился с ролью врача этого батальона, похоже, ему удалось завоевать уважение своих подчиненных медиков. В минуты затишья они все садились в кружок и травили байки. С удовольствием слушали и «медицинские истории» Невского.

Гриша Флорь, оставаясь верен себе, с удовольствием готовил на всех. Он даже несколько раз пек оладьи(!), чем вызвал изумление, а потом и восторг старшего лейтенанта. Остальные снисходительно посмеивались, мол, он и не такое может, не раз в рейдах прошлых демонстрировал.

ГЛАВА 7

Это был четвертый или пятый день пребывания старшего лейтенанта врачом в батальоне. Они в очередной раз переезжали на новое место. Колонна боевой техники остановилась прямо на раздолбанной дороге. Пыль, эта вечная спутница всех перемещений, долго не желала опускаться. Лица всех давно уже напоминали маски из японского театра кабуки — были покрыты толстым серо-желтым слоем. Волосы на голове, усы были одинакового соломенного цвета.

Невский спрыгнул на землю, прошелся, разминая ноги. Вокруг каждой боевой машины собрались небольшие группки: люди курили, шутили, смеялись.

Оказалось, что они встретились с другой колонной на соседней дороге неподалеку. Это менял свою дислокацию десантно-штурмовой батальон. Там тоже экипажи вышли из своих БМД, курили, слышался смех. Война-войной, но и здесь находится время для хорошей шутки.

Внимание Александра привлек гранатовый сад. Глиняный забор (дувал), окружающий деревья, был разбит во многих местах. Невы-

сокие деревца были усыпаны громадными плодами. Поразило даже не обилие этих вкусных и сочных, знаменитых на весь мир гранатов, а то, как они растут. Каждый такой шар висел на длиннющей плодоножке, это напоминало новогоднюю елку, украшенную круглыми игрушками. Красота!

Кое-кто из солдат уже рвал эти созревшие дары природы: — Любуешься? Давай лучше съедем по штуке!

Невский даже вздрогнул от неожиданности, оглянулся. К нему подходил, улыбаясь и широко расставив руки, майор Семенчук, командир медроты. «Он же поехал врачом с этим батальоном», — напомнил сам себе Александр. Они обнялись с Михаилом Михайловичем, словно расстались давно, а не несколько дней назад.

Офицеры были одинаково запорошены толстым слоем пыли, на них были бронежилеты с одинаковой надписью «медрота» (это старшина медицинской роты пометил свое имущество, опасаясь подмены), даже автоматы у них были на плечах одинаковые — АКСУ. Закурили, рассказали друг другу о своих новостях. Смотрели, как солдаты в саду рвали гранаты, число охотников на дармовшинку стремительно росло.

— А ну, угости офицеров вкусеньким!

К ним подходил старший лейтенант из первого батальона. С этим командиром взвода Невский уже знакомился, общался не раз. Помнил его имя — Никита — но никак не мог припомнить фамилию. Они поздоровались за руку.

Ближайший к ним солдат в саду перебросил каждому офицеру по огромному бордово-красному плоду, сам вновь продолжил набирать эти шары в свою каску.

Офицеры с удовольствием стали есть, обливаясь соком. Семенчук, оставаясь верен себе, предложил:

— Мужики, хотите послушать анекдоты? Думаю, они вас немного развеселят. Итак, первый: «Значительная часть ДТП происходит из-за того, что водитель недооценивает помеху справа. Особенно ту, которая рядом и не закрывает рот». Еще один: «И третий раз пришел сигнал из глубокого космоса, но молчала Земля: все спутники передавали футбол». Наконец, последний, а то, я вижу, что колонна моя готовится отчалить: «Отправил тещу в круиз на теплоходе «Чапаев». Не «Титаник», конечно, но надежда есть».

Он коротко пожал офицерам руки, помахал на прощанье и побежал к своей бронированной технике.

Почти все двигатели мощных БМД взревели, техника пришла в движение. Шум стоял огромный.

В таком шуме не только голос друг друга нельзя было разобрать, но и выстрелы. А выстрелы прозвучали, и не один. В саду стали падать солдаты, не сразу поняв, что происходит.

Невский с изумлением смотрел на стоящего почти вплотную

офицера. Никита стал заваливаться на сторону, оседать на землю. Пуля попала командиру взвода ниже уха с одной стороны и с другой стороны ниже уха вылетела. Убит он был в одну секунду.

Александр подхватил падающее тело, осторожно опустил его на землю, присел рядом, он неожиданно даже вспомнил его фамилию — Непомнящий. Врач сдернул с плеча свой автомат, выпустил длинную очередь в сторону низеньких строений, откуда и раздавались выстрелы. Так он надеялся привлечь к себе внимание, ибо в этом шуме не все поняли еще об опасности.

Солдаты в саду тоже залегли, многие стреляли, поэтому Невский не боялся их задеть. Он посылал очередь за очередью. Вдруг из сада через пролом в стене выбежала фигура в полный рост. Солдат высоко поднимал при беге свои колени, это выглядело очень нелепо. К груди парень прижимал каску, из которой вылетали крупные гранаты, раскатываясь во все стороны. Глаза его были широко раскрыты от ужаса.

Ужас испытал и сам Невский, когда увидел, что впереди бегущего солдата бьет стреляющая струя крови. Пуля пробила насквозь бедро парня, повредила крупную артерию. Он интуитивно понял, что погибнет от кровопотери, поэтому побежал за помощью.

Александр прекратил стрельбу и бросился навстречу раненому, повалил его на землю, со всей силой прижал свой кулак в проекции бедренной артерии, чуть выше места ранения. Это помогло, фонтан крови прекратился, но так долго удерживать свою руку невозможно.

К счастью, действия старшего лейтенанта заметили. Сзади него взревел мотор, подлетел бронетранспортер, закрыв своей броней офицера и солдата. Это был родной уже борт №165. Из него выскочил сержант Жеремин Сергей, подал кровоостанавливающий жгут. Невский в считанные секунды остановил кровотечение, затем затампонирует раны и наложил стерильную повязку. Счет времени шел буквально на секунды, но спасти бойца удалось. Теперь за жизнь солдата можно было уже не волноваться. После укола обезболивающего раненый даже попытался улыбнуться: «Я так и не успел попробовать гранатов. Вкусные, должно быть». Он показал последний плод, который перекачивался на дне каски — парень так и продолжал прижимать ее к груди.

А по низеньким домикам уже стреляли несколько крупнокалиберных пулеметов с БТР, присоединились и пара пушек с БМД — соседний батальон решил поддержать огоньком.

Всех солдат вывели из сада. К счастью, тяжелых ранений не было. В основном это были касательные пулевые ранения рук и ног. Всех раненых перевязали. Разместили по БТР. На один из них погрузили единственного погибшего.

Колонна продолжила свое движение. Уже в БТР Невский испытал страх: перед глазами то и дело всплывала картина — пуля, проходящая через голову Никиты. А ведь они стояли рядом. Что стоило стрелку выбрать своей мишенью не этого старшего лейтенанта, а другого? Додумывать не хотелось...

На своей стоянке всех раненых собрали и отправили на вертолетную площадку, с ними же было отправлено и тело погибшего. Война продолжала собирать свою кровавую дань...

ГЛАВА 8

Следующая пара дней прошла относительно спокойно. Погибших не было, а раненый поступил только один. Это был санитарный инструктор одной из рот, Сергей Алекса, он наступил на противопехотную мину. Получил частичный отрыв стопы, сам себе наложил кровоостанавливающий жгут, перевязал рану, вколол обезболивающее. Действовал хладнокровно и умело.

Невский все же решил рану осмотреть, когда раненого привезли к управлению батальона. Выглядел младший сержант неважно: сильная бледность, частый пульс. Видимо, обезболивание надо было повторить. После повторной инъекции промедола болевой шок удалось купировать. Парень расслабился. Врач принялся разбинтовывать рану. Тут Алекса начал смеяться. Офицер подумал, что он, наверное, умом тронулся. Начал голову ему ощупывать — может, ранен? Наконец, спросил:

— Ты чего смеешься?

— Знаете, товарищ старший лейтенант, плохо, конечно, что ногу оторвало. Но хорошо, что мало оторвало! Главное, пятка на месте. А это ведь весь упор ноги. Легко будет протезировать. Быстро встану на обе ноги. Еще и плясать буду. Вон, Мересьев вообще на протезах бегал, танцевал, на самолете сам летал. И я еще выучусь на классного специалиста, не решил только куда пойти. Хотя нравится журналистика. Обо мне еще узнают в родном Кишиневе!

— Да, парень, повезло тебе. Я восхищаюсь твоим мужеством!

Невский промыл рану перекисью, наложил новую стерильную повязку. Он не переставал удивляться стойкости раненого: сидит себе и рассматривает свою несчастную ногу. Стопу то вправо, то влево повернет. Парень стальной.

С эвакуацией санитарного инструктора не стали затягивать. Вскоре он был переправлен на вертолетную площадку.

На следующее утро медиков ждал сюрприз. Гриша Флорь не только напек оладьев, но и подал... вареную курицу. Впрочем, особенно удивляться не приходилось: в оставленных кишлаках часто попадалась разная живность. Немного терпения, и можно поймать курицу или даже барана. Командиры сквозь пальцы смотрели на эти действия солдат. И то верно — консервы порядком надоели. Но как он мог ее сварить? Впрочем, земляков у него было полно. Помогли.

Старший лейтенант и солдаты его команды уселись в кружок. Все радостно потирали руки. Вот это пир! Тут Невский не удержался:

— А по какому поводу сей банкет, Гриша?

Флорь радостно заулыбался:

— Сегодня же 18 октября? У меня сегодня день рождения! Двадцать лет стукнуло. Вот я вас всех и решил угостить. Не ресторан, конечно, но для боевых условий сойдет. А в кабак милости прошу года через два-три. Приезжайте в Пермь и узнайте, какой лучший здесь ресторан. Там я и буду работать.

Все радостно загалдели, стали жать парню руку, дергать за уши, хлопать по спине. Невский тут же запустил руку во внутренний карман, извлек на свет авторучку-часы («бакшиш» — так сказал ему дуканщик, когда он покупал для жены дубленку, у них было принято дарить разные мелкие предметы). Часы исправно показывали время, а авторучка писала хорошо.

— Гриша, владей! Скромно, но от души.

Офицер протянул имениннику подарок. Младший сержант даже покраснел — то ли от удовольствия, то ли от смущения.

И банкет состоялся!

Весь день прошел в приподнятом настроении. Раненых не привозили, медики наслаждались отдыхом. Травили байки, делились планами на будущее. Говорили и о войне, идущей рядом.

После обеда к медикам подсел капитан Валентин Кожохарь. Оказалось, что он был в добрых отношениях со всеми этими солдатами, был их частым гостем и в прежних рейдах, дружил с раненым врачом Дубининым Андреем. Он живо включился в обсуждения темы идущей войны. Не преминул поделиться своим боевым опытом — не раз был с ротами в бою.

Закурив новую сигарету, капитан, не спеша, начал говорить:

«По прибытии на место не надо высовываться, не курить, соблюдать тишину, не ослаблять внимания. Если боевая группа занимает позиции, оставленные противником, то идти туда можно только после саперов. Ни в коем случае нельзя произвольно передвигать или поднимать любые, даже самые безобидные на вид предметы. Если в небе появляются наши самолеты или вертолеты, надо постараться залечь и вести себя скромно, не выказывать родным соколам бурной радости. Береженого Бог бережет.

Бой, как бы мы себе его не представляли заранее и как бы ни готовились к нему, всегда настигает врасплох. Он подавляет своей простой и жуткой реальностью, парализует волю, вызывает леденящее чувство пустоты внутри и ощущение пульсирующего где-то у горла сердца, горечь во рту. Мир кажется нереальным: что-то грохочет, что-то пунктиром пролетает мимо лица, брызжет щебнем, каменной крошкой по лицу, одежде. Все чувства обостряются в ожидании главного и непоправимого. По-моему, в этом суть страха. Все проходят через это. Крещение боем — как детская болезнь, которой необходимо переболеть. Но у каждого бойца процесс приобщения к реалиям войны проходит по-своему.

Должен заметить, что настоящие боевые офицеры и солдаты с большим сочувствием и пониманием относятся к банальным людским слабостям в бою, то бишь: бледность, дрожь, заикание, «земные поклоны» пролетающим «твердым телам». Все это принимается с иронией и незлобивым подтруниванием: мол, сами такими были».

Капитан замолчал, повисло молчание, которое вскоре нарушил Невский:

— Да, все может преодолеть человек: и страх, и боль. Между прочим, в молодости Наполеон дрожал как осиновый лист во время бомбардировок города Тулона. Один из солдат, заметив это, сказал другим: «Смотрите, он ни жив ни мертв со страху!» — «Да, это так, — ответил Наполеон, — но продолжаю сражаться. Если бы тебе было вполтину страшно, как мне, ты давно бы уж удрал без оглядки».

ГЛАВА 9

Утром батальон вновь переезжал. Управление разместилось неподалеку от заброшенного кишлака. Настроение было хорошее — завтра всем предстояло возвращаться домой. Мечтали о хорошей бане, об отдыхе на кроватях и белых простынях. Казалось, этот рейд длится давным-давно. А между тем прошло лишь девять суток.

Командир батальона вскоре уехал в управление бригады на совещание. За него остался начальник штаба, капитан Пыхов. Это был настоящий русский богатырь: один только кулак был у него размером с детскую голову. Невский уже не раз решал с ним вопросы эвакуации раненых и каждый раз невольно (и незаметно) сравнивал размеры своего кулака и его. Увы, в два-три раза больше...

Трудно сказать, что действовало: скорое завершение рейда, несколько относительно спокойных последних дней, отъезд командира или общая расслабуха. Многие потеряли осторожность. Но война не прощает такого отношения. И она наказывает...

В полдень за Невским прибежал солдат: срочно требовалась помощь капитану Кожохарю, получившему ранение в голову.

Врач и санитарный инструктор побежали вдвоем, прихватив медицинскую сумку. Под навесом из маскировочной сети на табуретке сидел капитан, все лицо и голова его были в крови. Рядом суеился гигант Пыхов, пытаясь остановить кровь.

С помощью ватно-марлевых стерильных салфеток удалось вытереть кровь и установить источник кровотечения — правое ухо. Точнее, полное его отсутствие. Пуля начисто срезала ушную раковину, из этой раны и шла обильно кровь. Рану затампонировали, плотная повязка смогла остановить кровь.

Выяснилось, что Кожохарь встречался с замполитом батальона. Они решали служебные вопросы. Потом он отправился обратно, проходил по открытому пространству, и только поднялся на пригорочек, как почувствовал сильный удар по уху. Сначала ничего не понял, но увидел падающее перед ним на землю ухо. Зажал рану носовым платком и прибежал сюда.

Скорей всего это было везение — еще бы несколько миллиметров в сторону, и пуля пробила голову. А так... С другой стороны, отсутствие ушной раковины — это явный дефект. Но врач принялся успокаивать раненого, что при современной хирургии, когда пересаживают не только почки, роговицу глаза, но и сердце, раз плюнуть и с пересаживанием донорского уха. Кажется, это успокоило Валентина.

Но тут Пыхов поднял другой существенный вопрос: была ли это шальная пуля (что маловероятно) или стреляли наверняка. Правда, выстрела никто не слышал, значит, палили с большого расстояния, возможно, из крупнокалиберного пулемета типа ДШК.

— Кончай кашеварить! Дело есть.

Григорий поднял голову, помахал рукой и стал подниматься, широко улыбаясь. До него оставались чуть более трех метров, когда случилась беда.

Выстрела опять не было слышно, лишь фонтан крови брызнул прямо в подходящего офицера. Пуля попала в левую половину шеи, повредив сонную артерию. Кровеносный сосуд толщиной с добрую макаронину под большим давлением подает кровь в голову, но стоит ему получить повреждение, как вся эта кровь устремляется наружу. Смерть наступает в считанные секунды.

Гриша упал прямо в руки подбежавшего офицера. Врач почти инстинктивно зажал рану своими цепкими пальцами, пытаясь остановить кровотечение. Что было силы он закричал:

— Жгут сюда! Срочно!! Жеремин, ко мне!

Позже, когда они обсуждали этот момент, Сергей не мог припомнить: услышал он этот крик или сам почувствовал, но он побежал. Немножко замешкался, когда увидел, КУДА собирается врач накладывать жгут. Но мощный рык старшего лейтенанта привел его в чувство. Он быстро подал резиновую ленту.

Невский завел правую руку раненого за голову вверх, наложил жгут на поврежденную левую сторону шеи и на эту согнутую руку, стянул жгут и закрепил его. Кровотечение прекратилось.

— Ты что, никогда не видел, как на шею жгут накладывают? — Бросил взгляд в сторону Жеремина. — Учись, может еще пригодиться. Теперь срочная эвакуация может его спасти. Нужно шить артерию, это хирурги могут сделать в госпитале. Я пошел выбивать БТР, придется ехать на другом. Я сам повезу, останешься здесь за старшего. Где эти наши санитары ходят? Переложите его на носилки.

Врач забинтовал рану на шее, вколол раненому обезболивающее, потом наладил систему для переливания кровезаменителей — надо пополнить запас потерянной жидкости в кровеносном русле. Использовал трофейный пластиковый пакет, который сразу осторожно положил Грише под голову: под тяжестью ее и будет переливаться раствор. Очень удобно!

К ним уже подбегали санитары Чашухин и Бургазлиев, лица у них были испуганные.

Невский оставил на попечение своих медиков раненого, который уже открыл глаза и что-то еле слышно шептал, побежал к капитану Пыхову.

Выслушав врача, Виктор в сердцах замысловато выругался. Потом, чуть успокоившись, продолжил:

— Черт, у меня нет сейчас подходящего транспорта для эвакуации. Может найти водилу, да и на вашем бронике отвезти. Как думаешь?

Словно ему в ответ из-за разрушенного дувала вынырнул бронетранспортер, за ним, не отставая, следовала боевая машина пе-

Из боевых порядков привезли двух легкораненых — сквозные пулевые ранения рук. Им даже не требовалось никакой помощи — все было сделано санитарным инструктором роты.

Короче говоря, надо повысить осторожность. А пока следует переправить раненого на вертолетную площадку, которая по-прежнему разворачивается при управлении бригады. Тут он принял решение задействовать бронетранспортер медиков для этой цели. Невский кивнул головой:

— Хорошо, я пойду и предупрежу водителя. Будем готовы в кратчайшие сроки.

Невский поспешил к своему БТР №165, а сержант Жеремин, не спеша, пошел следом. Он нес тяжелую медицинскую сумку.

Еще издали старший лейтенант увидел своего водителя — тот сидел на корточках у небольшого костерка и что-то помешивал в баночке. «Над обедом колдует», — невольно улыбнулся Александр. Он перешел на спокойный шаг и стал подходить к младшему сержанту, размахивая руками. Потом прокричал:

хоты. Через пару-тройку минут «броня» подкатила к офицерам, лихо развернулась и встала как вкопанная. БМП повторила маневр и встала рядом.

Оказалось, что это из боевых порядков привезли двух легкораненых — сквозные пулевые ранения рук. Им даже не требовалось никакой помощи — все было сделано санитарным инструктором роты. Парни словили пули при проческе пригородного кишлака. А в чреве БМП лежал погибший: снайпер попал в голову.

Это доложил старший лейтенант Абдуллаев, командир взвода. («Командир один-один-один, — так он сказал позднее, улыбаясь, и пояснил: — первый взвод первой роты первого батальона».)

— Очень ты кстати, Джолой! — капитан с видимым удовольствием пожал ему руку. — Давай, в том же составе поедешь на вертолетную площадку, у нас запарка. Надо срочно, кровь из носа, переправить туда раненых наших, и своих перевезешь тоже, включая погибшего. С тобой вот док поедет. Он все тебе расскажет. Если что нужно, говори сразу. Добре?

— Хорошо, я все понял. Только дайте сухпай на моих бойцов, пять человек будет со мной. Да и я бы не прочь перекусить.

— Без вопросов, дорогой дружище. Ну, удачи вам!

ГЛАВА 10

Уже через 15 минут БМП-2 с бортовым номером 67 и БТР-70 с бортовым номером 113 мчались по бездорожью в направлении вертолетной площадки. На впереди идущей боевой машине пехоты так и лежал погибший. Командиром этой машины (командир отделения) был сержант Хряпа Веня, киевлянин. Оператор-наводчик, младший сержант, Верный Юра, до армии успел поработать на шахте в Донецке. Вел гусеничный вездеход рядовой Зимонин Андрей, живший до армии в Кирове. Все эти сведения сообщил старший лейтенант Абдуллаев, представляя своих орлов доктору. Похоже, он очень гордился ребятами из своего взвода, мог о них говорить бесконечно долго. Но время поджимало, не до рассказов. На экипаже боевой машины лежала важная роль — сопровождение и охрана БТР.

Невский ехал на бронетранспортере, водителем которого был младший сержант Женя Раздобудко из Черновцов. Рядом с ним сидел старший лейтенант, командир взвода, рот которого не закрывался — он все порывался рассказать о своей далекой прекрасной родине — Киргизии. Но каждый раз, взглянув в салон, прерывался на полуслове. Пулеметчик башенной установки Пушкаш Вадим, харьковчанин, практически не отрывался от своего пулемета, всматриваясь в приборы наблюдения.

Невский в свою очередь не спускал глаз с лежащего на носилках раненого Григория Флоря. Жгут надежно остановил кровотечение, но тревога не покидала врача. Успеть бы эвакуировать в госпиталь! Капитан Кожохарь с забинтованной головой сидел молча, привалившись к борту, казалось, он даже дремал. Наконец, двое легкораненых негромко переговаривались, сидя рядышком.

На удивление Невского, доехали довольно быстро и без происшествий. Уже через полчаса раненого Флоря выгружали из бронетранспортера. Вместе со своим товарищем Иваном Сухаром Невский еще раз осмотрел раненого. Сменили ему систему для переливания кровезаменителей, вновь используя трофейные медикаменты.

Большой удачей был быстрый прилет вертолетной пары. Уже через пятнадцать минут «стрекоза» приземлилась на площадке. Врачи приняли решение отправить с тяжелораненым водителем фельдшера Черанева Александра — он сможет позаботиться о парне. Сержант без лишних слов влез в «вертушку». Этим же «бор-

том» отправили раненого офицера и легкораненых. За погибшим приземлился второй вертолет этой «пары».

Только когда вертолеты скрылись из виду, Невский вздохнул свободно. Они сделали все. Теперь дело за хирургами. Время поджигало — после ранения пошел второй час.

И опять старшего лейтенанта посетил запоздалый страх. Вновь пуля сразила человека рядом с ним. Одну за другой выкурил две сигареты, немного успокоился. «Эх, говорил я Гришке не петь эту дурацкую песню! Не послушал. Он так все дни и мурлыкал эти слова. Вот и накликал беду. Кто теперь будет работать в лучшем ресторане Перми?! Нет, не думать об этом! Он выкарабкается, я уверен... Как он там пел: «Вот пуля пролетела...» Тыфу, черт! Еще и мне не хватало этой песни!»

Перед обратной дорогой решили немного передохнуть, подкрепиться. Время обеда давненько прошло.

Через час маленькая колонна тронулась в путь. Невский надел шлемофон и теперь через наушники слушал обстоятельный и неторопливый рассказ старшего лейтенанта Абдуллаева. Похоже, Джолой мог, действительно, говорить о далеком доме часами:

— Эх, мужики, как красиво у нас в Киргизии! Представьте только: ровная голубизна невозмутимого Иссык-Куля. Зеленая полоса леса, восходящая до белых, сверкающих снегом гор. Остроконечные заснеженные пики вершин. Чон-Урюкты, Большое Абрикосовое селение. Мой дедушка Абдулла-ата был известный на все предгорье табунщик и охотник. «Мерген» — так звали его люди, признанный всеми охотник. До сих пор остались эти воспоминания детства. Как-то он позвал меня: «Эй, Джолой! Пора, малыш, в седло. Едем в горы!» Я радостно бросаюсь к резвому дедушкиному скакуну, цепкие, жилистые руки подхватывают меня на лету и усаживают в седло. Едем вдвоем. На правой руке деда, покрытой до самого локтя дубленой кожаной рукавицей, устроился, хищно поглядывая из стороны в сторону, немолодой беркут. «Как ты приманиваешь волков, ата?» — моему детскому любопытству нет предела. Он, улыбаясь, отбрасывает в полет беркута, складывает и подносит к губам ладони и тихо — сначала тихо — начинает выводить волчий мотив... Страшно! По моей спине так и пробегает холодок.

Офицер замолчал. Но вскоре вновь продолжил воспоминания. Его голос в наушниках звучал как-то очень по-домашнему, хотелось слушать и слушать:

— В том же году я пошел в школу, хотя мне не исполнилось еще семи лет. Сам директор спросил тогда, сколько мне лет. Я выставил

напоказ семь пальцев. «Ишь, Филиппок! Семь-то когда еще будет — в декабре? А ну, заворачивай-ка обратно, на следующий год придешь». Но я пришел на следующий день. Моя учительница Салы-апай даже пожаловалась директору, мол, что с ним делать? Мол, вы отправляете, а он все равно ходит. Тогда директор сдался, мол, если на пятерки закончит первую четверть, пусть ходит. И вот на пятерки (одни пятерки!) я учился по седьмой класс включительно. А там уж, видно, поняв, что назад не переведут, расслабился.

Джолой заразительно засмеялся. Все слушатели невольно тоже улыбнулись.

— Однажды (это было уже после восьмого класса) летним поднем в Чон-Урюкты приехал генерал. В селении говорили, что давно, еще до войны, он жил здесь, а теперь заехал взглянуть на родные места. Но мне показалось тогда, что это был лишь предлог для генерала, а настоящая цель — привезти мне, мальчишке-киргизу, высокую мечту — стать офицером. Так я и заболел этой мечтой. А после десятого одноклассники записывали в блокноты друг другу заветные пожелания. Помню, как первая красавица класса Бешегуль (между прочим, теперь моя жена) написала мне: «Иди честно и бесстрашно избранной дорогой. Пусть твою дорогу освещает луч счастья». Короче говоря, сразу после школы я поступил в алма-атинское обще-войсковое училище. А после окончания молодым лейтенантом прибыл сюда, в Афганистан. И вот, два года я вожу свой взвод на различные задания. Бойцы моего взвода самые лучшие! Это я говорю тебе, док, с полной уверенностью. И пусть они слышат мой треп, их этой похвалой не испортишь. Так ведь, Вадим и Женья?

— Так точно, командир, — почти в один голос ответили Пушкаш и Раздобудко.

Невский был рад знакомству с такими хорошими ребятами.

ГЛАВА II

Взрыв прозвучал как гром среди ясного неба. Через смотровой люк командира подскочивший туда Невский увидел страшную картину: впереди идущая боевая машина пехоты поднималась в воздух, разламываясь одновременно пополам. Фугас! Но когда успели установить?! Проезжали здесь пару часов назад — все было нормально. Черт его знает, что они туда вкопали (авиационную бомбу? снаряд? мину?), но взрыв был огромной силы. Даже не хо-

телось представлять, что стало с экипажем БМП-2 под номером 67.

Бронетранспортер резко затормозил, чтобы не наскочить на обломки боевой машины, начал медленно сдавать назад, опасаясь попасть под взрывы боекомплекта. Дым, пламя, взрывы — дорога впереди была полностью перекрыта. Фугас был установлен со знанием дела, в самом узком месте: слева возвышалась гора, справа — глубокий овраг, еще дальше — россыпи крупных валунов и участок «зеленки».

Невский попытался открыть нижний десантный люк, размещенный между вторым и третьим колесом. Он хотел проверить экипаж — а вдруг есть выжившие. Но Джолой своей крепкой рукой дернул назад:

— Куда ты? Им уже ничем не помочь. Поверь моему опыту. Да и здесь может быть засада, только и ждут легкую добычу. Сейчас проверим.

Он открыл верхний десантный люк, одел на длинный ствол АКС металлическую каску и приподнял ее немного из люка. Тотчас по металлу что-то стукнуло. Посмотрели — каска была пробита навылет. Крупнокалиберный пулемет здесь уже точно есть. Стреляли справа.

Абдуллаев приказал сдавать назад — будем искать объездную дорогу. Бронетранспортер быстро поехал, и очень вовремя — избежали попадания из гранатомета. Огненная струя пронеслась перед носом. Метров через пятьдесят выехали на ровную площадку. И тут оказались перед выбором, как в русской народной сказке о трех дорогах: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — друзей потеряешь, прямо пойдешь — сам погибнешь».

Командир взвода принял решение — и БТР помчался вправо, планируя проехать через овраг. Сам Джолой под защитой крышки своего люка высунулся из боевой техники, пытаясь разобраться в обстановке.

Новый мощный взрыв раздался метров через тридцать. Бронетранспортер потерял весь передний мост. Возможно, он мог и дальше ехать, но водитель Женья Раздобудко получил смертельные ранения: днище было взломано, и взрывом парня буквально разорвало пополам. Без управления БТР-70 с бортовым номером 113 резко повернул вправо и ткнулся носом в крупный валун. Этим же взрывом старшего лейтенанта Абдуллаева выбросило из машины и

отбросило в сторону.

Взрывом Невского отбросило назад, и он сильно ударился головой о герметическую перегородку, за которой расположено силовое отделение. Уже теряя сознание, он пожалел, что не надел каску на голову. Наступила темнота...

Пришел в себя довольно быстро — кто-то со всей силы бил его по лицу. Это пулеметчик башенной установки Вадим Пушкаш приводил его в чувства, приговаривая: «Док, очнись! Док, очнись!»

Салон быстро заполнялся едким дымом. Надо было срочно выбираться. Вадим открыл нижний десантный люк и подтолкнул Невского наружу.

— А ты?

— Я не оставляю здесь Женьку, заберу его. Сразу за вами вылезу. Найдите лучше нашего командира, возможно, ему нужна помощь.

Медицинская сумка с красным крестом так и была одета через правое плечо, подтянул лямку повыше. Прижимая к груди автомат, Александр рыбкой выпрыгнул наружу. Голова страшно болела и кружилась, тошнило, непрерывный звон в ушах подавлял все звуки. Из рассеченной раны на затылке текла кровь. Глотнул свежего воздуха и закашлялся, приступ сотрясал все тело — так организм пытался избавиться от ядовитых газов, попавших в легкие. Потом началась рвота. И опять выворачивало всего наружу. «Это уже «сотряс» проявляется», — как-то лениво подумал о происходящем. По-прежнему все это казалось каким-то нереальным, дурным сном. И еще одна неожиданная мысль с быстротой молнии пронеслась в голове — номера! У их бронированных коней были несчастливые номера!!! Действительно, цифра 67 на БМП в сумме составляла 13, а в номере БТР вообще присутствует эта цифра.

Он сам представлял теперь прекрасную мишень, но, похоже, его пока не заметили. Длинные трассеры били с нескольких мест в одну точку. Именно оттуда им отвечали короткие очереди.

«Это же Джолой ведет бой! Значит, он жив. Возможно, ранен. Я должен ползти к нему». Эта мысль отчетливо сформировалась в рассыпающейся, разламывающейся голове доктора.

Он, раздирая в кровь руки об острые камни, пополз в сторону Абдуллаева. До него было не более пятнадцати метров. В этот момент у БТР раздался взрыв, струя газа пролетела буквально над Невским. Опасаясь увидеть самое страшное, старший лейтенант все же посмотрел назад. Вадим Пушкаш с останками своего товарища уже выбрался из бронетранспортера, но попал прямо под выстрел из гранатомета. Он погиб мгновенно: как и его друг, он был разорван пополам.

Никаких эмоций не было, мозг бесстрастно отметил еще одну смерть. Похоже, разум уже отказывался принимать новую информацию. Голова страшно болела и кружилась, но Александр с тупым упорством полз и полз к своему оставшемуся в живых товарищу. О том, что он жив, можно было судить по очередям. Стрелял очень экономно — берег патроны.

Увидел офицера издали. Тот лежал между двух крупных камней, которые его надежно прикрывали с флангов. Он что-то непрерывно кричал на своем языке и посылал свинцовые гостинцы. Услышав шорох, Абдуллаев обернулся, увидел и радостно помахал рукой. Снова продолжил стрелять.

Невский подполз вплотную, рассмотрел товарища. Из большой рваной раны на левой голени обильно шла кровь. Повинуясь врачебному долгу, начал действовать скорее автоматически, чем осознанно. «Артерия не задета, — с удовлетворением отметил доктор, ощупал рану, — кость тоже цела».

Не смотря на протесты раненого, врач наложил тугую повязку, остановил кровотечение. Вколочил промедол из шприц-тюбика, сняв

боль. Похвалил себя мысленно, что не снял санитарную сумку, когда сидел в салоне БТР. Все это время Джолой не прекращал стрелять, словно и нет у него никакого ранения. Прервавшись на минутку, Абдуллаев показал рукой влево, где протекал арык, по берегам которого буйно разрослись деревья и кусты, мол, будем туда прорываться.

Закончив свою работу, Александр все так же тупо отполз в сторону. Выбрал удобную позицию чуть поодаль, через два больших валуна, тоже стал посылать короткие очереди в сторону врага.

ГЛАВА 12

Начался минометный обстрел. Мины ложились все ближе и ближе, разбрасывая множество смертоносных осколков, которые с противным воем разлетались во все стороны. «А вот это совсем хреново!» — отметил про себя Невский лениво. Он все еще не мог отделиться от ощущения нереальности событий.

Очередной взрыв раздался совсем рядом, по соседству. Именно там, где находился Джолой. И тут, похоже, мозг очнулся от ступора, вернулись чувства. И первое было — страх. Противный, липкий, парализующий страх. И еще появилось беспокойство о своем соседе. Что с ним? Его автомат прекратил стрельбу. Неужели... Надо проверить. Но как? Мины продолжают рваться, осколки разлетаются, не хочется даже нос высунуть из такого удобного укрытия.

Как он ни боялся, но шагнул навстречу страху и справился. Он даже открыл в себе что-то новое. Встретив страх лицом к лицу и победив его, он стал взрослее.

Старший лейтенант Абдуллаев лежал на спине. Его левая кисть была оторвана, из раны толчками выходила кровь, а вместе с ней и жизнь. Не раздумывая ни секунды, Невский наложил жгут, остановил кровотечение. Принялся осматривать товарища дальше. Пра-

Новый мощный взрыв раздался метров через тридцать. Возможно, бронетранспортер мог и дальше ехать, но водитель Женя Раздобудко получил смертельные ранения.

вая рука тоже пострадала: мизинец и безымянный палец были разможены, а сама кисть пробита в нескольких местах. Наложил тугие стерильные повязки на пострадавшую правую кисть и на обрубок левой. Вколочил обезболивающее.

Только сейчас обратил внимание на поразительную тишину. Обстрел прекратился, не стреляли и из автоматов-пулеметов. Скорей всего, они решили, что все погибли. Тут Джолой застонал и открыл глаза.

— Док, уходи к арыку. Там есть шанс уцелеть. Здесь они мигом накроют.

— Вместе будем пробираться! Сможешь мне хоть немного помочь?

Джолой кивнул головой и попытался приподняться, это ему удалось. Он снова показал рукой в сторону арыка. Целая цепочка крупных камней-валунов создавала идеальный коридор, скрывая от видимости.

Невский закинул оба автомата себе на левое плечо, полуобнял за талию своего товарища и, наклонившись пониже к земле, пошел между крупными валунами. Его самого мотало и кружило, несколько раз они падали, но тотчас поднимались. И откуда только силы брались?! Но эти метров тридцать офицер преодолел почти без остановок. Арык был метра два шириной, но оказался неожиданно

довольно глубоким. Холодная вода приятно окатила с ног до головы, но она же едва не погубила: Александр чуть не захлебнулся, погрузившись почти по горло. Но Джолой, напротив, обрел уверенность и подхватил доктора. Вдвоем они выбрались на противоположный берег и упали без сил.

Отдышавшись, отползли в тень деревьев и кустов. Что дальше? Невский проверил оружие: патронов осталось не более десятка на два автомата. Но их никто не преследовал. Хоть это хорошо. Надвигается вечер. Смогут ли они продержаться всю ночь? Но должны же их искать?! От стрельбы и взрывов было столько шума. Батальон где-то рядом. Они непременно помогут!

И он не ошибся. Сначала стали раздаваться взрывы — стреляли пушки боевых машин пехоты (их доктор уже научился узнавать по звуку), присоединились крупнокалиберные пулеметы, потом и автоматы. А потом в поле видимости появился БТР и три БМП. Свой родной бронетранспортер под номером 165 Невский узнал сразу. Видимо, нашли нового водителя вместо Гриши Флоря. Наконец, в довершение этой подмоги, прилетела пара боевых вертолетов Ми-24, которые отугужили НУРСами (неуправляемые реактивные снаряды) нагромождение крупных валунов вдалеке, откуда и велся огонь.

Спустя несколько минут к офицерам уже бежали сержант Жеремин, санитары Бургазиев и Чашухин.

Раненого Абдуллаева положили на носилки, несмотря на его слабые протесты. Почти бегом офицера перенесли к бронетранспортеру, погрузили внутрь под защиту брони.

Санитарный инструктор обработал рану на голове Невского, наложил повязку, забинтовав лоб-затылок. Они, не спеша, пошли к боевой технике. Невский спотыкался на каждом шагу, но всякий раз его бережно подхватывал Сергей Жеремин, он же помог форсировать и глубокий арык.

Останки погибших ребят с бронетранспортера под роковым номером 113 погрузили на одну из БМП-2, туда же позже положили и останки экипажа боевой машины пехоты с другим роковым номером 67.

Капитан Пыхов, руководивший этой спасательной операцией, подал команду к отправке. Колонна помчалась в обратный путь.

ГЛАВА 13

Уже под вечер командир батальона смог вызвать на себя вертолет. Он завис над небольшой ровной площадкой невысоко над землей, туда и подали носилки с покатечным старшим лейтенантом Джолой Абдуллаевым. Офицеру требовалась срочная операция — воз-

Использованная литература

- «Мактуб» Пауло Козью, М.: 2008 г.;
- «Мысли на каждый день» Л.Н. Толстой, М.: 2008 г.;
- «Они защищали Отечество: О военных медиках, воевавших в Афганистане (В.О. Сидельников)», С. Галицкий, С-Пб.: 2008 г.;
- Повести. А.П. Чехов. М.: 1982 г.;
- «Притяжение строя», И. Есютин, «Красная Звезда», март 1987 г.

можно, правую руку удастся спасти.

Всех погибших решили везти с собой завтра, возвращаясь из рейда.

Невский по возвращении вновь попал в заботливые руки Сергея Жеремина. Санитарный инструктор поставил несколько уколов, один из них — 40% раствор глюкозы внутривенно («чтобы мозг побаловать, а-то он совсем стряхнулся...»). Действительно, стало легче. Вскоре сон навалился на доктора со всей тяжестью...

Утром был проведен завершающий этап боевой операции. Вскоре батальоны стали собираться в общую большую колонну. Бригада возвращалась домой.

Всю ночь и утро Невский так и проспал, точно сурок. Его решили не будить. Но состояние улучшилось. Уже не было непрерывного звона в ушах, да и голова так уже не раскалывалась от боли. Рана на затылке подсохла, поэтому снял повязку с головы — не хотелось в таком виде возвращаться. Даже перебрался на командирское кресло рядом с новым водителем. Это был худенький паренек, рядовой Ташихин Дмитрий. Он напоминал подростка из школы, но свое дело знал хорошо. Бронетранспортер подчинялся его умелым рукам.

Весь обратный путь прошел без происшествий. Невский старался подробно вспомнить все дни этого кровавого рейда. Мысленно простился со всеми погибшими, чья смерть произошла на его глазах, кого не удалось спасти. Пытался вспомнить лица всех раненых, страстно желал им выжить и вернуться к своим родным и близким. А дома... Дома и стены помогают.

Недалеко перед въездом в военный городок колонна остановилась, чтобы почистить перышки. Привести себя в порядок. Появилась спецкомиссия, которая шмонала боевую и прочую технику на предмет ввоза недозволенного. Каждому свое. Кто-то воюет и рискует жизнью, а кто-то...

Наконец, после долгого ожидания «добро» было получено, и участники рейда продолжили путь. Прямо на въезде их встречал военный оркестр. Вернулись с победой!

...Большого труда Невскому стоило отбиться от настойчивых уговоров ведущего хирурга медроты капитана Зыкова. Александр убеждал своего тезку в необходимости госпитализации на десять («в крайнем случае — на семь») дней. Сотрясение головного мозга надо лечить, иначе последствия скажутся в будущем. Нужен строгий постельный режим. Будучи сам специалистом, Невский понимал справедливость этих слов. Но... Но терять еще десять дней?! А вдруг опять отпуск по какой-нибудь причине отложится. Нет и нет! Два дня полежал в комнате офицерского общежития. Хватит! Съездил в кандагарский госпиталь, справился о своих раненых. Новости эти его порадовали: Григорий Флорь был успешно прооперирован, чудо-хирурги подлатали его артерию на шее, теперь его жизни ничто не угрожает; Джолой Абдуллаев тоже был вовремя прооперирован, правую кисть полностью удалось сохранить.

На следующий день старший лейтенант Невский поехал на аэродром. Капитан Зыков вызвался проводить. На прощание он вновь попенял Александра, что тот не вылежал положенное время после такого сотрясения. «Впрочем, я тебя понимаю», — добавил он. Друзья на прощание обнялись.

...Спустя несколько часов Александр Невский, сделав глубокий вдох, переступил порог родного дома... <ИВ>

Сергей ДЫННИКОВ

http://artofwar.ru/d/dynnikov_s_m/

КРЕСТ КРАСНЫЙ...

(Рассказ про друга Мишку, врача Божьей милостью)

Для производства определенного вида работ требуются соответствующие специалисты. Когда свои спецы отсутствуют, приходится привлекать варягов. Поэтому, когда перед командировкой в ОМОНе потребовался связист, выбор пал на меня. А так как штатной должности врача в отряде на ту пору не существовало, откомандировали Мишку. На совещании в отряде я и увидел его впервые.

Мишка прибыл уже после начала заседания, чем невольно привлек общее внимание. Худощавый паренек среднего роста, с выразительными глазами на небольшом лице с мелкими чертами, короткая стрижка темных волос. Лет на десять меня моложе. Во время разговора во рту поблескивала «фикса» желтого металла. Резкими, порывистыми движениями, своими ухватками Мишка чем-то походил на опера уголовного розыска. Начальство при виде него нахмурилось: присутствовали «чины» из УВД, а он прибыл в узких темно-синих вельветовых джинсах, кроссовках и серой рубашке спортивного покроя. В отличие от него, я был во всем «великолепии» формы капитана внутренней службы старого образца, ибо за годы трения о длинные коридоры УВД освоил то нехитрое искусство, что ныне ругательно именуется «дресс-кодом». Впрочем, тайная фига в кармане имела. Вместо общевоинских я носил эмблемы связи. Из вредности.

Совещание шло по накатанному пути веских служебных фраз, неспешного занесения в протокол принятых решений. Давались руководящие указания по грядущей отправке личного состава «в регион». Бойцы внимательно разглядывали потолки, с передних рядов было слышно, как трещат скулы от подавляемой зевоты. Омоновцы были одеты в добротный камуфляж экзотических в ту пору расцветок, обуты в берцы и вид имели суровый. Наконец, предложили задавать вопросы, и народ сразу заметно оживился. Начали со связи, и по характеру вопросов я почти сразу понял, что решили заодно прощупать человека, с которым предстояло жить вместе. И не только жить, но и зависеть от уровня его подготовки, от того, насколько он знает и любит свое дело. Поэтому акценты в разговоре следовало расставить сразу, коротенько рассказать, чем занимался с начала событий на Кавказе. Узнавши, что еду не в первый раз, а в крайний даже шел им на замену, разминутись всего на сутки, заметно успокоились. Я, конечно же, воодушевился и тут же закрепил успех показом носимой радиостанции Воронежского радиозавода! Заверил бойцов, что с ней мы будем как у Христа за пазухой. Не удержался, и попутно в пух и прах разнес радиоэлектронную промышленность отсталой Японии... Слава Богу, на этом месте закончилось отведенное мне время. И, хотя по недоверчиво-задумчивому выражению лиц чувствовалась изрядная доля несогласия с последним моим заключением, братва перестала меня третировать и плотоядно подступилась к доктору...

Мишке пришлось туго. Ехал он в первый раз, до этого тихо-мирно работал доктором на туберкулезной «зоне». Оттуда-то он и приволок свой штатский вид, так как всю форму предпочитал оставлять за колючкой.

Расписывать прелести вытаскивания с того света своих спецпациентов Мишка по неопытности не стал. За что немедленно поплатился тщательно скрываемым недоверием. Короче, завоевывать авторитет ему пришлось даже не с нуля, а с минуса. Мы оба были тогда чужими в стройном коллективе воевавших вместе бойцов, что и сблизило. Немудрено, что именно мне пришлось стать его первым наставником. Ранним утром погрузились в рейсовый Ту-154 до Минвод, оттуда «вертушками» нас забросили на Северный, а к ночи мы уже были в одной из комендатур славного города Грозный. Оперативно...

Расположились по-быстрому. Перекусили, приняли на грудь, прилегали отдохнуть после дороги. Вдоволь наштутились над здоровенным Серегой, имевшим неосторожность попасть в историю в одной из прошлых командировок. Всегда найдется рассказчик, который обрисует былое в новых красочных подробностях. А надо сказать, что обстановка января 1995 была непростая. В Грозном простой я обстановку вообще не помню, но тот январь по накалу боев выдавался тяжелым. И там, где мы сейчас вольготно развалились на кроватях хорошо укрепленной комендатуры, в то время на улице можно было высунуть лишь ствол автомата. Подвала не было, и бойцы, чтобы не рисковать лишний раз, приноравливались ходить по нужде на чердак. Помещение чердака было не слишком большим по площади, и со временем по балкам приходилось перебираться довольно далеко от входного люка. В кульминационный момент обдумывания мировых проблем шальная пулеметная строчка пошла крошить шифер, неумолимо приближаясь к «думающему» бойцу. Вариантов и времени оставалось немного. Можно было остаться в памяти подрастающего поколения бесстрашным героем, а можно было просто упасть ничком за балку. Серега избрал верный путь и остался жив для будущих свершений. Впрочем, учитывая заслуги и медвежьи габариты Сереги, шулки бойцов были разумно-осторожными и почти добродушными. Мишка с интересом присматривался к незнакомым для него ранее командировочным отношениям и в общий разговор благоразумно не вступал.

Ночь покатилась как обычно. Еще с начала войны с легкой руки каких-то балбесов прижился гадкий обычай «обкатки». В первую ночь для вновь прибывшего отряда устраивали «встречу», основательно забывая народное «не буди лихо, пока оно тихо». С наступлением полной темноты начали долбить подствольниками. Били дружно, с потолка осыпалась штукатурка, в бойницах окон, заложенных большими рулонами бумаги для производства молочных пакетов, дергалось багровое пламя. Судя по тому, что иногда приходилось на кроватях подпрыгивать, бросали и ручные гранаты. Обычай варварский, потому что «обкатывать» бойцов, сорок пять суток назад отсюда выбравшихся не без потерь, было просто незачем. Наша кровать была единственной двухъярусной, нижнее место занял при обустройстве Мишка, рассчитывая в будущем вести на ней прием личного состава. Выбрав затишье между разговорами, он приподнялся:

— Михалыч, может че делать надо?

- Ничего делать не будем, спать надо.
- Да как спать-то, наверное, биться надо, вон что творится?
- Нет, — отвечаю, — дадут команду, пойдем биться, а сейчас спать будем, как сможем.

Несколько лет спустя он мне тот случай напомнил, спасибо сказал. Да за что спасибо, сам ведь тоже не сразу привыкаешь под грохот спать. Под взрывы спать спокойнее. Значит, бандит далеко, а когда тихо, значит, крадетя. Дурь, конечно, но срабатывает, сон и правда спокойнее. Зато команды хоть шепотом подавай, все подскочат...

В той же первой своей командировке Мишка, неожиданно для многих, себя показал спецом. И еще каким. Встряли крепко соседи СОБРы. Окружили в городе пятиэтажку, начали биться. Чьи люди были в том доме, точно не скажу, да не суть важно. В эфире стоял сплошной мат, фоном шли звуки хорошего крепкого боя. Наша «располага» находилась ближе к въездным воротам, поэтому раненых по приказу Мишки кого вели под руки, кого тащили именно к нам. Вот тут он распоясался по полной программе. Выгнал всех, оставил только меня на связи, скоро прибежали и другие врачи, мигом признали в нем старшего. Работал Мишка четко и быстро: колол, обрабатывал, наспех наложенные окровавленные повязки и тампоны бросал прямо на пол, наворачивал новые. Братву раскладывали по кроватям. Судя по рассказам раненых, один бэтр сожгли сразу. Второй же честно выполнял свою работу. Принимал на себя осколки и пули, подавлял огневые точки и, в том числе, служил каретой скорой помощи. На нем, уже дымящемся, привезли новую партию раненых. Мишка, не задумываясь, нарушил инструкцию, запрещающую извлекать осколки на месте. Анатомию он знал отлично. Занервничал лишь единожды. Почему? Да потому что в приоткрытую дверь братва с недоверием наблюдала за извлечением большого осколка от подствольника, засевшего в бедре неподалеку от одного из отличительных признаков мужчины. Пытался интересоваться происхождением и сам собровец, так как, будучи под промедолом, боли не чувствовал, но большую озабоченность местом ранения проявлял. Пришлось даже пригласить пару бойцов придержать его. Помогли и клятвенные заверения Мишки, что будущему общению с представительницами прекрасного пола ранение ничуть не помешает, наоборот, придаст особый шарм и загадочность. Короче, заговаривал зубы вовсю...

После этого случая авторитет Мишки поднялся на невероятную высоту за считанные минуты. Мишка этого просто не заметил. Мишке отвлекаться было некогда. На время наш большой взводный кубрик превратился в филиал походного госпиталя. Большинство было контужено, нужно было следить, чтобы бойцы не угостили раненых водкой. Хорошо, что на месте событий контуженным не вкатили промедол — ввиду щедрости русской натуры такие случаи бывали часто. Мишка этому порадовался и вместе со всей сборной бригадой врачей под хорошим прикрытием отвез «болящих» на Северный. Вернулся Мишка злой и матерящийся по поводу царящих там порядков. Возвращение его ждали и отметили небольшим застольем. Только тогда для бойцов он «отныне и навсегда» стал Михай Доктором. Мишка это оценил. Вскоре после окончания командировки он и вовсе перевелся в ОМОН. Я за ним.

Да что о грустном говорить, ну разве мало было хохмы во время командировок, становившихся все длительнее и серьезнее? Было, что подсмеивалась братва над моей привычкой носить с собой «эфку». Посмеивались, что и в баню, и в другие места беру ее, не самую легкую и удобную. Тут важен правильный подход. К насмешкам в омовской среде относиться надо нейтрально, затравят, не желая того сами, от скуки, да и просто, что попал на язык. Нравилась мне «эфкина» солидная, проверенная отцами и дедами, форма и сущность. При случае не давала она шанса ни самому приведшему ее в последнее действие, ни рядом находящимся врагам. Посмеялись и до случая забыли. А к концу

командировок такая накапливается усталость, до отупения. И есть строжайший неписанный закон не трогать чужое оружие, но всякое бывает в жизни. Толпой сидели, тупо смотрели какую-то бодягу по телевизору, когда Эдик снял с предохранителя РПГ и нажал на спусковой крючок. Представьте выстрел «граника» в ограниченном объеме комнаты... Крепко тряхануло все здание, затем еще один разрыв, уже на улице. Я был в дежурке, выскочил в коридор, увидел вылетающих из кубаря в клубах дыма и пыли пацанов, среди которых громко вопил Эдик: «Мужики, это я, я накосячил... мужики...» На ногах у него дымились лохмотья брюк, текла кровь из глубоких царапин от шепок пола. Он ожидал скорой и жесткой расправы за содеянное, но вбежавший Миха потащил его на обработку и перевязку. По горячим следам выяснилось, что «граник» стоял у самодельной лавочки, причем его ремень был накручен на спинку. Чтобы не падал. Граната находилась в трубе. Эдик сам потом рассказывал: «Вот чувствую, что делаю что-то не то. Как будто со стороны вижу, но продолжаю делать!»

Я быстро с фонарем поднялся на чердак, нашел дыру в перекрытии и вторую в шифере, но следов горения не было, спасибо кавказскому климату, позволяющему делать перекрытия из разной дряни. Но, самое интересное, обнаружил я тряпку-не тряпку, длиной метра полтора, что позволило увести все случившееся из трагической плоскости. Когда я опустил ее вниз, Коля «Сынок» с грустью распознал в длинной шерстяной тряпочке свою шапочку-чеченку, до недавнего времени мирно покоившуюся на гранате злополучного ствола. Хохот стоял невероятный, особенно после предложения ее примерить. Запорожцы, пишущие свое искрометное письмо, отдыхают. На волне веселья открылись новые обстоятельства, позволившие мне и далее носить свою гранатку беспрепятственно. Миха начал свое обращение ко мне с проникновенного: «Гребанный Михалыч...!»

Оказывается, он мирно мыл свою чашечку и ложечку в горячем источнике, находившемся метрах в восьмидесяти от ПВД. Первый взрыв заставил вздрогнуть, второй взрыв подле углового поста, когда граната описала дугу, убрал все сомнения: «Началось!»

Было уже темно, резкий спринт в сторону здания однозначно был бы расценен постами как начало нападения. Оставаться на месте также было нельзя, «они шли». Тогда и мелькнула мысль: «Гребанный Михалыч, он носит гранату...!»

Пришлось к ПВД двигаться не торопясь, а скорость включить уже на подходе. Забавной картиной ожидания битвы с миской и ложкой в руках прониклись все.

Веселья михиной истории добавил рассказ Сани «Щеки», мирно сидевшего во время описываемых событий с рулончиком туалетной бумаги в руках. Вышибив дверь и прыгнув в рядом находящийся окоп, Щека обрел способность к размышлению. Удивительно... но и его первая мысль тоже не отличалась оригинальностью: «Гребанный Михалыч...!»

Но так как оружия не было, а в руке был очень нужный иногда, но

совершенно бесполезный в сложившейся ситуации рулончик, взгрустнулось. Сквозь общий хохот Санек поведаль, что уже думал обернуться бумагой и лечь в угол окопа, как мумия. Эдика успокоили, бывает с каждым, и случай этот, где главным действующим лицом стал совсем не он, вспоминают с удовольствием. Обошлось все хорошо, но я заметил, что стали с собой гранатки-то таскать. Дошло...

В тех же редких командировках, в которых случались периоды безделья, Миха усиленно практиковал. Фурункулы, жировики, шипицы и другие болячки удалялись беспощадно. Когда он, войдя в раж, перерезал четверть личного состава, вышел скандал с командиром. Понимая важность профилактических мероприятий, практику он ему, тем не менее, сократил, справедливо мотивируя это тем, что скоро на посты ходить будет некому. В дополнение, будучи не чуждым педагогической жилки, возложил на Мишку обязанность лично следить за качеством и количеством хлорки, засыпаемой в туалет. Все протесты и громогласные ссылки на семь лет обучения совсем другим вещам успеха не имели, человеком командир был железным.

А резать Миха любил. Не зная медицинских тонкостей, иногда я и сам сомневался в правильности его действий. Несколько дней меня мучил небольшой заусенец от пореза на пальце. Работы было невпроворот — затеял ремонт бензоагрегата. Еще не догадываясь о его садистских наклонностях, обратился с просьбой заклеить пластырем беспокоящее место. Как я не заметил его плотоядную улыбку и как он наощупь взял со стола за спиной ножницы, не знаю... Но прежде, чем я руку успел отдернуть, он мне полпальца отхватил. Хлынувшую кровинушку остановил, перебинтовал, и прямо сквозь поток моего «красноречия», оценить которое собралась небольшая толпа, коротко пояснил, чем грозил образовавшийся «карман» на ранке. Ремонт бедняги-бензоагрегата пришлось отложить... Ну, чем не сволочь??? Его очень любили ребята, которых приводили к нему за медицинской помощью. Я, живший с ним в одних помещениях столько времени и, казалось бы, узнавший его достаточно, видел совсем другого человека. Девочку лет семи-восьми, серьезно разможившую дверью пальчик, уболтал с порога показать больное место, причем делал это без сюсюканья, а став на одну ступеньку с ней, сам став ребенком. Дело было скверное, когда мать увела ее, сжимавшую кулечек Мишкой врученных конфет, он поделился со мной: «Возможна ампутация, травма очень запущенная». Но ни разу при ребенке и матери беспокойства не выказал, только после их ухода сумрачно рылся в своих справочниках. Он вылечил ту девчонку. Он вообще часто лечил ребят, которые ему при этом безраздельно доверяли. Как-то сознался, что хотел бы лечить именно детей, хотя это и труднее, чем взрослых.

Иногда ему приходилось давать совет и консультацию прямо в эфире. Когда буквально взвыл врач, оказывающий помощь бойцу на каком-то блоке, Мишка после минутного раздумья взял микрофон, вызвал пост и посоветовал «шунтировать порванную артерию отрезком капельницы в обход». Боец эвакуации дождался.

С Михай было спокойно. С Михай было весело. С Михай было страшно. Страшно было смотреть на его манипуляции, бывшие его настоящей профессией. Но деваться было некуда. Связист и доктор традиционно жили в одном кубрике. Я бдил за своим драгоценным имуществом, Миха приглядывал за «наркотой», и главное, за еще более драгоценным спиртом, имевшим большую ценность для него, как врача, но и немалую — для бойцов.

С этой бесцветной жидкостью, как ни странно, у меня, человека в ту пору непьющего, была связана целая череда профессиональных неудач. С вечера запрол «дырчик» под завязку, ночью он остановится. Ночью, не каждой, но вставать и бежать к нему приходилось. Все просмотрю с фонарем, нормально, бензин-искра есть, запускаю — работает. Ложусь спать. Через час-два гложет. В такие ночи подобные остановки бывали

не раз. Днем ломаю голову, перевожу всю электрику на запасной бензоагрегат, делаю внеплановое ТО. Потихоньку стали закрадываться мрачные мысли об отсутствии профессиональной пригодности. Удручало, что никак не мог уловить причину и хотя бы периодичность неисправностей. Заверения ребят, что все было бы нормально, не ковыряя я движок, не помогали. А сколько техописаний я на эту тему изучил!!! А сколько провел консультаций!!! И не остановился бы! Хорошо, что уже по приезду домой Миха сознался, видя мое собой недовольство, что все дело в... спирте. Отбросив глупые предрассудки, «спишь на ящике — в него и сыграешь», я спал на медицинских носилках именно поверх Мишкиных ящиков с медикаментами. Приметы приметам, а кровати в ту командировку мне не хватило, колотили нары, я предпочел рискнуть. Все равно! Судя по обстановке, шанс вернуться домой и так был невелик. В этих-то ящиках, подо мной, и хранилась драгоценная, особенно в ночное время жидкость! Миха братве понемногу выделял, да и прикладывался с ними за компанию, не трогая НЗ, конечно. Светиться им не хотелось. Так они... Приноровились втыкать в электророзетку перемычку. Неприхотливый армеец АБ-2 сопротивлялся подобному издевательству долго, но затем все-таки сдавался и варварски глушился. Когда меня будили и я уходил, проводилась молниеносная операция по извлечению заветной канистры и отливанию энного количества. И все это в полной тишине!!! Дабы не разбудить командира. На данную процедуру фонарик находился махом, в другое время найти рабочий фонарик было трудно.

Было уже темно, резкий спринт в сторону здания однозначно был бы расценен постами как начало нападения. Мелькнула мысль: «Гребанный Михалыч, он носит гранату...!»

«Мишка, дружище, и ты знал про эту прекрасно организованную диверсию и молчал???» Смеялись вместе, удивляясь, как точно все было рассчитано! Действительно, с хирургической точностью!

Был еще случай, когда знаменитое впоследствии искусство Миши потерпело неудачу, и не по его вине. Серега по прозвищу Ильич, спокойный, хороший паренек, внезапно потерял аппетит и сон. На третий день он сам подошел к Мишке и попросил помощи. Ударная доза снотворных не помогла. Наутро он погиб на броне бэтра, находясь в инженерной разведке. Мишка потом рассказывал, какое бессилие испытал, увидев мертвого уже Ильича, лежащего на броне, и характер его раны. Какого мужества ему стоило, уже как врачу все понявшего, на суету и крики ребят: «Миха, помоги, сделай хоть что-нибудь...!» — просто попросить принести простынь и бережно накрыть тело. Тогда и они все поняли и стояли молча...

Семья его командировки до поры терпела. Но со временем из отряда Мишке пришлось уйти. И все равно он старался участвовать во всех наших мероприятиях, будь то проводы друзей на войну или тризна на старом городском кладбище по погибшим. Да даже вытащить кого-нибудь из внезапного загула он никогда не отказывался, тотчас собирался и приходил на помощь. Только встречались мы в последнее время все реже и реже, да и созваниваться стали нечасто. И дело тут не в его крутых джипах и серьезной работе. Нам казалось, что мы стесняем его, человека уже совсем другого круга. На самом деле мы его этим просто отталкивали от себя.

В конце июля Миха надел медали на камуфляж, зашнуровал берцы, взял «Сайгу», так напоминающую его автомат, пошел за гаражи и застрелился. Я не стираю из памяти сотового его телефонные номера.

Я не могу заставить себя это сделать. <ИВ>

Игорь ПОСЕВНИК

http://artofwar.ru/p/posevnikov_i_w/

СУМКА

... Ему было всегда лень. Все. В учебке любил на физподготовке только рукопашку, брал скоростью и ловкостью. Железо таскать, турник, там, не любил. Делал, конечно, «паечку десантную», как положено, но только, чтобы чмом не прослыть, уважение не потерять. Когда стояли на плацу в упоре лежа, по суставам кулаки в горячем асфальте, представлял, что с каждым отжиманием бьет в рожу лосю этому — сержанту. И легче становилось. Как-то натер плечи до кровавых мозолей. РД под завязку камнями набили ему, потому что втихаря разгрузил, по его мнению, ненужный балласт перед учебным выходом. Так что лень эта приносила плоды скорее скорбные, чем полезные. Впрочем, как и должно быть...

Ну, трагических воспоминаний и до пенсии теперь хватит, хотя, как злились в учебке на сержантов, так здесь, на войне, благодарили на первом же выходе. Горы, горы... они любят сильных, а, впрочем, горы-то никого не любят, если честно...

В общем, когда собирались на броню всей ротой, пришел взводный и сказал, что боеприпасов берем немерено, значит, каждый разведчик берет дополнительно.

Ему досталась лента АГС. Спасибо, блин, большое. Не было печали... Бронегруппа: ходить — мало, смотреть — много. Радовался интересному времяпрепровождению.

Он очень любил путешествовать и здесь, несмотря на

режим секретности, облазил уже все. Как не подорвался на минных заграждениях, не знает никто, но когда рассказывал, как ходил поближе посмотреть на «Гиацинты», у дедов глаза были квадратные. Туда-сюда по минному полю. Да, дураков судьба балует.

Мозг работал бешено. Недавно уволился санинструктор, был такой разговор, сержант из меда, то ли училища, то ли института, дело знал туго. Жалели все, что ушел. Сумка санитарная осталась без хозяина!

Дополнительная нагрузка!!!

И куда лучше ленты этой долбанной.

Доложил про идею лейтенанту, получил за инициативу, как положено, люлей, и стал ждать. Офицер на войне существо такое: я — командир — отвечаю за все, ты — выполняешь приказ, соответственно, остаешься жив и попозже — едешь домой пирожки кушать мамкины. Надо дать время переработать свою идею в собственно Великое Командирское Решение. Так и случилось.

Долго ли, коротко ли, ехали они теперь по бетонке. Он, веселый по причине присутствия сумки и отсутствия тяжелой ленты, пел.

— А не завалить ли Вам, сударь, хлебoreзку? — примерно так, в переводе на литературный русский язык, прозвучал крепкий армейский мат откуда-то сзади. Попутчики объяснили: петь на войне — примета плохая. Заткнулся, конечно.

Страшной силы рев ударил по ушам. Из клуба пыли на месте впереди идущего БТРа медленно-медленно, плавно кружась, летело колесо. Летело вверх, и, кажется, там, в небе, и осталось. Потому что липкий ужас, жуткий холод смерти пахнул в лицо.

Все это было уже знакомо, но каждый раз все оказывалось как впервые. Этот безотчетный миг прикосновения к Смерти. Безжалостной, грубой, вырывающей сердце и душу...

Пыль осела. Развороченная машина стояла метрах в пятнадцати. Слегка дымилась, и вот он. Запах. Запах крови, который не забыть, не стереть никогда.

Пацаны! На том бэтэере был совсем молодой водила. Его первый выход. Пришел из танковых, что ли, сам просился в спецназ, взяли. Увидев свисающего из люка бойца с неестественно вывернутой головой, парня на броне, распластавшегося крестом, глазами в небо, и двух других на земле, рядом с машиной, он решился. Спрыгнул с брони, пролетел три-четыре шага.

И охлест в спину:

— Солдат, стоять! Там мины!

Обернулся, посмотрел лейтенанту прямо в глаза. Он не взял ленту АГС, он взял санитарную сумку. Он взял ответственность за жизни своих товарищей.

— Там люди, лейтенант! — повернулся и пошел к раненым.

Молодой водитель лежал с полуоторванной головой, из шеи, мальчишечьей тонкой шейки, били последние толчки темной крови. Слегка потемнело в глазах. Услышал сзади, как прыгают пацаны с брони, занимая круговую оборону. Как клацают пулеметы по окрестным горам. Возятся саперы, пробивая мины вокруг. Все работают, давай! Хватит нюнить.

Кинулся к обоим, лежащим на земле. Смерть чувствовал чутко. Побывала она здесь. Обожженные, перекрученные тела было не спасти. Перекинул сумку через плечо, схватился за поручень, взлетел вверх на броню.

Смерть была и тут, но не ушла, еще ждала чего-то. Так, рука почти полностью оторвана у плеча, там, где у нас обычно накладка с горами и парашютом. Жгут, пакет. Черт, кровища-то как клещет! Броня под раненым вся липкая уже от этой крови. Второй пакет, затянуть жгут потуже!

Понял — руку отнимут по-любому. Дальше. С ногой — ерунда, осколочное, потом. Голова...

Приподнял аккуратно, продев руку под ... пальцы погрузились в месиво из крови, кожи и костей.

Нееет!!!

Я смогу, я сделаю! Ты будешь жить!!! Парень вдруг открыл глаза, и, посмотрев прямо в душу, прошептал-простонал:

— Ты же спасешь меня?

Ком у горла, только не слезы! Только дать надежду.

Собрался в доли секунд:

— Да ты че, блин! Фигня какая! У тебя легкое осколочное в руку и головой стукнулся, сотрясение, наверное.

По броне застучало. Пацаны подоспели.

...Как ждали «вертухи», как везли в госпиталь. Как в госпитале отбивался от санитаров, потому что был весь в крови, а они норовили все схватить, положить его на каталку. Это все лирика.

Парень умер на столе, когда операцию уже начали. ...Как? Как было это все понять и принять? Прошло еще немного времени. Операционная бригада разошлась. Последним вышел хирург. Устал потянулся в карман за сигаретой и увидел солдата в окровавленной, грязной «песочке».

Тот сидел в коридоре напротив операционной, серый, злой, и плакал...

Хирург подошел, глянул на окровавленного мальчишку, и, пожалев, сказал:

— Слышь, санинструктор, ты не виноват. Ты свое дело сделал, довез его...

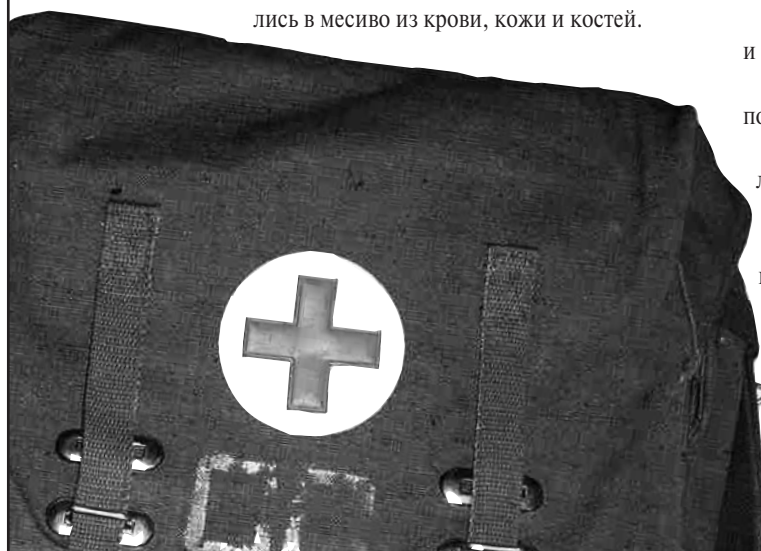
Потом везли его на уазике в часть. Он стоял в душевой и стирал-оттирал от крови «песочку». И было так пусто, просто пустота в сердце. Ни злобы, ни слез, ни боли, ни страха. А глубокая пустота — пустота близости Смерти. С тех пор он не боялся Смерти.

Он имел с ней теперь личные счета. Больше она из его рук никого не вырвет!

А впереди было еще полгода войны и случилось всякое...

Но тогда он взял сумку, чтобы было полегче.

Но так тяжело не было еще никогда. <ИВ>

Вячеслав
НЕМЫШЕВ

<http://www.navoine.ru/authors/nemyshev-vyacheslav>

ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОГО ВРАЧА СТО ПЕРВЫЙ

Вячеслав Валерьевич Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал фотокорреспондентом в ведомственной газете Министерства Атомной промышленности, оператором на кабельном телевидении г. Электросталь Московской обл. С августа 2000 г. корреспондент НТВ программы «Забывший полк»; с марта 2001 – спецкор программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» (о контрактниках-саперах в Грозном) для программы «Профессия репортер». С февраля 2005 по июль 2006 спецкор ГТРК «Россия» (Вести).

— Двойка, к вам идет борт, на борту шесть лежащих и двенадцать сидящих.

— Встречаем.

Гражданские самолеты приземляются, сверхзвуковые истребители совершают посадку.

Ил-76-ой с двенадцатью тоннами рваного мяса на борту «упал» на взлетную полосу аэродрома...

Третьего января тысяча девятьсот девяносто пятого город-герой Волгоград замело колючей пургой по самый Мамаев курган. В утро этого дня военврач Томанцев был поднят по тревоге: сообщили, что на «большую землю» из Грозного прибывают первые раненные.

Шесть да двенадцать получается восемнадцать душ.

Томанцев распорядился, чтобы шесть «реанимаций» с мигалками и пара разъездных госпитальных «буханок» подкатили задком под брюхо семьдесят шестого Ила. Самолет закончил рулежку, крылья качнулись напоследок и замерли. Томанцев стоял первым, за ним остальные — врачи и медсестры, его друзья и коллеги по госпиталю. Заработали механизмы створок грузового отсека...

Весь Новый год в теленовостях передавали сводки о боевых действиях в Грозном. Томанцев считал и удивлялся, что так мало раненных за три дня боев. Конечно, думал он, раненных больше, но их распределили и по другим госпиталям: в Ростов, Владикавказ, кого сразу в Москву в Бурденко.

С ноющим до зубной боли воем стала отваливаться рампа...

Томанцев пожегся, нащупал в кармане бушлата фляжку с коньяком. Коньяк — сосудам бальзам, если в меру. Подполковник Томанцев умел пить в меру — научился через год, как вернулся из Афганистана; и вот дослужился до начальника «гнойной хирургии». С семьей у него лады: жена, дочка — студентка мединститута. С молодым человеком уже встречается. Лизой ее зовут. Стеснительная. Он думал раньше — но боялся об этом думать — что она познакомится с каким-нибудь курсантиком, выпускником-золотопогонником, махнет за ним по далеким гарнизонам.

До половины опустилась рампа. Вдруг остановилась. Засло — стонет на морозе гидравлика. Но отпустило. Снова медленно повалилась...

Ежась на ветру военврачи и медсестры.

Лиза у них в госпитале проходила практику, работала медсестрой. Вон она за его спиной стоит. Настырная девка выросла: спорит с отцом — не удержишь на месте — все ей знать надо, видеть, пощупать самой. Он отговаривал дочь от гнойной хирургии. Случится война — как девчонке на такое смотреть? Ручки у нее тоненькие прозрачные, глазенки серенькие, вся словно тростиночка. Не его, Томанцева, порода — материна. И случилась же война! Как ее теперь уберечь: не пускать, не дать смотреть на страдания! Вдруг не выдержит? Таких, как Лизочка его, нельзя пускать на войну, спасать надо от войны.

Томанцев тронул фляжку — полная фляжка, коньяк в ней пять звезд, подарочный. Решил — с легкоранеными и отправит ее: «Старый дурак, дурак! Дочь родную тащу на войну! Мозгов нету что ли?»

Отвалила рампа. Керосин авиационный — пахуч, транспортник с летунами насквозь пропах.

И пахнуло...

Как вошел Томанцев внутрь — торопился, оступился на скользкой рампе — и задохнулся смрадом. Сладкий приторный дух крови, йода, мочи и горелого мяса, еще сырой кирзы вперемешку с запахом скисших под прелой хэбешкой тел.

Борт, как размороженный рефрижератор протухшей рыбой, был забит людьми.

Томанцев считал и сбивался со счета, но считал снова по головам и подвесным в три яруса койкам. Когда насчитал восемьдесят лежачих, сидячих считать не стал: те копошились, ворочались, чиркали спичками об коробки.

— Не курить, не курить, не курить! — орал человек в летной куртке.

Томанцев толкнул его плечом, вырвался на мороз и чуть не задохнулся — закашлялся на ледяном ветру, но не закричал нервно, а громко и отчетливо, чтобы разобрали врачи и медсестры и тот, пропахший летным керосином, произнес:

— Все внутри! Пощупать, понюхать... Готовить к транспортировке. Закрыть рампу, тепло не выгонять. Меня ждатель, — и пошел от самолета, нараспашку бушлат.

Машины скорой помощи, визжа сиренами, стекались к аэропорту со всего города.

Томанцев поднял больницы, МЧС, милицию; успел отзвониться жене, сказал, чтоб не ждала недели две.

Лежачих грузили и увозили, снова грузили.

Стемнело.

Сине-красные мигалки, будто гигантские гирлянды, растянулись по шоссе в сторону города. В это время Томанцев считал сидячих. На сто первом остановился — у сто первого бушлатом ноги прикрыты — отдернул бушлат: не было у сто первого правой ноги от середины бедра.

— Ты как же сидишь, солдат? Почему не лежа?..

— Дай, закурить... Лейтенант я.

Томанцев прикрыл его бушлатом и, вынув из кармана початую пачку, из другого зажигалку, все вместе вложил сто первому в ладони.

Томанцев думал, как увозить сидячих. Летун в керосиновой куртке прошнырялся по аэропорту, где-то уже остогорамился, радостно так сообщил:

— Там на кольце рейсовые автобусы штук пять.

Томанцев побегал.

Четыре автобуса поехали сразу — водители молча выслушали, молча завелись. В пятом водитель, немолодой кавказец, обедал — жевал вдумчиво, запивал из термоса.

— Поехали, — сказал Томанцев.

— Нэ поеду, у мэня график.

Томанцев прогрыз до крови щеку; потянулся к поясу, расстегнул кобуру и, вынув пистолет, передернул затвор. Ствол упер водителю в лоб.

— Поехали! Аргументировано?

— Э-э, брат, зачем так, да? Доем только...

Он не доел. Томанцев ехал вместе с ним. Забрав последних раненых, автобус понесся, раздирая фарами густо повалившийся снег. Томанцев держался за поручни, стоял и думал о дочери. Где она? Ведь поехала с лежачими, ведь не слушается его Лизка. А он? Он не уберет, не спрятал ее. Она слабая — дочь его родная. Таких война не жалеет: разжует и выплюнет. Спасти, спасти, спасти! Сто восемьдесят раненых нужно спасти, ни одного не потерять!

У госпиталя народу как на вокзале. Носилками таскают, на руках, ковыляющих под бинты поддерживают, кто-то на больное оступился — взвыл матюгами. Часы как минуты. Все двенадцать тонн загрузили: перетаскали, разложили по койкам, матрасам и углам. Томанцев бушлата не снимал, спина взмокла; он считает: сколько врачей, сколько капельниц, сколько жратвы на сегодня и завтра готовить. Забыл о дочери. Искал глазами сто первого и все не находил...

И пошло-поехало.

Первым делом каждого обмыть, рванье задубевшее кровяное содрать иногда со шкурой и мясом. Орут, кто терпит. Голых, наспех обмытых, тащат на перевязку.

Не успевают медсестры, а надо быстро: там сердце останавливается, реаниматолог ребра ломает — пошло сердце, тут же укол, капельницу. В операционной на столе мокрый от крови солдат. Он воем как собака, скулит. Врач над ним с щипцами:

— Терпи. Сейчас третий буду вынимать... От так! — и выдернул осколок из ягодицы.

— А-а... ыы-ы!

Промедол рекой льется. Медсестра ополоумевшая мимо бежит, глаза — блюдца. Томанцев схватил ее за локоть, встряхнул, потряс.

— Лизка где?

— Там печень...

— Что?

— В печень... крови ужас как много... — всхлинула.

— Марш и не ныть!

Медсестра губки поджала, ныть перестала, слезы оттерла.

— Ага, — и побегала.

Томанцев, наконец, добрался до своего кабинета. Сразу выкурил три сигареты подряд, одну за другой...

Парень у Лизки — приятной наружности молодой человек. Аспирант. Историк. Приходил к ним в гости и рассказывал, что хочет он заняться темой военнопленных немцев. Представляете, говорил Лизкин аспирант, из девяноста тысяч плененных под Сталинградом немцев, только десять тысяч дошли, дожили до лагерей!

Сто восемьдесят надо спасти! Надо...

Полночь на дворе. В госпитале ни одного темного окна.

В кабинет ворвался старший ординатор. Рот разевает, а сказать не может.

— Ты чего, старшой? — Томанцев рад, что тот его от мыслей семейных отвлек.

Интеллигентен старшой — коньяк никогда залпом не пьет.

— Мать перемать! Куда прикажете оружие девать, а?

В коридоре, где выбрали подходящее место — куча тряпья: бушлаты, хэбешки, сапоги со вспоротыми голенищами, шапки в одно ухо. Старшой стоит над кучей и держит в руке гранату, в другой пистолет.

— Это что — трофеи? Или в милицию сдавать?

Томанцев ногой ковырнул, бушлата рукав откинул — еще граната, патроны высыпались из драного кармана. Стали кучу вонючую ворошить: раскопали еще с десяток гранат и чуть не цинк патронов. Старшой из середины выудил автомат с подствольником.

— Твою мать!

И пошло-поехало. Первым делом каждого обмыть, рваньё задубевшее кровавое содрать иногда со шкурой и мясом. Орут, кто терпит. Голых, наспех обмытых, тащат на перевязку.

Томанцев распорядился про оружие, а сам уже из реанимации по палатам, по коридорам: там промедол кончился, тут офицер, танкист обгорелый, спеленутый бинтами, как мумия, руками машет, белыми обглодышами ворочает. Убью, кричит, суки! За пацанов убью! Кто подставил нас, суки?!

Томанцев по лестнице спустился на этаж, зашел в туалет. Зеркало над раковиной. Он воды из-под крана плеснул в лицо. Смотрит в зеркало, капли стекают по отражению: по щекам, по седой щетине на щеках, по глазам. На часы глянул — три ночи. Лизка! Вот, дрянная девчонка! Придется отчитать ее дома. Когда ж отчитывать? Недели через две...

Лизка, как проводила своего аспиранта, и сказала им: папа, мама, так и так, мол, молодой человек у меня умный, только не решительный. Мы поженимся. Вы не против, родители? Он мне предложение сделал, а я согласилась.

Почти всех раненых распределили. Томанцев отдышался, шагает к себе в кабинет, думает, что теперь можно и коньяку пятизвездочного.

Почти дошел...

И вдруг видит — солдатик сидит в углу, а в руках держит сапог кирзовый. И дрожит солдатик, колотит его мелко-мелко. Но в сапог вцепился двумя руками, будто во что родное. Шапка-фазанка — кусок стгнившей ваты — на голове. Морда у него чумакая, рот открыт, губешки ребячьи, и сопля зеленая засохшая под носом.

Томанцев остановился над ним.

По-вдоль коридору еще человек десять: кто на корточках, кто вползку. Их с краю таскают медсестры по одному.

Томанцев нагнулся — от солдата пахнуло гнилью — ворот ему оттянул, а там кровавые расчесы и точки черные кучками и поодиночке.

Жирные точки, сытые... Виши!

— Ты чей, солдат?

Тот куренком глядит с поднизу и, заикаясь так, говорит:

— Ле-ле-лейтенантовский, — и глазами неморгающими косится на бугор рядом.

Под бушлатом зашевелилось. Показалась стриженная макушка, голова, лицо землистого цвета. Знакомое лицо-то! Томанцев лоб наморщил. Еп...

— Курить есть? — сказала лицо, будто выблевало.

Лейтенант, сто первый! Безногий!.. Томанцева в жар бросило, пот со лба оттер, вымолвить слова не может. Вот так сортировочный ляп! Есть правило спасать в первую очередь тех, кто молчит. Кто матюгами кроет от боли, тех во вторую очередь: обожгут, орут, значит, силы еще есть. А этот видать так крепко молчал, что не заметили...

Сто первый черными губами пошевелил — голос у него ровный и тихий, будто и не болеет человек вовсе, а спросонья будто:

— Ты этого... этому придумай какую-нибудь болячку. Убили бы его... Я ему дал свои сапоги, чтобы держал в обеих руках и не потерял, а он один просрал в дороге. Я его потащил за собой как будто бы он раненый легко. Но он целый... Только убили бы его, если б остался там. Таких сразу убивают, я видел. Мне обидно стало, что убьют не за х...р. Придумай ему болячку, напиши в своих бумажках. Слышь... Пусть пацана отпустят домой к мамке. Он мамку звал, когда их убивали. А я ему дал сапоги и говорю, ты, дура, смотри, балакай всем, что меня сопровождаешь, типа я очень важный клиент, и ты должен меня с сапогами доставить. И сам, что тоже раненый... Напишешь?

Ни слова не произнес Томанцев. Сто первый равнодушно спросил:

— Курево есть?... Таких, как этот, нельзя пускать на войну. Нельзя... Слабый он, убивают сразу таких на войне.

Томанцев вернулся в кабинет, достал фляжку с коньяком и, не отрываясь, выпил все до последней капли.

Свадьбу ведь они назначили через месяц. Свадьбу решили играть дома, чтобы по-семейному, но обязательно с аккордеоном. Старший ординатор, друг его по Афгану, так играл, так играл! И квартира, где жить молодым, была — от бабки осталась — на Спартановке: двухкомнатная и с видом на Волгу.

В кабинет ворвалась бледная Лиза.

— Папа... товарищ полковник, почему промедола нет? Да слышишь, что ли? Папа, папа...

Тому солдатику с сапогом Томанцев придумал болячку. Сам написал историю болезни. Ровно через две недели отпустили солдатику домой к мамке. Спасти удалось почти всех — сто семьдесят девять раненых из того первого борта, который «упал» на взлетную полосу волгоградского аэродрома третьего января тысяча девятьсот девяносто пятого года. Один умер — лейтенант сто первый. Ночью тихо умер — остановилось сердце, только утром и заметили. <ИВ>

Валерий
ЦАПКОВ

Майор (ВВВ)
Участвовал:
Афганистан

http://artofwar.ru/c/capkov_w_w/

МЕДИЦИНА В АФГАНЕ, СУБЪЕКТИВНО

Помнится, когда учился в школе, какая-то учительница бросила фразу:

«Такое впечатление, что каждый капитан считает своим долгом написать мемуары про свое участие в Великой Отечественной войне...»

Фраза запомнилась. Прошло время, и оказалось, что мне интереснее читать эти книги рядовых войны, которые второй раз никогда не будут переизданы. Быть может, это индивидуальное, мне интересны не стратегии, а то, как жили и выживали конкретные люди. Из-за множества подробностей, которые не выдумаешь.

Попробую, пока при памяти, последовательно изложить все, что было связано с военно-медицинским обеспечением в Афганистане. Исключительно через призму личного опыта. Что сам видел и что сам попробовал. Без эмоций и оценок. Сопровождая фотографиями, которые сделал сам. Мои впечатления отражают лишь мой личный опыт, наверняка было много мест, где все было иначе, или чуть-чуть не так. Погнали...

ПРИВИВКИ

Служить поехал в звании старшего лейтенанта, 24 года, на должность замполита 4-й парашютно-десантной роты 317-го парашютно-десантного полка. Батальон охраняет президентский

дворец. Здоровье хорошее, рост 174, вес 69, не курю, алкоголь — очень умеренно, увлечение бегом на длинные дистанции по пересеченной местности.

На пересыльном пункте для офицеров в Ташкенте очередь на отправку приходилось ждать несколько дней. Одна из обязательных процедур — комплексная прививка от нескольких инфекционных заболеваний. После прививки ставится штамп в заграничный паспорт, без него в самолет не пускали. Прививку не делал, не хотелось стоять в очереди. По совету старшего товарища вложил в паспорт 3 рубля и получил штамп. Там же, на пересыльном пункте, получил совет, не помню, от кого: «Чтобы не заболеть гепатитом, ешь, сколько можешь, сахар и конфеты, а также лук и чеснок при всякой возможности...»

В полку, в Кабуле, тоже были какие-то прививки, «пистолетом». Роту приводили строем, командир роты делал первым, затем — все остальные, по списку. Делал один раз.

ЧЕМ БОЛЕЛ И ЧЕМ ЛЕЧИЛСЯ

Расстройство желудка. Первое, что сказал мне командир роты на медицинскую тему, когда я представился о назначении: «Не пей сырую воду. Когда начнется расстройство желудка, а оно начнется, доложи».

Расстройство желудка началось через три недели, в сентябре 1984-го. Относительная жара, воду из крана не пил, однако, расстройство желудка состоялось. Конкретный понос. Постарался как можно меньше есть и пить. Доложил командиру роты. Расспросив, что я за эти первые две-три недели ел и пил, он дал совет: «Кипятильник в ротной канцелярии есть. За час до приема пищи, перед столовой, выпей кружку очень горячей воды».

Не знаю, насколько это научно, но через несколько дней желудок успокоился.

Чесотка. Началась на второй месяц. Сильный зуд на локтевых сгибах. В патруле по Кабулу купил большой пакет мандаринов и заехал в инфекционный госпиталь. Нашел там кожное отделение, врача. Объяснил ему проблему. Отдал мандарины. В обмен получил бутылку 0,5 какой-то жидкости, она была двухслойная, разной плотности. Врач сказал: «Перед тем, как мазать, тщательно взболтать. Эффективнее ничего не существует. Но, чтобы в рот не попало, ядовито».

Чесотка исчезла за несколько дней полностью. А бутылка осталась. Очень многим еще пригодилась в роте.

Опять расстройство желудка. Причем в автоколонне Кабул-Хайратон-Кабул, на обратном пути. Началось в районе Саланга. Вряд ли из-за моего желания оправиться «Урал» можно останавливать. Да это и невозможно. Обоср...ся в кабине машины — тоже не к лицу. Начал размышлять. Бурчание в животе — следствие работы бактерий. Значит, их просто надо убить. Взял флягу с водой и накрошил туда с десяток таблеток аквасепта. Этот препарат выдавали для обеззараживания воды. На флягу, если правильно помню, нужна была таблетка. Разболтав раствор, стал пить мелкими глотками. Желудок успокоился, замер. На следующий день доехали до Кабула. Желудок по-прежнему не подавал признаков жизни. На третий день пошел к полковому врачу:

— Полный запор. Похоже на признаки брюшного тифа.

Врач выслушал про мое самолечение и ответил:

— Вы раствором хлорки на форме пишете фамилию и номер военного билета. Теперь представь, что ты этот раствор выпил...

Через несколько дней рассосалось. Проср...ся, наконец...

Больше ничем не болел.

В роте было около 50 человек, число находившихся в госпиталях и полковом медицинском пункте было приблизительно 5-10. Из офицеров роты с инфекционными заболеваниями ложились трое. Среди офицеров батальона в госпиталь ложились с инфекционными заболеваниями: гепатит, брюшной тиф, сибирская язва (1 человек). Холерой не болели.

ОПЫТЫ НА ЛЮДЯХ

Ничего не знаю. Но, предполагая, что война — раздолье для любознательных медиков. Дали как-то в засаду какие-то таблетки. Кажется, сиднокарп, возможно, я путаю. Чтобы, якобы, не спать. Полночи ползал от камня к камню, будя спящих. Под утро взбесился, перевернул спящего солдата на спину и ударил прикладом автомата в живот. На нем был бронежилет, от удара он лишь проснулся и виновато поглядел на меня.

— Ты чего спишь?

— Я не виноват, таблетку проглотил.

А однажды ночью меня разбудил батальонный врач, лейтенант. Рядом с ним стоял фельдшер соседней роты.

— Валера, этот солдат ночью пошел в сортир, посколькунулся на говне, выбил плечо, у него болевой шок.

— А я причем?

— У тебя под кроватью в ящике есть промедол, ему срочно

нужен укол от болевого шока.

— Давай я ему дерну руку и вправлю сустав. А шприц-тюбиков не дам.

Под кроватью у каждого офицера был ящик из-под боеприпасов, где хранились личные вещи. Запирался он на замок, купленный в дукане, китайского производства, фирм «Три кольца» или «Белая цапля». Там и хранился у меня промедол в шприц-тюбиках на случай боевых действий.

Поглядев на кровянистую на первых боевых, этот доктор сам себе вколол промедол, и подсел на него. Заступив помощником дежурного по полку, он в книге приказаний написал левый приказ, обязывающий офицеров сдать промедол. На этом его служба в Афгане и закончилась.

Примыкает к теме и употребление наркотиков советскими военнослужащими. Но, поскольку в начале я сказал, что буду описывать только то, с чем лично сталкивался, скажу... Лично за два года службы не видел ни одного солдата или офицера под воздействием наркотиков, кроме этого лейтенанта-медика.

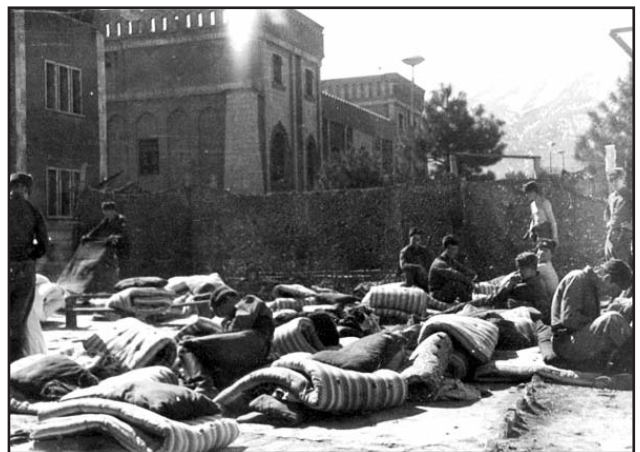
Вот такой у меня ограниченный опыт. Много рассказов слышал, но, здесь — только то, что видел.

Интересно написать подробно про алкоголь. В другой раз, скучно не будет.

ВОДА

В полку был водопровод, который обеспечивал и президентский дворец. Качество воды было хорошее, однако, от сырой воды начиналось расстройство желудка. Пить ее категорически запрещалось. После посещения столовой солдатам можно было во фляги набрать кипяченой воды. В роте кипятили в электрическом чайнике, кипятильниками, заваривали чаем или верблюжьей колючкой. Одной из обязанностей патруля по полку было требование останавливать солдат и проверять, какая вода во флягах, сырая или кипяченая. О нарушителях сообщалось рапортом, на подведении итогов по пятницам командиры подразделений получали за это от командира полка. Командир батальона как-то придумал наказание для нарушителей питьевого режима: на шею два резиновых чулка от ОЗК, каждый наполняется водой, и носить на шее целый день. В каждый вмещается 11 литров, это я слышал в 300-м парашютном полку в Кишиневе, что в чулок помещается 11 литров вина. Идея комбата имела большое воспитательное воздействие. Что и отражено в ротной сатирической стенной газете.

В Кабуле можно было купить «Кока-колу», «Фанту», реже — «Спрайт». Цену не помню, около 5 афгани. В полковом военторге можно было купить «Боржоми» в стеклянных бутылках, фрукто-

вые соки югославского производства «Дора», лимонад «Си-си» голландского производства в баночках 0,2, греческий апельсиновый сок в жестяных баночках 0,125. Цен в чеках Внешпосылторга не помню, но полностью заменить потребность в воде офицерам, а тем более солдатам, они не позволяли.

Еще вспоминается река Кабул, грязная, зеленая, вонючая, из которой местные черпают воду.

ЕДА И ВИТАМИНЫ

Про еду опускаю. Требуется отдельный очень подробный текст. Вскользь скажу про фельдшера, который стоял на входе в полковую столовую и клал каждому входящему в руку две круглые витаминки из большой банки.

МЫТЬЕ ПОСУДЫ

Каждый ел из своего котелка, который, вместе с подкотельником сам и должен был мыть. Экономия как на обслуге, так и локализация возможной инфекции. При входе в столовую каждый солдат должен был показать котелок и подкотельник и руки, продемонстрировать их чистоту. За полковой столовой был «поларис», сооружение из бочек, где горелка на солерке грела воду. После посещения столовой каждый был должен вымыть свой котелок. Рядом стоял офицер, который должен был следить за этим. Достигалось с трудом. На вилле главного военного советника, которую охранял наш караул, было самопальное устройство для кипячения воды, состоявшее из двух лезвий от штыковой лопаты, от них два провода, это опускается в бочку с водой. Аналог кипятильника из бритвочек «Нева». Вода вскипала быстро.

ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРОВ

Категорически не согласен с Кроу, что проблемы в Советской Армии с медициной — от отсутствия профессиональных сержантов. От отсутствия в штатном расписании какой-то должности ее функции выполняются другими. Свято место пусто не бывает. При нетребовательности молодых сержантов их функции эффективно выполнялись дембелями. При отсутствии требовательности солдаты со слабой волей запускали себя, могли и руки не мыть. Старослужащие фактически выполняли роль профессиональных сержантов, не являясь ими.

Интересен опыт командира полка, когда он однажды на утреннем построении отдал команду:

— Пятая рота, пятьдесят шагов вперед, шагом марш. Форма одежды номер 1.

Рота вышла и разделась до трусов. После чего он приказал офицерам штаба осмотреть всех и пересчитать число синяков, ушибов на теле и потертостей на ногах. После чего объявил:

— Через две недели проверю, что изменилось.

Последствия были серьезнейшими. За потертостями стоят грязные портянки и плохие сапоги, за синяками — неуставные взаимоотношения, казарменное хулиганство и травматизм. Простой статистический анализ заставил вздрогнуть командиров, замполитов и старшин.

Был интересный случай. За два года службы в роте никто не погиб, лишь одному из солдат оторвало ногу на mine. Солдат на второй неделе прибытия заболел, был отправлен в госпиталь, больше в роте не появлялся, но находился в штате. Через полгода в команде выздоравливающих он был направлен на хозяйственные работы в штаб армии. Они там были задействованы на каких-то хозяйственных работах. (Дальше идут не факты, а пересказ). Товарищ ему предложил:

— Там, в «зеленке», фруктовый сад. Пошли, яблок нарвем.

— Пошли.

Они пришли и обнаружили табличку: «Осторожно, мины».

— Это прапора поставили, чтобы мы яблок не рвали.

— Да.

Они пошли рвать яблоки, и солдату оторвало миной ногу.

Поскольку был жесткий спрос за травматизм и ранения, стали искать виноватых. На полковом подведении итогов подняли командира роты, за солдата, про которого он уже забыл.

— Как допустили? Где воспитание?

В ответ командир роты, он был уже готов к вопросу, достал журнал доведения приказов до военнослужащих:

— Вот, по прибытии в роту он был под роспись ознакомлен с приказом о запрещении рвать яблоки в «зеленой зоне».

Собрание офицеров просто грохнуло от смеха. Дело было вот в чем. Рядом с президентским дворцом был фруктовый сад, где росли яблони, абрикосы и прочее — источник дизентерии. По весне наши солдаты соревновались с афганской бригадой национальной гвардии, кто быстрее их оборвет. Поэтому и был такой приказ — запретить всем рвать яблоки в зеленой зоне под роспись.

Вообще, это был очень полезный журнал. Вспомнилось, как в Омской учебной дивизии, где курсантом был на стажировке, командиры взводов соревновались, кто больше придумает поводов для сбора подписей: «Я под роспись довел запрет распрямлять гвозди обухом топора, а то ударят по пальцу, а я буду виноват».

СТИРКА И БАНЯ

Форму стирал каждый себе сам. Проще было летом: кладешь ее на асфальт перед казармой, поливаешь водой из шланга, потом с хозяйственным мылом и сапожной щеткой трешь. Потом смываешь. Можно очень чисто выстирать. Зимой намного хуже. Появилась в роте и стиральная машина, обычная квартирная. Но без горячей воды и моющих средств — малополезная вещь.

Портянки и простыни сдавались на стирку централизованно, еженедельно.

Периодически медики проверяли чистоту, однажды нашли вошь. После этого были приняты следующие меры: стирка всего обмундирования, матрацы, одеяла и подушки вынесли перед казармой и густо посыпали дустом. После чего все это отлеживалось несколько часов. Поскольку дело было в президентском дворце — зрелище было интересное.

В полку баня была. Обязательное посещение — раз в неделю. Душевые, парилка и бассейн. Самую экзотическую баню посетил на заставе артиллеристов, к северу от Саланга. Сложили стены из камней, внутри бассейн 2 на 2, чтобы добавить пара, нужно плеснуть воды в гильзу от снаряда, вмурованную в стену, огонь с другой стороны. Баня в президентском дворце Бабака Кармала очень качественная, круглый бассейн с холодной водой глубиной почти 2 метра, выложен мозаикой. Парилка на электричестве. Объект контролировался «девяткой».

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

В 6 утра весь полк, не задействованный на боевых действиях, строился на зарядку, вольные упражнения и бег. Я, если была возможность, бегал утром и вечером. На территории дворца был бассейн, окруженный маскировочной сеткой, вырытый нами и для нас. Для офицеров, еженедельно, офицерское многоборье (бег+гимнастика+стрельба) или просто бег 3 км.

В свободное время играли в волейбол, футбол. На матче «сбор-

ная Афганистана против сборной полка» сломал ребро. В футбол играю плохо в силу неспособности к командной игре. Зато бегаю быстро. Разогнавшись, я ударился в штангу противника и сломал ребро. Мы проиграли. Афганцы играли лучше.

ТУАЛЕТ И МУХИ

В батальоне, который был на территории дворца, был бетонный туалет рядом с казармой, половина — для нас, вторая половина — для афганской гвардии, там было грязнее. Глубокая яма, дыры в бетонном полу. Оправляться из казармы всем нужно было только там. У ленивых было искушение пописать за углом казармы. Для воспитания их командир батальона приказал повесить плакат: «Здесь оправляются только ослы».

На территории полка был общий туалет, неподалеку от стены с французским посольством. Командир полка, во избежание неуставных взаимоотношений, подходы к нему оградил колючей проволокой, в ночное время был направлен прожектор. Возле штаба полка был еще туалет для командира полка и заместителей — отдельный.

Туалет на аэродроме, в расположении дивизии, был длинный, человек двести одновременно могли зайти. На одном из дивизионных подведений итогов услышал фразу: «плотность мух на квадратный метр». Речь шла о том, что в районе аэродрома она увеличивается из года в год.

Еще раз слышал этот термин в полку, когда на экскурсию приезжали проверяющие из медицинского управления ВС СССР. Была такая практика: проверяющих из Москвы отправить в наш полк, а в полку — в президентский дворец, на экскурсию. Бабака Кармалы в этот день в Кабуле не было, проверяющие прошли по кабинетам. Моя роль была в том, чтобы их на память сфотографировать, пленку съемок в канцелярии главы государства забрали. После экскурсии им подсунили на подпись акт проверки дивизии. Гости из Москвы начали было возмущаться, спорить по цифрам, потом махнули рукой и подписали. О чем спорили — не знаю. Стоял и фотографировал.

МУСОР

В роте очень строго было с порядком в прикроватных тумбочках, где хранились личные вещи. Ежедневно порядок в тумбочках проверялся. Как-то столкнулся с дневальным по роте, который нес гранаты и патроны.

— Это что?

— Порядок в тумбочках наводим. Командир роты сейчас проверять будет. Посторонние предметы в сортире иду топить...

Мусор в полку сваливался в автомобильный прицеп, который стоял возле полкового туалета. Каждое утро дежурной машиной он вывозился на северную окраину Кабула.

На второй неделе службы в Кабуле, заступив помощником дежурного по полку, вывозил. Было это так, дежурный по полку приказал:

— В пять утра берешь пожарный патруль по полку и вывозишь мусор. Водитель дежурной машины знает, куда ехать.

В пять утра пришли два сонных дембеля из пожарного патруля и сказали, что готовы ехать.

— А где у вас лопаты? Как будете разгружать прицеп?

— Как-нибудь. Не в первый раз.

Выехали за город, остановились посреди свалки. Темно, но близится рассвет. Какие-то бледные тени подходят с разных сторон. Я расстегнул кобуру и снял ПМ с предохранителя. Водитель машины спит, его автомат валяется под сиденьем.

Какие-то люди откидывают борта прицепа и начинают вручную сбрасывать мусор. Подходит стадо овец, они что-то шиплют на поле, где нет ни травинки.

Уезжаем. В полку водитель протягивает мне 200 афгани.

— Это что?

— Ваша доля.

— За что?

— За проданный мусор. <ИВ>

Юрий
ПАШКОВ

ПРОПИТЫЙ МЕДСАНБАТ

Началась эта история во время второго этапа вывода советских войск из Афганистана (если считать вывод шести полков — первым, а окончательный вывод в феврале 1989 — третьим). Май 1988 года. С целью недопущения огневого воздействия на колонны выводимых войск было увеличено количество временных застав и блок-постов вдоль трассы вывода. Для этого были отменены многие, если не все, операции и рейды и все силы были брошены на обеспечение безопасности вывода. Не миновала эта участь и горный батальон Н-ского полка мотострелковой дивизии. Дело, хоть горной пехоте и несвойственное — стоять на блок-постах — но не особенно-то и хитрое. Не зевать, бдить, зыркать по сторонам — вот и вся премудрость. Не гоняться за духами, а стоять на месте, не подпуская супостата на выстрел. Так, или примерно так, рассуждал зампотылу этого батальона. А коль так, он добросовестно залил баки всей техники, стоящей на блоках, под пробки и, сверх того, пригнал про запас два бензовоза: один с бензином и один с соляжкой. Зачем, спрашивается, он это сделал? Но зампотылу был человеком предусмотрительным и где-то даже перестраховщиком. Как он однажды выразился: «Моя должность — это, вообще, должность для битья. Не дослужишь — быют, и переслужишь — быют. Так пусть уж быют за то, что переслужил». Вот и пригнал он эти два бензовоза на всякий случай, хотя никакой езды не предполагалось, повторяю. Но точно так же рассудил и командир батальона капитан П. и, недолго думая, продал местным «бачам» не только соляжку и бензин из бензовозов, но и из баков машин. Он даже поделился с... кгм-кгм... кем надо вырученным «бакшишем». Так что, когда грянул гром, после коего положено креститься истинно русскому человеку, и понадобилось ехать, а ехать оказалось не на чем,

комбат без зазрения совести перевел стрелки на зампотылу: ату его, рас-сук-кина сына, это он не обеспечил нас топливом! Зампотылу в то время занимался какими-то своими делами в ППД и известие о том, что техника батальона стоит без топлива, за что его намерены предать аутодафе, повергло его в кратковременный шок.

Принимать мгновенные решения зампотылу умел и через пару часов стоял перед командиром дивизии генералом Б. в сопровождении водителей обоих бензовозов — сержанта С. и рядового Ж., которые честно, без утайки, рассказали комдиву как, когда и куда они ездили по приказу комбата, как комбат (кстати, в прошлом — прапорщик) продал духам горючку, короче, все подробности. Зампотылу угрюмо стоял в стороне и после солдатской «исповеди», ни слова не говоря, вопросительно уставился на комдива. Тот, будучи человеком мудрым, прекрасно понимал, что после случившегося, мордобой (и это в самом лучшем случае) между комбатом и зампотылу всего лишь вопрос времени. В исходе разборки сомневаться не приходилось, учитывая физические кондиции зампотылу, батальон, несомненно, остался бы без командира. Короче говоря, «двух медведей в одной берлоге» нужно было срочно разводить по углам.

Приказав зампотылу отправляться в полк и пообещав скорое решение проблемы, командир дивизии углубился в невеселые размышления. Комбат — вор и подлец, позорище, но воюет-то неплохо. Зампотылу подлости не простит и просто размажет сукина сына по стене. Что же делать?

Прошло полтора дня. К исходу второго дня комдив вызвал к себе упомянутого зампотылу батальона и приказал срочно сдать дела и принять должность зампотылу дивизионного медсанбата. Ошарашенный майор попытался протестовать, но комдив обладал редким даром убеждения и пояснил, что по имеющимся у него данным, положение в тылу медсанбата просто ужасающее, колоссальные недостатки всего, что только можно, и он, командир дивизии, ПРОСИТ тщательно разобраться в деталях: чего именно не достает, что можно списать по инспекторскому свидетельству.

— Подпишу любое инспекторское свидетельство, — твердо пообещал комдив. — Иначе, придется пересажать весь медсанбат. Спасай дивизию от позора! Ведь скоро вывод и нам в Союзе будет не отмыться! Твоя сверхзадача: подготовить медсанбат к выводу войск!

После таких слов самого командира дивизии деваться было некуда.

— Есть, принять должность зампотылу медсанбата, — с убитым видом выговорил майор и любопытствовал: — а кто там сейчас зампотылуствует, товарищ генерал, что с ним?

Ответ был лаконичен и исчерпывающ:

— Повесился!!! — комдив испытующе взглянул на стоящего перед ним майора. Увиденное ему неожиданно понравилось. — Ну, все-все, двигай в медсанбат, принимай дела, жду результатов.

Выйдя от комдива, новоиспеченный зампотылу медсанбата встряхнул головой: «Экое коловращение жизни! Повесился... Это ж надо! Многообещающее начало, даже где-то интригующее. Однако, где тут у

нас отделение кадров... Ага... вот».

В кадрах его уже ждали.

— Ты, как всегда, вовремя, — усмехнулся кадровик и обратился к стоящему тут же молодому подполковнику: — Владимир Николаевич, представляю тебе твоего нового замполтылу. Офицер боевой, правда, горяч чрезмерно, но ты ж сам просил позлее.

Командир медсанбата и замполтылу осмотрели друг друга. Осмотром остались довольны.

— На КПП стоят две «восьмидесятки» — это мои. Выезжаем в батальон через пару часов, — бросил комбат и вышел из отделения кадров.

Чтобы не терять зря целых два часа замполтылу решил зайти в продовольственную и вещевую службы и навести хотя бы предварительные справки. Начпрод дивизии капитан С. был немногословен:

— С продовольственной службой у вас больших проблем не будет. Знаете, как говорят: «Масло съели — день прошел». Вот с вещевкой, КЭС и прочим..., — тут он загадочно усмехнулся и покачал головой. — Да Вы зайдите к начвещу.

Начвещ оказался более словоохотливым и сразу начал рассказывать о каких-то стиральных машинах, которые он уже «почти списал» и что за них у нового замполтылу голова может не болеть. Замполтылу ничего не понял, но в медсанбат прибыл уже «подготовленным». Пара часов комбата затянулись до полудня. В медсанбат прибыли к исходу дня. К приему-передаче должности решили приступить завтра с утра, а пока — располагаться и отдыхать. Дежурный по штабу проводил майора в комнату, где жил его предшественник. Комнатуха метра три на четыре, кровать. Разбитое окно забито листом фанеры, только вверх уцелел застекленный кусок. Мрачный полумрак. Но есть кондиционер, который при попытке включить его, издал звук, заставивший майора насторожиться. Выключив кондиционер и отстранив солдата, замполтылу запустил руку в воздуховод и, пошарив там, извлек из чрева кондиционера гранату Ф-1 с вставленным взрывателем.

— Ого! Он что у вас, «с приветом» был? — обратился майор к дежурному по штабу, превратившемуся от увиденного в столб.

— Так точно. Три или четыре раза лежал в Кабульской «дурке», — доложил солдат, опасливо косясь на гранату.

— Лихо! Довели мужика, значит. А как его фамилия была? — зачем-то спросил майор.

— Б., майор Б., — ответил боец и, испросив разрешения, вышел, оставив замполтылу наедине со своими мыслями. На дворе тем временем стемнело.

«Ну и фамилия... Ассоциации вызывает еще те... А тыл — в общем и целом — это есть «большая ж...», как выразился прославленный маршал Баграмян И.Х. через месяц после своего назначения начальником тыла Вооруженных Сил СССР. До самоубийства его, правда, не довели, но через пару месяцев с треском с этой должности сняли, и это стало началом заката его звезды. Я не Баграмян, но вешаться также не стану. Скорее я сам этих м...ков до петли доведу», — под эти мысли майор крепко уснул. Кого конкретно он подразумевал под «этими м...ками», он и сам еще не знал, но неприязнь к ним уже испытывал. Тень самоубийцы его не беспокоила, и к утру он неплохо выспался.

На следующий день приступил к приему должности. Поскольку у покойника ничего не примешь, а и.о. в медсанбате как-то не удосужились назначить, прием должности свелся к сверке данных, что числится за медсанбатом в службах дивизии с фактическим наличием. Результаты сверки поразили даже выдавшего виды замполтылу дивизии подполковника Т..

От увиденного он пришел в бешенство и в выборе эпитетов по адресу «этих м...ков» себя не стеснял. Комдив был более сдержан.

— Неужели, так плохо? Я знал, что дела скверные, но такого...

— Я мог ошибиться только в лучшую сторону, поскольку сам видел,

как какое-то барахло из только что проверенного модуля укладкой перетаскивали в еще непроверенный, — хмуро ответил замполтылу.

И верно. От увиденного могла пойти кругом голова у кого угодно. «Висящего» на медсанбате имущества с лихвой хватило бы на три таких батальона.

Особое изумление вызывало отсутствие шести стационарных стиральных машин (теперь понятно, о чем говорил начвещ дивизии при первом знакомстве), каждая более полутонны весом. И больше двух десятков сейфов, железных шкафов и различных железных ящиков и шкапулок. Это-то барахло кому могло понадобиться? Какой «бача» мог на это польститься и купить? Куда оно могло деваться? Тем не менее, во всех учетных документах четко стояла подпись: «Принял. М-р Б.».

— Недостачу списать. Я подпишу любое инспекторское, — повторил комдив и отпустил майора с миром.

Прибыв в медбат, тот попытался завершить то, что еще во время инвентаризации наткнулось на самое ожесточенное сопротивление: закрепить имеющееся в наличии и еще неразворованное имущество за соответствующими подразделениями.

Не тут-то было. Нагло ухмыляясь, «белые халаты» демонстративно отказывались подписывать инвентаризационные ведомости. «Вы — замполтылу, вы и отвечайте за это барахло». Нужно ли говорить, что имущества, которое только вчера было в наличии и исправности, к утру следующего дня и след простыл.

Комбат сделал вид, что это его совершенно не касается. С большими потугами и скрипом результаты приема-передачи должности удалось закрепить в приказе по части. Там же было проведено закрепление неразворованного барахла за материально ответственными. Приказ довели под роспись, на чем первый этап был закончен. Оставалось списать дикую, безумную недостачу. Понемногу удалось и это. Комдив, подписывая очередное инспекторское свидетельство на списание, постепенно начал уже ворчать, но от данного слова не отступил.

Воровство в батальоне, между тем, продолжалось. Тащили за забор буквально все: от столовой посуды и постельного белья до холодильников и бытовых стиральных машин, которые, в отличие от стационарных, весили намного меньше.

Постепенно стало совершенно понятно, почему у майора Б. «съехала крыша» и почему, в конце концов, он наложил на себя руки. Такого, долга разложившегося, абсолютно неуправляемого подразделения, Советская Армия не знала со дня своего создания. Оправдывая поговорку о рыбе, гниющей с головы, комбат самоустранился от командования батальоном, погрузившись в личные проблемы. Начальник штаба майор Ш., и в присутствии-то комбата редко бывавший трезвым, при отъездах последнего буквально не просыхал от пьянства. Начальник особого отдела дивизии приходился Ш. каким-то родственником со всеми вытекающими из этого гнусными последствиями. Что ему какой-

то комбат? Пьянство в батальоне считалось чем-то вроде спорта и, бог весть, сколько матерей получили гробы, вместо живых детей, по вине эскулапов с похмельно трясушимися руками. И верхом глумления над всем и вся на плечах этих людей поблескивали офицерские погоны.

В такой обстановке прошло полгода. Наступило время и медсанбату покидать Афганистан. Предварительно следовало отправить самолетом в Союз средний медперсонал, для чего его было необходимо доставить из Баграма в Кабульский аэропорт. 13 декабря утром колонна из четырех БТРов под командованием все того же замполиту батальона тронулась в путь. Замполиту, как положено, находился в головной машине. Во втором БТРе ехал начмед дивизии подполковник Г., у которого возникли какие-то дела в Кабуле, в штабе армии. До Баграмского перекрестка очень пыльная дорога, начмеду надоело глотать пыль из-под колес головной машины. И он, вопреки всем приказам и правилам (о дисциплине следования в колонне он не имел ни малейшего представления), приказал водителю обогнать головной БТР и, таким образом, самому возглавить колонну. Водитель ослушаться не посмел, но, выполнив обгон, не проехал и ста метров. В тот день судьба была милостива к замполиту медсанбата. Подрыв — три трупa. Г. был контужен и, открыв через полчаса глаза, первое, что спросил было:

— Представление на меня на «Красную звезду» уже послали?

Колонна была вынуждена вернуться в пункт постоянной дислокации, и женщин отправили вечером с баграмской взлетки самолетом на пересылку в Кабул, оттуда — в Союз.

7 января вместе с тылами дивизии тронулась в путь и колонна медсанбата. С самого утра замполиту мучили дурные предчувствия. И они его не обманули. На этот раз судьба приняла облик замполиту дивизии подполковника Т., который приказал ему возглавить медсанбатовскую колонну:

— Комбат на Саланге командует передвижным медпунктом, замполтех, естественно, в техзакрытии, Ш. никак не протрезвеет, замполиту это дело не поручишь, остаешься только ты, тебе с боевым опытом и карты в руки, — заключил замполиту дивизии.

— Да на хер мне такое счастье, товарищ подполковник?! — завопил замполиту медсанбата. — Это же неуправляемое стадо, эти алкоголики...

(Зараза разложения, расцветшая в медсанбате махровым цветом, не обошла стороной и нашего замполиту медбата. Да разве посмел бы он еще полгода назад так разговаривать с самим замполиту дивизии! Увы! Было.)

— Я повторяю — больше некому. Давай, брат, давай.

Выйдя от замполиту дивизии, майор полчаса виртуозно матерился, не допустив при этом ни одного повтора, чем привел в неописуемое восхищение группу водителей, коротавших время у костерка.

— Во дает! — сержант восторженно толкнул в бок стоящего рядом водителя. — Вот бы записать.

— Это наш, — с гордостью произнес водитель замполитовского «Камаза».

Колонна тронулась в путь. Неприятности замполиту только начинались.

На подъеме на Саланг его «Камаз» ненормально быстро стал греться и, в конце концов, чтобы не заклинило двигатель, майор был вынужден приказать водителю остановиться и дать двигателю время остыть. Съехали в сторону, остановились. Мимо проносились машины медбата. Не остановилась ни одна. Ни одна... Колонна прошла. Замполиту и водитель остались вдвоем. Зима. Горы. Ночь. Темень. Метель.

— Открывай движок, выясняй причину, — майор вытащил из кабины «Камаза» свой ПК — предмет постоянных идиотских острот медсанбатовских гиппократов и исчез в темноте. Отойдя пару десятков метров, он выбрал позицию поудобнее и весь превратился в слух. Через полчаса раздался клаксон «Камаза».

— Движок остыл, можем ехать — бодро доложил водитель.

— А причина?

— Не могу знать.

Помянув всю родню водителя до седьмого колена, продюгший майор полез в теплую кабину. До тоннеля Саланг было еще ой как не близко, и ситуация повторилась еще раз. На третий раз майор вскипел одновременно с «Камазом» и пригрозил водителю продать его в рабство «духам» за 10 афгани, если тот не найдет и не устранил причину перегрева. То ли угроза подействовала, то ли бойца осенило, но на сей раз водитель открыл воздухофильтр и вытряхнул из него больше ведра тончайшей, как пудра, пыли. Перегревы прекратились и водитель радостно-сбивчиво начал объяснять, что «внизу» он ни разу не чистил «воздухан» т.к. в этом не было нужды — машина не грелась, а вот с подъемом в горы забитый пылью воздухофильтр проявил себя.

— Ты, чем моей матерщиной восторгаться при посторонних, лучше бы машину к маршу готовил. А сейчас внимательней следи за дорогой. Одни идем, — майор опустил боковое стекло и грозно выставил туда ствол ПК.

Через час или меньше впереди замерцали огни колонны. Майор облегченно вздохнул и приказал водителю занять место в голове колонны медсанбата. Собственно, колонны, как таковой, уже не существовало. В каждой машине старший действовал так, как хотела его левая нога, и ехал, как хотел и куда хотел. Какие приказы на марш, какие правила, какая субординация? Похерено было все. Каким чудом колонна без потерь прибыла в Пули-Хумри можно объяснить только особым располо-

Понятно, почему у майора Б. «съехала крыша» и он наложил на себя руки. Такого, дотла разложившегося, подразделения Советская Армия не знала со дня своего создания.

жением Аллаха. Расположились на ночлег. «Офицерство», верное привычкам и традициям пропитого медсанбата незамедлительно «укушалось» спиртом до невменяемости. Хмуро наблюдая за этой вакханалией, майор с тоской отметил активное участие в ней замполита батальона, который ранее, вроде бы, в таком деле замечен не был.

Утром отчаянные попытки замполиту как-то собрать колонну «до кучи» никакого успеха не имели. Начальник аптеки старший лейтенант Ю. (через месяц убитый в Ташкенте при попытке продать наркотики) бессмысленно таращил глаза. Капитан Ф., окончательно потерявший человеческий облик, послал замполиту на три буквы и, гордясь своим «подвигом», пьяно загоготал. Кое-как собрав колонну, замполиту присоединился к дивизионным тылам и тронулся дальше.

Вот и Хайратон. Неделя на таможенную проверку, приведение личного состава в порядок и вот он — Мост Дружбы. Союз. Родина. После недели в чистом поле в рваных палатках без печек, без воды (замерзала) медсанбат расположили в расположении (прошу прощения за тавтологию) медсанбата местной МСД.

И тут герои-афганцы проявили себя в полной мере. Ни одна часть, прибывшая «из-за речки» не доставляла комдиву генералу Л. столько головной боли, как медсанбат. Это по его же (генерала Л.) собственному признанию: «Если вы и в Афгане так себя вели — то я начинаю думать, что половина покойников на вашей совести, товарищи военные врачи».

С тех пор прошло 20 лет. Говорят, что время лечит...

Недавно наш «замполиту» наткнулся на мемуары старшего лейтенанта Л., в которых тот описывает вывод медсанбата, как говорится, «со своей колокольни». Что ж... Видимо, действительно, на войне у каждого своя правда.... <ИВ>

Александр
МАГЕРАМОВ

<http://artofwar.ru/m/maa/>

ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН С НАПРАВЛЕНИЯ ШИНДАНД-КУШКА В 1988-1989 ГОДАХ

ЧАСТЬ I

Почему-то в печати совершенно не освещено, как выходил из Афганистана 371-й гвардейский мотострелковый полк. В одних источниках упоминается, что он вышел из РА в 1986 году, в других описывается выход 15.02.1988 года лишь 650-го разведывательного батальона 5-й мотострелковой дивизии и десантно-штурмовой маневренной группы Тахта-Базарского пограничного отряда, но нигде практически не упоминается ни 2-й батальон 371-го полка, ни 3-й батальон 101-го полка 5-й мсд. Чтобы восполнить этот пробел, я решил написать эту статью. Как же проходил вывод советских войск из западной части Афганистана и как покидали страну подразделения и части 40-й армии вдоль трассы Кушка — Кандагар в 1988-1989 годах?

Подготовка к этому знаменательному событию началась еще за год до этого, с Заявления советского руководства о выводе Ограниченного контингента советских войск из Республики Афганистан. Все войска с нетерпением ждали вывода, так как методы ведущейся Советским Союзом в Афганистане войны претили участвующим в них войскам: во-первых, их количество было совершенно недостаточным для эффективного проведения операций, а во-вторых, все мы видели, что происходящее здесь никому не интересно — ни правительству Афганистана, ни нашим руководите-

лям. Советское руководство интересовала только политическая сторона — пребывание Советской армии в сердце Азии, а афганское — личное благополучие. Нежелание афганской армии воевать за свою революцию, коррупция на всех уровнях власти в республике наложили отпечаток и на психологию наших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. Ведь ОКСВА воевал против оппозиции не вместе с народной армией, а зачастую вместо нее и против нее. Афганские войска при малейшем огневом противодействии просто ложились на землю и отказывались идти вперед, а советские подразделения начинали выполнять поставленные тем задачи. Дезертирство в Народной армии Республики Афганистан было настолько распространенным явлением, что зачастую в отряды оппозиции военнослужащие уходили целыми подразделениями и частями.

В августе прошел первый этап вывода соединений и частей из Кандагара, Лашкаргаха и населенных пунктов, расположенных вдоль трассы Кандагар-Шинданд, из крупных частей были выведены 70-я отдельная мотострелковая бригада, 22-я отдельная бригада специального назначения, 12-й мотострелковый полк 5-й мотострелковой дивизии и множество мелких частей и подразделений. Вывод их прошел достаточно спокойно и организованно, в

основном в это время «духи» дрались друг с другом, деля сферы влияния. Правда, обстреливали и наши войска, в частности, 4-ю роту, стоявшую в северной части Герата недалеко от штаба армейского корпуса афганской армии. Правда, тогда обошлось без потерь. Подразделение наше было во время той операции очень малочисленным из-за хронического некомплекта бронетанковой техники в батальоне. На эти «боевые» вышла хоть и вся его наличная техника в количестве 10-15 БМП-2Д, но, учитывая, что по штату их значилось около 50... В 4-й роте, вышедшей на «боевые», их было на тот момент аж целых 3 штуки, в которые удалось посадить около двадцати человек личного состава. На блоке в Герате мы простояли несколько дней, обстрелов выходящих из Афганистана колонн не допустили и только этот единственный инцидент, да еще приезд на блок писателя Александра Проханова, немного скрасили наш убогий досуг.

А потом мы вернулись обратно в Шинданд и обнаружили, что выводившиеся из Кандагара, Лашкаргаха, Фарахруда войска оставили нам все свои наличные БМП. Ведь накануне рейда в полку уже решался вопрос о передаче нам из состава 1-го батальона, совсем не богатого техникой, «цельных» трех БМП, чтобы хоть как-то «поддержать штаны» нашего 2-го батальона. Накануне мы даже отремонтировали упавшую в 1986 году с моста 545-ю БМП, чтобы в роте было хотя бы ЧЕТЫРЕ машины. Впрочем, ее так и не удалось довести до ума: она постоянно грелась, и ее радиатор все время приходилось поливать водой, стабилизатор вооружения водил пушку по вертикали вверх и вниз и на ней все время что-нибудь ломалось. Ее бы в капитальный ремонт, но, как говорится, мы были рады и этому, так как в моем взводе на тот момент это была единственная машина. А при отсутствии техники несчастный взвод обычно оставлялся в Шинданде и по полной программе вкушал все прелести гарнизонной жизни с почти непрерывными тогда построениями, перемежающимися частыми строевыми смотрами и продолжающимися зачастую по несколько суток нарядами.

Дело в том, что 371-м полком в то время командовал полковник Дьяков Сергей Федорович, который очень любил держать имеющиеся в пункте постоянной дислокации (ППД) подразделения на плацу, иногда даже снимая свое руководство частью на видеокамеру. В полку на тот момент постоянно дислоцировались: 2-й мсб, танковая рота, артиллерийская батарея и отдельные полковые подразделения обеспечения и поддержки. Остальные, причем в основном боевые подразделения, составляющие чуть ли не две трети численности полка, стояли на заставах вокруг Шинданда на трех поясах безопасности.

Поэтому чуть ли не главным нашим развлечением при нахождении в расположении была подготовка к очередному строевому смотру, то есть выпиливание и покрытие лаком бровок 3 на 5 сантиметра, проверять которые на флягах, противогазах и ОЗК наш полковник имел особую склонность. Впрочем, то же самое творилось и в 101-м полку, ведь он, как и наш полк в Шинданде, для Герата тоже был «придворным», и дивизионное, а также армейское начальство, видимо, из-за небогатой фантазии, производило аналогичные инспекции и там. По орб (отдельный разведывательный батальон — прим. ред.) мне написали следующее: «...по поводу ма-разма с бирками, иголками и даже расческами у абсолютно наголо бритых — это было по всей дивизии, и, как я помню из внутренних обсуждений, было связано с новым комдивом и его замом (как зовут, не помню зама, а «погоняло» было «Трассер»). У нас в батальоне даже устраивали полную эвакуацию по тревоге на ДУЦ (дивизионный учебный центр — прим. ред.) и только в последний момент отменили эвакуацию продовольственного склада!!!»

Трассера я вообще не запомнил, но про него недавно написал Дмитрий Маслак, служивший с октября 1987 по февраль 1989 в батарее артиллерийской разведки шиндандского артполка. Как он пишет: «Трассер» была кличка начальника штаба дивизии за его рыжую шевелюру и привычку без шлемофона раскатывать на броне мчащегося БТРа. Так и говорили: «Вон, Трассер полетел».

Дивизионная парадомания даже была воспета в песнях наших дивизионных бардов из минометной батареи 3-го мсб 12-го полка Сергея Зыкова и Валерия Зубарева, так же как случавшиеся иногда прибытия в наши полки для получения наград «сынков» московского генералитета. Один представитель этой славной когорты будущих генералов во время своего «командования» ротой практически непрерывно находился в отпуске либо «зависал» в госпиталях, медсанбате или многочисленных базах хранения. Кстати, про его похождения в период, предшествовавший назначению в наш полк, довольно подробно рассказал И. Черняк, корреспондент «Комсомольской правды» в своей статье «Двое на одной войне».

Но в основной своей массе в батальоне офицеры и прапорщики были действительно тружениками, не жалевшими ни времени, ни сил на обучение подчиненных, слаживание подразделений и проведение занятий с личным составом. Ведь недаром А. В. Суворов говорил: «Тяжело в учении — легко в бою!» — и основная масса командного состава, от командира взвода до командира батальона, в своей повседневной деятельности руководствовалась именно этим принципом. У меня сохранились лишь две записки по проведению занятий с подразделениями во время их подготовки к рейдам. Так, за два дня до начала боевых действий на иранской границе у нас в роте 8 июня 1988 года на ДУЦ было проведено занятие по огневой подготовке, в ходе которого были выполнены УКС-1 из БМП-2Д с офицерами, прапорщиками, наводчиками-операторами и командирами отделений». С остальным личным составом тогда же были проведены стрельбы из стрелкового оружия с отработкой нормативов 1, 12, 13, 15, а еще по посадке и высадке из БМП. При подготовке к другому рейду с 17 октября 1988 года были проведены тренировки по огневой, тактической подготовке, начиная с одиночных действий солдата в бою, отработки действий в составе отделения и взвода, и заканчивая боевыми стрельбами личного состава на войсковом стрельбище. Были проведены тренировки наводчиков-операторов в боевых пусках ПТУР (противотанковая управляемая ракета — прим. ред.), экипажей БМП в вождении техники и произведена пристрелка вооружения. Окончательным итогом подготовки октябрьского рейда были ротные тактические учения с боевой стрельбой, в которых поочередно участвовали все три роты батальона и минометная батарея. На РТУ, в

том числе, были отработаны действия личного состава в пешем порядке за техникой вслед за огневым валом, производимым огнем нашей минометной батареи. А вообще, в батальоне при нахождении в ППД боевая подготовка проводилась постоянно, особенно она активизировалась перед выходом на «боевые».

К нашей неопишуемой радости, вскоре нашего командира полка отправили на повышение — он стал заместителем командира 5-й дивизии, а его место занял бывший заместитель, подполковник Владимир Ликонцев, часто ходивший с нами на «боевые» и пользовавшийся в полку большим авторитетом. Он сразу сократил активность любящих парадоманию местных начальников. Хотя все остальные многочисленные высокопоставленные проверяющие, прилетающие в Шинданд, обязательно притаскивались в наш «придворный» полк и парили нам мозги, если батальон, к его несчастью, оказывался на месте. Все они были убеждены, что мы даже во снах мечтаем, чтобы очередной генерал или даже адмирал прилетел к нам и наконец-то сообщил, как нам выводиться в Союз. Хотя, как начинать боевые действия, вести их и выходить из боя, мы знали прекрасно и без облеченных большими звездами чиновников из ГлавПУРа, этому нас всех долго и планомерно учили всю нашу предыдущую службу. Гораздо больше военнослужащих в тот момент интересовало, что делать с выданными нам накануне в огромных количествах «красными» чеками Внешпосылторга, для чего всех офицеров и прапорщиков заставили закрыть свои банковские счета. На это мы получили исчерпывающий и удовлетворивший всех нас тогда ответ с похлопыванием ладонью адмиральской груди и обещанием бросить свою честь морского волка собакам на поругание, если он нас вводит в заблуждение. Чем это все закончилось, я опишу позднее.

Обычно использовалась «фанта-шурави», обыкновенная брага, а однажды в военторг завезли огуречный лосьон, и тогда в полку был великий ажиотаж.

Таким образом, любой выход на «боевые» для нас всегда был настоящим праздником и слава Богу, что эти мероприятия проводились почти постоянно: то это были какие-то мелкие засады, то поиски в зонах действия «духов», то обеспечение проводок колонн и отдельных машин. Однажды я двое суток сопровождал на двух БМП прилетевшего с инспекцией аэродрома генерала (кажется, это был генерал-майор Профантилов) и встретил на заставе своего бывшего однокашника, до Афганистана служившего в единственном в стране кавалерийском эскадроне в Оше. В этом сопровождении главным маразмом было то, что генералу дали для инспекции застав более комфортабельный и быстроходный БТР-80, и он, отрываясь по бетонке от наших гусеничных машин со скоростью около 100 километров в час, заставлял заниматься не столько его сопровождением, сколько поиском. Еще мы частенько вылетали в составе досмотрового взвода на осмотр караванов и, опять-таки, для сопровождения колонн.

У меня сохранился список, конечно, неполный, мероприятий, в которых я участвовал за время пребывания в полку. С 14.04.88 по 20.05.88 находился в полковой разведывательной роте. Мы обеспечивали прохождение колонн, а также проводили засады, разминирования и поиски в окрестностях Карвангаха, Дехтуда, Чары, Диларама, в провинциях Герат, Фарах, Нимруз и Гильменд. С 25.05.88 по 10.06.88 уже в составе 2-го мсб проходила подготовка к

боевым действиям на иранской границе и одновременно восстанавливалась БМП номер 545. С 11.06.88 по 18.06.88 мы участвовали в боевых действиях на «иранке» и оказывали помощь в выводе оттуда афганских малишей. С 20.06.88 по 16.07.88: находился на сборах молодого пополнения, прибывшего в полк. С 8.08.88 по 16.08.88 мы вели боевые действия в районе Герата. С 20.08.88 по 10.09.88 проводили засады, сопровождения, действовали в составе досмотрового взвода, потом был рейд на «Зер-Кух» в окрестностях города Шинданда. Позже мы ходили в рейд в район города Адраскана, а с 22.09.88 по 6.10.88 я сдавал многострадальную 545-ю в капитальный ремонт в Торагунди. С 20.10.88 по 30.10.88 мы участвовали в боевых действиях в Гильменде, потом до 6.11.88 я лежал в медсанбате с простреленной рукой, а с 6.11.88 по 30.11.88 мы готовились к рейду в Кандагар, попутно таща караулы и наряды, а ушли в Кандагар лишь 5.12.88. Вернулись оттуда 22.12.88. Потом нам долго компостировали мозги в связи с выводом. В частности, минимум две недели ВЕСЬ батальон был озабочен тем, что свозил из окрестностей сгоревшие автомобили и обкладывал ими модуль накануне передачи «зеленым». Для нас так и осталось непостижимой загадкой, зачем мы это делали, так как защита от них модулям была никакая. А 25.01.89 мы, наконец-то, навсегда оставили свой ППД и выехали в Герат...

Кроме игры офицеров в преферанс в офицерском модуле, большим развлечением для всего личного состава полка было наблюдение за похождениями нашей местной звезды — макаки Степашки, привезенной по одним данным летчиками из-под Джелалабада, а по другим — из Лашкаргаха, из бригады спецназа. Вначале он жил на аэродроме, а потом кочевал по полкам и батальонам из-за довольно вредного характера и повышенной кусачести. Ввиду отсутствия представителей этого вида фауны в наших краях, Степашка в качестве объектов реализации своего безудержного темперамента избрал местных кошек, которых он пользовал с большой охотой, выдумкой и упорством. Причем, не делая разницы между полом и возрастом несчастных Мурок и Мурзиков (по воспоминаниям некоторых очевидцев данных событий, Мурзиков он все же иногда отфильтровывал), совсем не испытывающих вдохновения от перспективы оказаться в цепких лапах любвеобильной макаки. Было ощущение, что сидение в засадах на крышах модулей и неустойчивое преследование очередной жертвы составляло смысл всего существования этой мелкой обезьянки, или, как их называют афганцы — май-муна. Но вскоре наши бесплатные представления закончились, и причиной тому стала глупая смерть «шоу-муна», когда он, подгоняемый дурными гормонами во время погони за очередной жертвой, прыгая с крыши на крышу модулей, зацепился поводком за гвоздь. Вероятно, он от сильного рывка сломал себе шею, а потом задохнулся в ошейнике. Бездыханное тело макаки обнаружили наутро.

Какое-то время развлечение офицерам батальона доставлял кот, повадившийся по трубам коммуникаций пробираться в определенную комнату и гадить на кровать заместителя командира 4-й роты Андрея Бородина. Не знаю, за что он так невзлюбил этого, в общем-то, добродушного человека. Похождения кота продолжались много дней и достаточно было вместе с Андреем прийти в кубрик, как представление, сопровождающееся криками, щедро сдобренными ненормативной лексикой, тут же начиналось и продолжалось довольно длительное время, вызывая у остальных обитателей модуля гомерический хохот. Наконец, в один счастливый для нашего зама день, преступник был пойман на месте преступления и безжалостно прикончен. Труп преступного кота был брошен в полковой туалет типа «сортир».

Еще одним развлечением, очень типичным для всей нашей страны в то время, стало посещение офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами полкового магазина, или, как его называли на афганский манер, дукана. Когда я только приехал в полк, то обнаружил, что кроме консервов со сгущенкой и крабами да китайских пуховиков, остальные магазинные полки были девственно чисты. Небольшое оживление торговли было лишь однажды осенью, когда в течение месяца торговали хоть какими-то товарами, а в основном магазин все время пустовал. Поэтому, желая хоть что-то привезти себе домой, солдаты и офицеры ходили в афганские дуканы. Не для всех подобные мероприятия закончились успешно, и однажды «духами» были пойманы и обезглавлены двое солдат из нашей минометной батареи.

В горе и радости, а также на праздники обычно использовалась «фанта-шурави», говоря проще, обыкновенная брага, которая делалась обычно прямо в подразделениях, лишь однажды в военторг завезли огуречный лосьон, и тогда в полку был великий ажиотаж. Естественно, весь лосьон был немедленно скуплен и моментально выпит. Дефицит алкоголя в Афганистане был повсеместный, так как в военторге им не торговали, и он не мог быть покрыт за счет отпускников и сменщиков — тем через границу было разрешено провозить только по десять поллитровых бутылок пива. В случае срочной необходимости выпить что-то погорячее «фанты», все страждущие были вынуждены посещать наш отдельный противотанковый дивизион и по 25 чеков за бутылку покупать у вольнонаемных служащих Советской армии самогон, частенько сдобренный ацетоном. В афганских дуканах иногда брали водку «Столичная» пакистанского разлива, обходившуюся в 50 чеков за пол-литра, а также местный коньяк, кажется, он назывался «Нептун». Иногда добывали у знакомых дуканчиков самодельную кишмишовку.

В отличие от алкоголя, недостатка в марихуане — афганцы ее называют «чарс» — не было совсем, она была везде, правда, не все из наших военнослужащих ее употребляли, хотя пробовал курить, наверное, каждый. Дело в том, что афганцы его используют просто в невероятных количествах, даже добавляют в пищу и почти всегда имеют с собой в карманах. Часто, захватив пленного, можно было не найти при нем ничего, кроме какого-нибудь мусора (именно так — «кучка мусора» — я однажды написал в протоколе изъятия вещей очередного из них), но чарс присутствовал в карманах обязательно. Насчет героина и опия я сказать ничего не могу. Их было очень много в провинциях, где действовал батальон, но у нас в батальоне его не употреблял никто.

Государство накануне вывода подкинуло нам еще одно развлечение: думать, что делать с накопленными за время службы деньгами, вернее, «чеками», которыми нам платили денежное довольствие (офицерам и прапорщикам от 250 до 400 «чеков», солдатам и сержантам — от 20 до 50). Дело в том, что в Союзе в это время началась большая кампания за прекращение хождения «второй валюты», как в средствах массовой информации называли «чеки» Внешпосылторга, и все купленные властью «прогрессивные силы» страны в один голос требовали закрытия магазинов «Березка», где на них торговали. При этом все почему-то сразу забыли, что наше государство само придумало эти расчетные знаки, чтобы не платить работающим и служащим за пределами нашей страны валюту, которая шла в доход государства, а государство вместо них выдавало «чеки» и «боны». Поэтому к нашему прибытию в СССР эти фантики были уже никому не нужны, всех военнослужащих, как я уже писал, еще раньше вынудили закрыть банковские книжки, где они хранились, а выданные еще в РА на руки по ним «чеки» на Кушке просто поменяли на рубли в соотношении 1 к 1.

А вообще-то, тема этой грандиозной аферы, в которую было вовлечено, я думаю, все высшее руководство страны (а в «кидалове» выводившихся из Афганистана войск участвовали как высшие чины МО СССР, так и Туркестанского военного округа) — тема отдельного разговора, желательно с привлечением тысячонки-другой прокуроров. Если, конечно, еще не истек срок давности.

Главное, что в результате этой финансовой операции государства у всех, находящихся в 1988-1989 гг. в Афганистане была достаточно серьезная головная боль: где купить подарки своим близким, как подготовиться к увольнению в запас и что привезти в страну тотального дефицита. Наверное, не один десяток людей по всей стране расстался с жизнью в результате «мудрой и продуманной» политики по обеспечению войск товарами, пытаясь тайком либо ночью посетить афганские дуканы. Ведь высокие местные и заезжие чины всем нам сообщили, что товары на территорию Афганистана завозиться не будут, а будут отправлены на Кушку, где после вывода войск нас всех обязательно отоварят. Естественно, что в глубине души им мало кто верил, но что было делать?! А главный аспект этой проблемы заключался, как впоследствии выяснилось, в том, что на «чеки» в «Березках» можно было купить либо телевизор Panasonic G40, либо видеомagnetофон той же модели за 1400 рублей каждый. После этой операции видеомagnetофон можно было тут же поменять на одно-двухгодовалый «ВАЗ», так как по стране уже повсюду открывались видеосалоны, где этот аппарат был дефицитом. А одно-двухгодовалый автомобиль, купленный за 3-4 тысячи советских рублей в Туркмении или обменный на «видик», можно было в России тут же поменять на квартиру. Поэтому высоким начальникам со своими приближенными было глубоко наплевать на выходящие из Афганистана войска, они были заняты личным обогащением, толкая втридорога аппаратуру, купленную на чеки, обменные у выводившихся из РА военнослужащих. Да и не в принципах нашего государства было давать своим воинам хорошо жить, отдавая все обещанные им ранее долги и создавая человеческие условия для существования... <ИВ>

(продолжение в следующем номере)

Рустем
БИЗЯНОВ

http://artofwar.ru/b/bizjanow_r_r/

ЧЕЧЕНСКОЕ ТАНГО

ЧАСТЬ II

(Начало в предыдущем номере)

ГЛАВА 8

**Чтобы изгнать демона.
Необходимо совершить резкий
Переход от ожидания
К мгновенному просветлению.
Или вспышкой пистолетного ствола
Моментально убить детство или невинность.**

Д. Моррисон

Наступило очередное хмурое утро.

Лопата с хрустом вгрызается в грунт, зачерпнув немного земли пополам с щебенкой и гильзами вываливаю ее на край неглубокой ямы. С самого утра капитан заставил нас копать блиндаж. Тупо рою, ночью спал всего четыре часа — остальное время стоял в боевом охранении, в глаза хоть спички вставляй. Посмотрел в сторону двора — Колоскова нет. Лопата полетела в сторону, вернулся в комнату и забрался на самую верхнюю полку, чтоб при случае не попасться под горячую руку капитана.

Задремал, сквозь сон услышал, как в комнату ввалились остальные ребята. Кулов стащил меня с полки.

— Вставай Марат! Все, вешалка началась!

— Да в чем дело то? — я схватил автомат, гранатомет повесил через плечо.

— Нас из минометов обстреливают, там, где мы блиндаж копали, мина рванула, на, смотри, — Сергей протянул Марату крупный кусок черного рваного железа. Разглядывать осколок я не стал.

На улице во дворе уже начали рваться мины, все, кто был на улице, помчались в больницу. Через минуту все здание было забито мотострелками.

Колосков решил выводить людей в более безопасное место. Баррикаду, устроенную возле черного входа, разобрали, и солдаты по одному вслед за капитаном короткими перебежками стали покидать здание больницы.

Я выбрался в коридор, осторожно выглянул в окно: во дворе рвались мины. Кругом трупы, а на земле прямо на середине двора лежит солдат с оторванными ногами. Жирная бордовая кровь огромной лужей растекалась под телом. Парень, еще живой, огромными от ужаса и нестерпимой боли глазами смотрел на дверь больницы, до которой не успел добежать. Черные руки скребут по земле, но броник черепашным панцирем прижал к земле.

Мы в подъезде стояли, оцепенев кто от ужаса, кто от страха, вдруг один сорвался с места и ринулся к тому месту, где лежал раненый.

Я затаил дыхание — на верную смерть пошел, мины продолжали падать во двор. С необыкновенным проворством смельчак подбе-

жал к раненому, схватил за руки и волоком потащил его в подъезд. Едва он добрался до двери, как одна мина угодила в сложенные около парадного крыльца боеприпасы. Мы подхватили раненого, стянули жгутами обрубки ног, положили на плащ-палатку и стали выносить через черный вход.

Я стиснул край брезента одной рукой (в другой — автомат) и потащил тело бедолаги. Волокли ношу четвером, страх не давал нам медлить. Но мне казалось, что мы передвигаемся слишком медленно. Раненый, уже бледный, начал синеть и стонать: «А-а-а, ноги, ноги, ноги, выкиньте ноги, ноги, ноги, ноги...»

Глаза закатились, бедолага не чувствовал, что из штанин у него уже торчат две уродливых культы, перетянутых жгутами. Притащили раненого в сад, укрыли за забором: здесь мины почти не падали. Фикса отправился на поиски полевого госпиталя. Потянулись долгие минуты ожидания, остался я, Кулов и Снайпер.

На счастье, госпиталь оказался в подвале следующего больничного корпуса. Потаскили раненого туда. В подземелье на грязном бетонном полу рядами лежали тела: одни судорожно дергались и тряслись, другие застыли в неподвижных позах. На грязной форме белели бинты, а под сводами низкого потолка разносились стоны раненых и мат санитаров. Наш безногий пополнил ряд искалеченных тел. Как я ни устал, но этот адов предбанник поспешил оставить: тошнотворный запах немых тел, грязи и гниющего мяса ударил прямо в мозг.

На улице в саду мины стали падать чаще, видимо, обстрел переносили в этот квадрат. Сразу из подвала наш маленький отряд забежал в здание. На первом этаже, судя по установленному оборудованию, была фотолаборатория.

Вломившись в эту лабораторию, мы упали на пол, несколько мин ударило в здание, вылетели уцелевшие до сих пор стекла из окон, нам на головы посыпалась штукатурка.

От грохота и поднявшейся пыли я долго приходил в себя. Лежал я, как отпускник на пляже, раскинув руки, с той лишь разницей, что в руках гранатомет и сумка с зарядами к нему. Серега заполз под огромный лабораторный стол, а Снайпер прижался к стене под окном, весь осыпанный осколками стекла. Наконец, мозг выдал информацию, где мы и как сюда попали.

— Серега, а где остальные? — спросил я, вставая и отряхиваясь.

— Выскочили, как только наверху долбануло, — Сергей тоже осторожно встал.

— Я знаю, куда они побежали, — подал голос Снайпер, он уже отполз от окна.

— Тогда и нам надо за ними, — предложил я.

— Надо, не сидеть же здесь вечно, — поддержал его Кулов и пошел к двери, украшенной дюжиной отверстий от осколков.

— Пойдите, подождите, пусть обстрел поутихнет, чем зря башку подставлять, — предложил Снайпер.

Мы с Сергеем согласились. Решили пока обследовать помещение.

Лаборатория представляла собой большую комнату, вдоль стен которой стояли столы с оборудованием и шкафы с реактивами и архивами. Не найдя ничего стоящего, мы принялись крушить все, что можно было сломать.

Разломав последний увеличитель об стену, я выглянул в окно:

— Пацаны, вроде тише стало, — взрывы стали слышны не так часто, обстрел перенесли в другой квадрат.

— Тогда пора, — Снайпер подошел к двери и ударил в нее ногой, от чего створка слетела с петель. Он пригнулся и выбежал на улицу. Кулов, выждав несколько минут, побежал за ним. Я остался один, отчего в эту же минуту стало жутко. Долго ждать не стал и почти сразу же побежал за другом. Домчались до полуразрушенного забора, отделявшего сад от дороги, здесь остановились перевести дух.

— Надо вон в тот красный дом ломиться, — указал на большой красивый дом в трехстах метрах от нас Снайпер.

Передохнув, Снайпер побежал вдоль улицы. Мы с Куловым дождались, пока он скроется в воротах, и друг за другом припустили вслед за ним.

Из-за гранатомета и сумки я отстал от Сергея. На полдороги споткнулся и растянулся прямо в луже, образовавшейся посреди улицы. Взрыв, раздавшийся в саду в этот момент, словно включил в голове какую-то кнопку: собрав последние силы, я рванул к дому.

Я ворвался во двор и рухнул на землю рядом с Куловым. Здесь же сидели остальные ребята отделения, все молчали.

Обособняк, по всей видимости, принадлежал большому начальству. Стены выложены цветными плитками, потолки украшены лепными украшениями, полы устелены коврами, мебель из ценных пород дерева.

Комната, куда мы забрались, очевидно, была холлом. Здесь стояли диваны, кресла, стенка и телевизор. Через несколько минут стенка была разломана, телевизор выбросили в окно, так что вместе с ним вылетела и рама. У окон и дверей расставили часовых.

Здесь кроме солдат находились и офицеры: Колосков, Романенко и еще двое более старших по званию. Среди них был и командир батальона. Решался вопрос, что делать дальше. Посоветовавшись, решили отправить Романенко к комполка, чтобы сообщить, где они находятся, и получить у него инструкцию, что делать дальше. Романенко взял с собой четверых солдат и ушел.

На мины, падавшие где-то рядом, внимания никто не обращал, только одна упала на крышу пристроя и разворотила кровлю.

Но вот пришел какой-то человек — судя по возрасту, офицер. В бронежилете, одетом поверх мешковатого свитера, несколько отверстий от пуль.

Он решительно направился к комбату и стал ему что-то докладывать. Командир выслушал его и кивнул Колоскову. Капитан громко объявил, что требуются добровольцы для зачистки квартала, в котором они находятся.

Никто не тронулся с места. Тогда капитан приказал идти на зачистку первому отделению, в его составе были и мы с Сергеем. Мы молча встали, как все наше отделение, что, собственно, удивило меня самого — я ожидал, что кто-нибудь откажется идти.

— Временно поступаете в его распоряжение, — показал Колосков на человека в шерстяном свитере. Наш временный командир, пока это происходило, набивал патронами рожки, один из которых примкнул к автомату, после этого зарядил подствольный гранатомет, вытащил пару ручных гранат.

Закончив эти приготовления, он построил отделение:

— Так, ребята, сейчас идем на дело, сделайте свои «калаши», как у меня, — автомат у него висел на груди на ремне, перекинутом через голову на левое плечо, — автоматы снять с предохранителя, патрон в патронник. Сейчас зачистим дома в этом квартале, чеченов там вроде нет, но если увидите хоть что-нибудь подозрительное, кидайте гранату и стреляете. Вопросы есть?

— Есть! У нас гранат нету! — сказал сержант.

— Хорошо, гранаты будут, — всем выдали по две гранаты.

В колонне по одному группа вышла на улицу и перешла на другую сторону.

Здесь были расположены одноэтажные частные дома, только одна пятиэтажка высилась над кварталом. Весь сектор от больнич-

ного комплекса до этого ориентира представлял собой выгоревшие руины. С другой стороны пятиэтажки дома стояли целые.

К тому времени, как мы вышли на зачистку этого квартала, минометный обстрел закончился. Кроме нас вышло еще несколько подразделений, каждое должно было осмотреть свой район.

Наша группа разделилась на три части: две по четыре человека и одна по три. Каждая команда осматривала по одному дому, в случае опасности для одной две другие должны были оказать помощь, поэтому все держались в поле зрения друг друга.

Мне было страшно, но, вместе с тем, интересно, разгорелся охотничий азарт. Частный сектор осмотрели быстро, подошли к пятиэтажке.

Уперев приклад в плечо, готовый к выстрелу, сержант подошел к двери, за ним, держа автоматы стволами вверх, стояли я и Кузя, справа и слева от двери замер Кулов и Снайпер.

Ждали, пока командир с остальными осмотрит две квартиры за нашими спинами. Наконец, послышался крик: «Приступайте!»

Сержант вслух сосчитал: «раз, два...» — на три он пинком вышиб дверь и ворвался в квартиру. Он пошел прямо по коридору в зал, помещение осматривалось через прицел автомата. Мы с Кузей двинулись следом, но из коридора завернули в другие комнаты, а Кулов и Снайпер шли последними, медленнее, внимательно осматривая помещения.

В комнатах мы осматривали все места, где мог спрятаться человек, второпях ломали шкафы и опрокидывали диваны и столы. Закончив с осмотром этой квартиры, перешли к другой, и так этаж за этажом весь подъезд был зачищен. Во многих квартирах до нас уже успели побывать мародеры, поэтому двери у них были уже открыты, а вещи в беспорядке разбросаны. После зачистки все помещения стали одинаковыми.

Когда мы вышли из здания, увидели вторую группу под командой капитана Колоскова, закончившую зачистку другого подъезда. К этому времени начало темнеть, отдали приказ прекратить зачистку и расположиться блокпостами вокруг дома.

Проклиная и матеря всех командиров и начальников, первое отделение покинуло двор пятиэтажки и снова вышло в частный сектор. Нам приказали устроить два поста: один в полуразрушенном доме, а второй через дорогу почти на голом месте. Здесь полуразрушенный кирпичный фундамент забора, возвышающийся над землей сантиметров на пятьдесят, служил единственным укры-

тием. На оборудование поста дали полтора часа. Мне с Сергеем досталось место у забора.

ГЛАВА 9

Мертвый город хоронит свои голоса.

Потерялись и бродят между стен небеса...

Ю. Шевчук

Очередная черная холодная ночь нависла над мертвым городом, только осветительные ракеты, как и прежде взлетающие время от времени, освещали пустынные улицы.

Я сидел на ржавом ведре и взирал на перекресток, сейчас была моя очередь нести службу. Мы впятером вырыли неглубокую яму, так, чтобы можно было в ней укрыться сидя. Распределили между собой, когда кому дежурить, и завалились спать. Часов ни у кого не было, поэтому договорились с соседями с поста напротив, что они будут оповещать нас о времени смены.

Греться пришлось, как обычно, при помощи сигареты, огонек уже привычно прятался в кулаке. «Жрать хочется, с утра ничего не ели, хоть бы сухпай выдали, с...ки!» — мысли как всегда полезли в голову, нет времени более подходящего для этого, чем ночь, — пост еще этот вонючий, я и пароль то не запомнил, ну и х...р с ним, пристрелю, кого увижу, свои все равно в это время ходить не будут.

Затянулся, сигарета не грела. Уже не страшно.

«Нервы что ли закалились? Трупов столько видел, и хоть бы хны, на гражданке давно обл...вался бы и жрать неделю не смог бы, а сейчас, вон, в кустах жмурик лежит, а мне ни приведения, ни духи не мерещатся».

Наконец, час, который я должен был отдежурить, прошел. С поста напротив послышался голос часового:

— Эй, братан, не спишь?

— Нет.

— Сменяйтесь.

— Наконец-то, спасибо, дружан! — я растолкал Кузю. Поднял воротник бушлата и свернулся калачиком, между Куловым и Снайпером. Кузя, побряхтев, уселся на ведро.

Приснилась Катя. После того вечера мы пытались встречаться. Но где солдату проводить время с девушкой?

Мы просто сидели в парке и вместе мечтали о том, как после дембеля мы с ней будем танцевать. Катя, как и все девушки, очень любила танцевать, она очень удивилась моей мечте, но согласилась стать моей партнершей в этом деле. Так что первая проблема, стоявшая на пути к моим грезам, была решена. Она смеялась моим шуткам, и веселые искорки в ее глазах дразнили во мне древние инстинкты. Но между нами ничего такого не было, кроме неумелых поцелуев.

— Иди в свой дурацкий полк, — сказала она в последнюю нашу встречу и помахала мне рукой. Я перепрыгнул через забор и стал смотреть сквозь решетку ограды на ее удаляющуюся фигурку. Мы договорились встретиться через неделю в очередное увольнение. Но как-то ночью нас по тревоге подняли и перебросили в соседний полк. Больше в родную часть мы не возвращались — впереди был Грозный. А Катя, наверное, на меня с тех пор сильно обиделась, ведь мы с ней не успели попрощаться, а адрес ее я не успел узнать.

Проснулся я оттого, что меня растолкал Кулов: «Вставай, жрать будем».

Как всегда, с трудом встал и осмотрелся.

Все вокруг покрыто тонким слоем снега. Сочетание яркого искристого белого снега с черными руинами домов и пожарищ создавало рождественский мотив. Около костра, разведенного в саду,

сидели ребята и грелись, смотрели, как в ведре, подвешенном над огнем, закипает вода. В глубине сада стоял «Урал», весь помятый, с изорванным тентом, чудом державшимся на гнутых стойках.

Я вдохнул полной грудью и выпустил облако пара — морозное утро. Подошел к костру и присел к друзьям, протянул над огнем руки, черные, мозолистые, пропахшие дымом и порохом.

— Где воду достали?

— Снег растопили, — ответил Кузя и подкинул в костер обломки оконной рамы.

Вода закипела, Сергей достал из ведра, стоявшего рядом с ним, пачку заварки и высыпал пол пачки в кипяток, затем оттуда же была вынута сгущенка. Пока Сергей штык ножом открывал банку, я заглянул в ведро. На дне лежали две буханки белого хлеба, несколько банок тушенки и сгущенки.

— Где надыбал? — удивился я.

— Когда за жратвой ходил в одну хату, заглянул за посудой, заодно и заварку нашел.

— А сгущенку где взял?

— На кухне выдали, — Сергей вылил содержимое банки в чай. Подождали немного, пока сгущенка растворится в чае.

Из хлеба и тушенки сделали бутерброды. Неевшие со вчерашнего дня солдаты быстро их слопали, и теперь пили чай, растягивая удовольствие.

Пока они ели, из «Урала» вышли два солдата, они ночевали в кабине. Водитель стал осматривать машину, а второй отошел от машины и закурил. Шофер тем временем обошел машину, попинал одно колесо и, удовлетворенный произведенным осмотром, подошел к своему товарищу, прикурив у него сигарету.

Кулов махнул им рукой. Они подошли.

— Присаживайся, братва — пригласил их Сергей.

— Пейте чай, — протянул им по кружке Кузя. Бойцы присели и стали пить горячий напиток. Сергей, любивший братанские солдатские беседы, принялся расспрашивать гостей.

Такие разговоры всегда начинаются с вопросов, откуда родом, сколько и где прослужил. Каждый надеялся найти своего земляка и, если такое случалось, то разговоры велись бесконечно долго, пока есть возможность.

Вот и сейчас Кулов начал беседу с этих вопросов. Оба бойца оказались родом из Самары и так же как и они были дедами, а приехали сюда в составе одного из самарских мотострелковых полков.

Пока они разговаривали, появился офицер. Увидев его, самарцы поблагодарили за чай и ушли. Все трое сели в кабину «Урала». Грузовик медленно выехал из сада на дорогу и уехал, гремя гнутыми стойками, с которых сыпался снег.

— Знаете, че в машине было? — спросил Сергей, когда машина уехала.

— Ну и че? — спросил Снайпер.

— Снаряды.

— Вот ништяк, если бы туда ночью мина е...ула, нас бы, как в песне поется, нашли километров за шесть, частями, ха-ха-ха, — сострел Снайпер и засмеялся от своей шутки.

Костер потух, мы сидели уже вокруг остывающих углей. Тishину время от времени нарушали взрывы — это артиллерия продолжала бомбить президентский дворец. В воздухе начал барражировать вертолет. Из могучих динамиков, установленных на винтокрылой машине, доносились призывы боевикам: «Командование объединенной группировки российских войск предлагает всем незаконно вооруженным формированиям сдать и сдать оружие, в противном случае все будут уничтожены!»

— Счас, побегут они сдаваться! — ехидно воскликнул Кузя.

— Мочить их, козлов, надо! — зло проговорил Снайпер.

— В натуре, че, у нас «Градов» что ли нету? — поддержал его Леха.

— Ну, и че вы здесь расселись? — прервал разговор крик капитана Колоскова, на которого никто не обратил внимания, когда он подходил. Все встали и молча уставились на капитана.

Колосков был взбешен тем, что, во-первых, его никто не остановил, а, во-вторых, тем, что, когда он подошел, никто ему не сделал доклад. Колосков обматерил всех и дал пинка Снайперу, стоявшему ближе всех.

— Почему никто не стоит на посту? — заорал он.

— Мы все стоим, — ответил за всех Кулов.

— Почему же я к вам подошел незамеченным?

— Так вы же наш командир, сейчас уже светло и видно кто идет, — вставил Кузя, и тут же был свален с ног ударом приклада в грудь.

— Балбесы! Всем во двор, и остальных уродов позовите! — процедил Колосков, — ну, че встали, бего-о-ом! — проорал он и зашагал во двор пятиэтажки.

Остальных звать было не нужно: услышав крики капитана, они сообразили, что лучше побыстрее явиться во двор.

Через несколько минут все подвластные Колоскову бойцы стояли во дворе, где их поджидал Романенко.

Там уже обживались тыловые службы. Несколько солдат копали капонир под полевую кухню, другие пытались сложить поаккуратнее продукты, сваленные в кучи прямо на землю. На действия Романенко никто не обращал внимания.

Первое отделение покинуло двор пятиэтажки. Нам приказали устроить два поста: один в полуразрушенном доме, а второй через дорогу почти на голом месте.

Старлей пересчитал своих солдат, построившихся перед ним в две шеренги — всего двадцать человек. Остальные были либо убиты, либо пропали без вести, или просто заблудились и попали в другие подразделения.

Сейчас Романенко нужно было организовать блокпост в другом месте: ожидался прорыв из президентского дворца, нужен был заслон на одном из возможных путей отхода боевиков.

— Так, ребята, мы переходим на другие позиции, — начал Романенко с дела, — как только я укажу вам места расположения постов, вы приступаете к рытью блиндажей. Мы слишком близко к президентскому дворцу, его будут обстреливать из «Ураганов». Вчера нас накрыли наши же минометчики, а «Ураган» покруче миномета будет. Поэтому, чем глубже вы закопаетесь, тем больше шансов спасти ваши тупые черепушки!

Романенко не стал говорить, что ожидается прорыв чеченцев, решил пока не накалять обстановку. «За мной!» — приказал старший лейтенант и повел взвод на новое место.

Миновали перекресток, который охраняли прошлой ночью, и прошли еще несколько домов, пока не дошли до следующего Т-образного перекрестка.

Улица здесь упиралась в большой одноэтажный дом. По углам перекрестка стояли гараж и сгоревшее здание без крыши.

Романенко распределил четверых в гараж, шестерых в сгоревший дом, остальных в одноэтажный дом.

Обгоревший дом достался нашему отделению, нас усилили еще одним парнем по фамилии Бармаков. <ИВ>

(продолжение в следующем номере)

Дмитрий
ДУЛЬКЕВИЧ

Майор,
зам. начальника
учебного
центра горной
подготовки

ИМЯ ДЛЯ СЫНА

ГЛАВА I

Кто-то стучал в дверь настойчиво и долго. Я с трудом открыл глаза и оглядел комнату. Стук в дверь отдавался в голове болезненной пульсацией. В голове одна мысль: «Пить», — и, словно услышав ее, на глаза мне попала бутылка «Балтики», стоявшая на столе. Шатаясь, я поднялся, все еще морщась от тупой боли в голове, взял со стола пиво и в пять секунд осушил бутылку, почти физически ощущая, как алкоголь всасывается в кровь. Через минуту боль в голове начала стихать, взгляд стал проясняться.

Я огляделся по сторонам. В памяти всплыл анекдот про Штирлица: «Юстас — Алексу. Разрешаем немного расслабиться». По всей комнате валялись пустые бутылки, сигаретные пачки, грязные тарелки. Помоему, мы вчера чуть-чуть переборщили.

Стук в дверь не прекращался. Какая сволочь ломится? Сейчас выйду, дам в глаз.

На крыльце стоял Муха — рядовой Мухаметханов — ротный капртерщик и по совместительству посыльный за офицерами роты.

— Муха, какого хрена ты ломишься, видишь, дома никого нет.

Муха отступил на два шага назад, наверное, испугавшись выражения моего лица, и затараторил:

— Товарищ старший лейтенант, комбат срочно вызывает всех в батальон.

— В какой батальон, ты что, очумел? Я со вчерашнего дня на выходящих. Что случилось?

— Не знаю, товарищ старший лейтенант, комбат сказал вызывать всех.

— В общем так, Муха, — после секундной паузы выдал я, — ты меня не нашел, квартира закрыта, соседи сказали, что дома не ночевал. Так и передай комбату.

— Товарищ старший лейтенант, пойдете, а? Мне комбат сказал без вас не возвращаться.

Муха сделал жалобное лицо и шмыгнул носом.

— Там, наверное, что-то серьезное. Все бегают, суетятся, командир полка всех комбатов собирал, какие-то задачи ставил. Пойдете, а?

На работу идти не хотелось так, что нельзя передать словами.

Представьте себе ситуацию: две недели назад наш полк вывели из Чечни, две недели я дневал и ночевал в роте. Зовут меня Евгений Антонов, старший лейтенант, замполит роты или, как их сейчас называют, заместитель командира роты по работе с личным составом.

Из-за отсутствия командира роты и двух командиров взводов мне с одним взводником — молодым лейтенантом и старшиной роты пришлось самим проводить все мероприятия, которые положено проводить в подразделении при выходе его из пункта временной дислокации. Проверить технику: исправную отмыть, покрасить, провести техническое обслуживание, неисправную — отремонтировать,

что-то списать, что-то дополучить, проверить оружие по номерному учету и по комплектности, найти недостающие 16 магазинов, 4 шом-пола, 8 пеналов. Дальше нужно списать боеприпасы и сдать на склад лишний боекомплект. Потом нужно было уволить 17 солдат, которые отслужили свой срок, всем оформить документы, рассчитать, проконтролировать, чтобы те не устроили в роте пьянок перед дембелем.

Параллельно со всеми этими мероприятиями нужно было привести в порядок личный состав: помыть, подстричь, переодеть, разобраться со всеми службами, что-то списать, что-то спи... то есть, найти и восстановить. В общем, эти две недели у меня выдались богатыми на события.

И вот вчера я построил роту, комбат провел строевой смотр, остался доволен результатом и разрешил мне пойти на 10 дней на выходные.

Так вот, представьте себе: вы две недели пахали, не разгибаясь, вчера вас отпустили в отпуск, вы это дело изумительно отметили, а на следующий день, не дав вам нормально отоспаться, вас срочно вызывают на работу. Сказать, что я был недоволен, значит не сказать ничего. Но делать нечего, надо идти.

— Ладно, Муха, передай комбату — через час буду.

В полку творилось что-то невообразимое. В автопарке, судя по реву, молотили с десятков БМП и БТР, у складов грузились «Камазы», бегали озабоченные старшины, бойцы что-то таскали, в общем, полк напминал растревоженный муравейник.

Мимо пробежал замполтех 3 роты Серега Митрофанов (боевая кличка «Ухо» из-за того что уши у него необычайно большие и красные).

— Серега, что случилось?

— Отстань, некогда, — на ходу отмахнулся он. — Знаю только, что через два часа выход. Куда и зачем, не знаю, но, вроде бы, в Грозный.

— Какой Грозный, вы что, охренели все? Две недели как вышли, — это я сказал уже в спину убегающему Сереге

Из штаба вышел комбат.

— Антонов, ты почему с утра не на работе?

— Так я же на выходных, товарищ полковник. Вы меня вчера сами отпустили!

— Какие выходные, давай быстро проверяй роту, старшина имущество уже загрузил, проверь оружие, технику, через два часа погрузка в эшелон.

— Куда? — только и успел спросить я, глядя в спину уходящего комбата.

Комбат обернулся:

— Хм, куда-куда — в Грозный...

К вечеру с матюками и отбитыми пальцами мы загрузили технику на платформы. Командир полка полковник Яковенко (для своих просто Сан Саныч) построил отъезжающих и толкнул пламенную речь о том, что враг не дремлет, обстановка в Грозном обострилась, что по всему городу идут бои и что без нашего героического полка там всем хана.

— Равняйся, смирно. Слушай боевой приказ: приказываю совершить марш по маршруту Лучегорск (название города изменено) — Беслан, оттуда ускоренным маршем Беслан — Грозный. Задача: разблокирование подразделений N-ской бригады ВВ и оказание им помощи в уничтожении боевиков, захвативших город. Вольно. По вагонам!

Оркестр заиграл «Прощание славянки», провожающие кинулись к своим мужьям, братьям, отцам. Смотрю по сторонам: женщины плачут, обнимают своих мужчин, не дают им садиться в вагоны. «Где-то я это уже видел, — мелькнула абсурдная мысль. — Точно — кинохроника проводов на фронт»

Дежа вю. Я зажмурился. Слава богу, Алена в Казани, рожать готовится, некому меня провожать. Я медленно пошел к вагону.

ГЛАВА 2

Тук-тук, тук-тук. Колеса стучат. В Чечню — в Чечню, в Чечню — в Чечню. В вагоне пьянка офицерская в разгаре. Пьем мы. Страх свой глушим. Лица хмурые, сосредоточенные. Переживают мужики проводы свои. Жен, детей своих вспоминают. Фразами скупыми перебрасываются. На душе нехорошо, мутрно как-то, никогда так не было, хоть и не первый раз едем. Полчаса назад слушали новости. В Грозном плохо. Бои в окружении, большие потери... превосходство противника... Очень плохо там. Не хочу я туда. Сердцем чую — не надо мне туда, а еду...

В соседнем купе размазывает сопли солдат. Подхожу к нему.

— Уханов, что ревешь?

— Страшно, товарищ старший лейтенант. Домой хочу!

«Самому страшно», — мысль промелькнула. А сам успокаиваю бойца:

— Все будет нормально, Уханов, прорвемся!

«Во всяком случае, постараемся, — мысленно добавляю. — Там уже, наверное, федералы всех выбили, останется только зачистить. А уж это мы умеем».

Тук-тук, тук-тук, колеса стучат. Тихо в вагоне, хоть и не спит никто. Думают все. Переживают. На войне не страшно только дуракам.

— Ладно, спать, — сам себе команду даю. Утро вечера мудренее.

Утро мудренее не стало, но забот прибавило. Прибыли в Беслан. Разгрузка техники построение колонны, выдача боеприпасов. Инструктаж Сан Саныча:

— Всем быть внимательными, смотреть по сторонам, клювом не шелкать. Оружие применять согласно закону о Внутренних Войсках. Все, по местам.

Разведка вперед ушла, на удаление видимости.

— Антонов, ко мне, — Сан Саныч зовет. — Твоя рота первая идет, ты на головной БМП. Если что, действуй по обстановке, не маленький, но помни — за тобой колонна полка идет. Если вдруг тебя жечь будут, мы прикроем.

«Спасибо, утешил», — мелькнула мысль.

— Все, вперед.

Ну, вперед, так вперед. Построил первый взвод:

— Вы со мной на первой машине. Слушай боевой расчет: Молдован (наводчику), башню вправо, твой сектор 12-3 (по циферблату часов, так проще), мой — 12-9. Клим (пулеметчику), твой — 9-6, задницу нам прикрываешь, Белый (снайперу), твой — 3-6. Шконда (командиру отделения), ты сзади. Если что, за меня остаешься. Яша (механику), в случае обстрела — обороты, и валим. Остальные — огонь со всех стволов. Бронежилеты, каски — на себя, — я загнал патрон в патронник. — Готовы? Ну, с богом!

Мысленно прочитал молитву, перекрестился. Занял свое место.

— Вперед!

Ну, Господи, помоги!

Пошла колонна. Осетию прошли, вошли в Чечню.

— Все, всем внимание, смотреть по сторонам. Белый, каску надень! Тот оправдывается:

— Неудобно смотреть, товарищ старший лейтенант, на глаза сползает.

— Надень, говорю, лучше в каске и неудобно, чем без нее и с простреленной башкой.

Надел.

Навстречу тянутся колонны беженцев. Народ уходит из города. Все оттуда, одни мы туда. Омоновцы на блок-посту сочувственно поднимают кулаки, мол, держитесь, мужики. Кинули на броню арбуз. Поймали, съели. Вкусны чеченские арбузы. Еще хотим.

— Командир, — Белый что-то увидел в оптику, — навстречу «газон» с арбузами. Тормознем?

— Яша! — механику, — дорогу перекрой.

— Понял.

Перекрыли дорогу, тормознули машину.

— Мужик, немного арбузов возьмем?

Мужик согласно кивает. Ну, вот и славно. Куда же ты денешься?

— Быстрее набирайте, — бойцов торплю. — Весь полк ждет.

Как в рекламе: Выпил фанты — тормознул поезд. Съел арбуз — тормознул полк.

— мелькнула мысль подлая. Нет, наклонились на бегу, подхватили под руки, затащили волоком за блоки бетонные, что возле ворот стоят. Все, в безопасности они. Вошла колонна.

Шлеп-шлеп. От духов очередь из АГС прилетела. Еще двое заорали, упали, за ноги держатся. Да что же такое, день какой-то сегодня неудачный! Ухо подошел:

— Жень, пойдём по сто грамм вмажем, что-то нервы шалят.

— Нет, спасибо, Ухо, я уж как-нибудь на трезвую повоюю.

Уходит. Пойду своих проверю. Вроде, живы все, вокруг БМП жмутся, как цыплята вокруг курицы. Глаза испуганные, автоматы в ручонках тонких трясутся, по сторонам озираются.

— Ну что, пацаны, страшно?

— Нет, командир.

Хорохорятся.

— Ну, и хорошо. Задача: вон там копаёте окоп и делаете блиндаж, бревна возьмёте у соседей, я видел. Шконда старший.

— Обруч — первому, — Сан Саныч всех вызывает. — Хоровод у меня через пять малых.

Взял станцию:

— Сто десятый принял.

Совещание у командира короткое.

— Вошли хреново, слава богу, двухсотых нет. Потеряли один БТР, шесть трехсотых, из них один тяжелый — командиру взвода РХБЗ граната от АГС в сферу прилетела. Сильно посекло. Наверное, не выживет. На завтра задача: бьем коридор на Минутку. Первая рота, одна штурмовая группа от тебя, Антонов, ты старший. Вторая рота — тоже одна, старший — старший лейтенант Дронов (боевая кличка Дрюня), третья рота в резерве. Митрофанов, ты на БМП в обеспечении. Все, готовить людей, расставить охранение и отдыхать, выход в 6.00. Разойдись.

ГЛАВА 3

Утро добрым не бывает — не помню, кто сказал, но попал в точку. 6.00. Стоим в готовности у периметра. Я со своей штурмовой группой иду справа, Дрюня слева, Ухо сзади на БМП на прикрытии.

Провожают все: Сан Саныч, замы, офицеры.

— Держитесь, пацаны, — поддерживают.

Саныч проводит крайний инструктаж:

— Двигаться аккуратно, если встретите серьезное сопротивление, останавливаетесь и закрепляетесь. Дальше не суйтесь. Все готовы? Ну, с богом!

Перекрестились, пошли.

Первый квартал проскочили нормально, движемся вдоль улицы, палим во все стороны, гранаты в окна кидаем. Страшно нам, страх свой из автоматов глушим.

Второй квартал проскочили, вроде, нет сопротивления, а может, духи еще не сообразили. Третий квартал прошли, встали у перекрестка. Выглянул из-за угла, вроде, тихо, проскочил. Слева Дрюня выглядывает. Шлеп, откинуло его. Черт, снайпер вдоль улицы лупит.

— Живой? — кричу через улицу.

Оттуда отвечают:

— В шею, навывлет, сонная перебита, кровь фонтаном.

— Перевязывайте быстрее, кровь останавливайте.

— Первый — сто десятый, — на Сан Саныча выхожу.

— На приеме первый.

— У нас трехсотый, двести десятого снайпер в шею снял. Тяжелый.

Пришлите Ухо, эвакуируйте.

— Ждите, сейчас будет.

Рев БМП, гром гремит, земля трясется, Ухо в БМП несется. Из люка по пояс высунулся, уши красные, как стоп сигналы горят. Под-

Периодически постреливаем, РГДшки в соседние дворы кидаем, чтобы незаметно не подошли. Вдруг длинная очередь с соседней крыши...

Сан Саныч в рацию ругается.

Все, командир, уже едем.

Поднялись на перевал. На обочине догорает подбитая БМП. Башню сорвало, рядом два трупа лежат. Глянул на бортовой номер — армейцы. Передал по станции командиру — «таблетка» заберет. Мимо едут беженцы, никто внимания не обращает. Как будто кошка дохлая валяется. Мы хмуро провожаем трупы взглядом. Что там дальше? Как бы и нам вот так вот не остаться.

Подошли к Грозному. Встали. Командиры совещаются, как нам удобнее проскочить. Час совещаются, второй. Теперь точно не проскочим. Кому надо, уже знают, что мы здесь.

Двинулись мимо Ханкалы к бригаде. Они уже который день в окружении бьются. Проскочим или нет? Подходим. Нервы на пределе, пальцы на спусковых крючках, головами на 360 градусов вертим. На любое движение стрелять готовы. Вроде тихо. Вот и бригада. Бойцы ворота открывают. Вошли, ну, слава богу! Смотрим через забор, как колонна вытягивается.

Ш-ш-ш-ш, бабах! Очередной БТР не успел войти в ворота, подпрыгнул на месте и жирно зачадил из распахнутых люков. Пехота посыпалась с брони. Стреляя в разные стороны, бегут в ворота.

Твою мать! Третий батальон не успел. Со стороны духов разом заработали с десяток стволов. Остатки колонны, огрызаясь огнем, вытягиваются в ворота. Впереди бегущий вдруг запнулся и упал. Остальные бегут дальше, не обращая внимания.

— Раненого возьмите! — ору я через забор.

Никто меня не слушает, мои бойцы палят куда-то, азартно выпускают магазин за магазином. Бегут последние двое. «Неужели бросят?»

летел, крутанулся. Бойцы люки открыли, Дрюню положили. Ухо по коробке — улетел. Может, успеют, будем надеяться.

Дальше пошли. Снайпер вдоль улицы постреливает, на нервы действует. Впереди в ста метрах двое со стволами через дорогу прошмыгнули. Ждут нас. Заманивают. Двигаемся потихоньку, ближние дома зачищаем. Пятый квартал прошли. Рев сзади, Ухо возвращается:

— Мужики, я к вам на подмогу.

— Ну, подмогни.

— Легко, — Ухо выскакивает на перекресток, пять минут активно лупит по сторонам со всех стволов. Ближние дома оседают руинами битого кирпича. Крутанулся, подскочил. — Все, двигайтесь, если и был там кто, уже готовы.

Перегазонул, улетел на базу боекомплект пополнить. На прощанье крикнул:

— Сейчас вернусь!

Он вернется. Знаем.

Дальше идем. Жарко, вода кончается. С той стороны улицы Рыжий (сержант-контрактник, за Дрюню остался) машет бутылкой шампанского — трофей нашел.

— Женя, давай ко мне!

Перебегаю к нему. Шлеп-шлеп. Снайпер, сука, караулит. Перебежал, кричу своим:

— Клим (пулеметчику), по-моему, он на дереве возле двухэтажки в ста метрах впереди. Ну-ка, проверь.

Клим влупил полкоробки — проверяет. Падает что-то с дерева, как мешок с трухой.

— Готов снайпер! — кричит довольный.

— Молодец, Клим!

Подошли к перекрестку. Вдоль улицы минимум три ПК лупят, перейти не дают. Не пускают нас вперед. До Минутки кварталов десять, могли бы успеть, только вот как выходить будем? Сегодня уже вернуться не успеем, далеко ушли. Сели перед перекрестком, курим. Сзади БТР рычит. Кто это? Блин, замкомбрига, полковник Гончарук. Андрей Андреевич. Человек-война. И что ему дома не сидится? Хотя, уважают его. Мужик. Всегда впереди.

Подошел к нам.

— Что сидим, мужики, двигаться надо, времени в обрез, если не успеем, придется здесь ночевать.

— Товарищ полковник, — говорю, — пулеметы вдоль улицы лупят, не проскочим.

— Проскочим! Дай автомат.

Я даю. Зарядил ГП (подствольный гранатомет), высунулся из-за угла, хлоп — влупил куда-то.

— Дай еще.

Дал вторую гранату. Высунулся, вторую влупил.

— Давай третью.

Выпустил третью. Пулеметы за углом притихли.

— Ну что, вперед, мужики.

На БТР — прыг. Развернулся, на базу полетел.

Ну, вперед так вперед. Рев сзади. Ухо летит. Как раз кстати.

— Ухо, давай на перекресток, где-то справа пулеметы. Прикроешь нас.

— Сделаю.

Ухо за штурвалом, Медведь наводчик. Выскочили, лупят. Чехи в ответ окрысились. Пули по броне как горох стучат. Бойцам команду:

— Вперед по одному.

Бойцы за броней прячутся, перебегают улицу. Я последний. Проскочили. Ухо с перекрестка выскочил. Справа броня пулями побита, ни одного триплекса целого нет. Катки дырявые, по ногам стреляли, суки. У Медведя бровь разбита, в крови весь.

— Гриша, — гранатометчика зову, — ты у нас мастер, ну-ка, давай, из-за угла аккуратно глянь, если увидишь, откуда лупят, мочи.

Гриша уполз, через минуту, бабах! — выстрел. Возвращается, спокойный, как удав.

— Гриша, ну, что там?

— Двое с пулеметом, в подвале сидели. Готовы.

— Нормально, Гриша.

Двинулись дальше.

— Сто десятый — первому, — Сан Саныч нас потерял.

— На приеме.

— Вы где?

— Прошли восемь кварталов, двигаемся помаленьку...

— Закрепляйтесь у перекрестка, ночуете там, сегодня все равно не успеаете. Как принял?

— Первый, — в станцию кричу, — мы тут ночь не продержимся, их вокруг, как тараканов!

— Продержитесь. Завтра с утра подмогу пришлю. Все, держитесь.

«Да, попали мы», — думаю. Ладно, будем закрепляться. Собрал командиров.

— Рыжий — левая сторона перекрестка, я справа. Ухо, на БМП сзади прикрываешь. Все, закрепляемся.

Закрепились, оборону заняли. В соседнем дворе пару кур подстрелили, бойцы суп варят. Темнеет. «Аллах Акбар», — чехи орут. Близо не подходят, стесняются, мы им сегодня неплохо наступали. Издалека стреляют, гранаты из подствольника прилетают, рядом падают.

Бойцы мои возле костра сидят, на ведро с курицей жадно смотрят. Голодные. Сам такой. Целый день не ели, некогда было. Подошел, разогнал по позициям, одного оставил костер поддерживать.

Стемнело. Да, ночь сегодня тяжелая будет.

Периодически постреливаем, РГДшки в соседние дворы кидаем, чтобы незаметно не подошли. Вдруг длинная очередь с соседней крыши. Из ведра вода потекла. Первая мысль: «Черт, бульон жалко». Смотрю, Белый подхватил ведро, бегом за стенку шмыгнул.

Суки, крышу заняли, спокойно пожрать не дадут.

— Гриша, ко мне.

— Что случилось, командир?

— Давай-ка, аккуратно из-за забора, вон по той двускатной крыше влупи. Пулеметчик там.

— Понял.

Ушел. Через пять минут: ш-ш-ш, бабах! Выглядываю над забором. Сложилась крыша. Красавчик Гриша. Молодцы пацаны, хоть и страшно им, а работу свою хорошо делают. Не зря учил, с полигонов с ними не вылезал. Пригодилось.

Ш-ш-ш, бабах. Чехи Рыжему из РПГ влупили, забор разворотили, пыль столбом.

— Рыжий, — ору, — живые вы?

Оттуда пулеметы лупят, не слышат меня. Перебегаю к ним.

— Живы?

Рыжий подходит, весь в пыли кирпичной, кровь на щеке.

— Нормально все, так, чуть контузило. Вроде, гранатометчика мы сняли, вон оттуда, из подвала стрелял. Клепа, снайпер мой, поставился. Молодец.

— Рыжий, пошли поедим.

— Не, я здесь останусь, что-то чехи нервничают, как бы на штурм не пошли.

— Ладно, я к себе, держись тут.

Перебежал к себе. Бойцы флягу несут.

— Стоять! Что сперли?

— Воду нашли, командир.

— Белый, что-то язык у тебя заплетается. Дай-ка попробую.

Пробую, тьфу зараза. Вот черти, где-то флягу спирта надыбали.

— Выливай.

— Командир, давай оставим, — Белый жалобно смотрит на меня.

— Я тебе оставляю, — сам флягу перевернул, потекло по земле. Жалко, в другое бы время, сам не отказался, но не сейчас. На пьяную голову лучше не воевать.

— Белый, ты что, хлебнул уже?

— Чуть-чуть, — виновато шмыгнул носом, — думал, вода.

— Вот му...к! Дай СВД, иди спать, будешь лазить где попало, голову отшибу.

Пойду сам постреляю.

Залез на крышу, смотрю в оптику: темно, ничего не видно. Периодически вспышки мелькают, стреляют в нашу сторону. Метров сто до них. Высмотрел одну вспышку, жду, вдруг повторится. Повторилась. Ну, держи, раз ты такой ленивый.

Шлеп. Приклад в плечо толкнул. Ух ты, блин, обиделись, наверное! Оттуда сразу заработали несколько стволов, да все по моей крыше. Пора валить отсюда, пока не нащупали. Белый, хоть и балбес, а позицию хорошую оборудовал: мешки какие-то лежат, пулю держат. Как бы из РПГ не влупили. Дополз до края крыши, спрыгнул вниз.

Время идет, вроде, пока нормально. Огрызаемся друг на друга. Простреливаем соседние дворы, гранатами из подствольника друг друга нащупываем.

Минометы заработали. То ли наши, то ли нет, непонятно. Мины рядом ложатся, сразу за забором. Блин, кто же там развлекается?

— Пятьсот десятый — сто десятому, — артиллеристов вызываю.

— На приеме пятьсот десятый.

— Это вы там с минометов глушите?

— Да, мы.

— Перенесите огонь на сто метров вперед, там они.

— Приняли, работаем.

Зашелестело над головами. Пошли мины.

Светает. Вроде, ночь продержались. Нам бы еще день простоять. Как мальчишу-кибальчишу со товарищи.

— Первый — сто десятому, — Сан Саныха вызываю.

— На приеме первый.

— У нас 4243 (все нормально). Двухсотых, трехсотых нет. Дальше что делаем?

— Сейчас пришлю коробочку с десантом, двигайтесь дальше.

— Принял, ждем.

Сзади «бэха» рычит — подмога идет. Подошла БМП из третьей роты. За штурвалом Афоня, в башне Трофим. Десант — разведка. Выскочил начраз (начальник разведки).

— Здорово, Жень. Как вы?

— Нормально.

— Мы вперед метров на сто, вы потом за нами.

— Смотри, Коля, — отвечаю, — они вчера совсем близко подходили. Аккуратней там.

— Ладно, постараемся.

БМП вперед двинулась, десант из люков выглядывает. Прошли метров пятьдесят.

Ш-ш-ш, бабах! — слева из двора в бочину из РПГ всадили. Прямо в механика. Глохнет «бэха».

— К бою! — ору.

Залегли, молотим в ту сторону. «Хана пацанам», — мысль мелькнула.

Вдруг башня на БМП ожила, влево пошла. Бах, бах — два выстрела, десант из люков лупит — помогают. В бинокль смотрю, что там делается, черт, не достаем из автоматов. Трофим из башни выпрыгивает, прыгает на место механика. Завелась «бэха», крутанулась, назад летит.

Из коллектора пламя вырывается, сзади дым стоит, но бежит резко. Подлетает к нам, притормаживает. Мельком в люк глянул: от Афони куча мяса, блин, жалко пацана, прямо в мясе Трофим сидит. Глаза бешеные, зрачков не видно, в крови весь. Говорить не может, мычит только. Перегазовал, умчался в тыл.

— Да, думаю, — помогли.

— Первый — сто десятому, — командира вызываю.

— На приеме.

— БМП подбили, один двухсотый, по-моему, трехсотые тоже есть, на базу возвращаются. Нам что делать?

У командира голос усталый, наверное, тоже всю ночь не спал. Переживает:

— Вперед двигайтесь. Осталось семь кварталов. Там блок-пост обложили, у них двухсотые, они сами не выйдут. Пробьетесь к ним, всех забираете и назад. Как принял?

— Принял.

«Да, — думаю, — веселье продолжается».

— Рыжий, ты со своими слева по огороду, давайте в тыл к этим стрелкам, ну и валите их, а то сожгут последнюю «бэху», тогда нам хана. Шконда, возьми Клима и Белого с СВД, вон, справа двухэтажка, лезьте на крышу, оттуда нас прикроете. Мы двигаемся вдоль улицы. Ухо, вперед не суйся, за нами двигайся, чтобы не сожгли. Встречаемся на следующем перекрестке. Все, вперед.

Прошли пятьдесят метров, вот и гранатометчик, что «бэху» спалил, вернее то, что от него осталось. Молодец Трофим: прямое попадание. Рядом тубус от РПГ лежит. Как же они его не заметили? А, вон за сараем лежка — с улицы не видно.

Шелест над головой. Черт, мина откуда-то.

— Ложись!

Залегли. Бабах! За спиной рвануло, в ногу что-то ударило.

«Не понял, камень что ли? Нет, кровь на штанине, похоже осколок».

Встал. Нога болит. Пробую идти — вроде нормально, а вот бегать — уже с трудом.

— Первый — сто десятому.

— На приеме.

— Я — трехсотый, легко. Осколок в ногу.

— Твою мать. Так, сто десятый, к вам пошел БТР спецназа с водой и боеприпасами, разгружаете его, и ты на нем возвращаешься. Как понял?

— Первый, разрешите, со своими останусь, ходить могу.

— Я тебе останусь! По такой жаре к вечеру ногу потеряешь. Все, я сказал, на базу. Митрофанов за тебя.

— Понял, возвращаюсь.

Ухо позвал.

— Я домой, Санеч приказал, ты за старшего, двигаетесь дальше.

Сзади БТР подскочил. Разгрузили.

— Давай быстрее, — Паровоз (контрактник со спецназа) торопит меня. Вот-вот дорогу блокируют.

— Аккуратней, пацаны! — своих напутствую. — Возвращайтесь живыми! Рыжий, рацию заберите. Все, мы поехали.

Летим по улице. Смотрю, у водилы «ресница» открыта — чтобы видеть лучше.

— Закрой! — кричу.

Не успел. У водилы голова назад дернулась, что-то горячее в лицо брызнуло.

Все, нет водилы.

БТР неуправляемый по дороге летит, прямо к чехам в руки. Бах! Бах! С двух сторон из РПГ бьют. По броне как молотом огромным ударили. Спину обожгло, загорелся БТР.

— К машине! — ору. Люк открыл, бойца вытолкнул. — Паровоз, уходим!

Убит Паровоз. Схватил автомат, выскакиваю. Не ожидали чехи, что живые в БТР остались, замешкались, дали нам передышку секундную. В дом заскочили, огляделись. Уходить отсюда надо: обложат — не вырвемся. Боевики очухались, по окнам лупят, головы не поднять.

— Боец! — кричу. — Через заднюю дверь в огород уходи! Потом меня прикроешь.

Высунулся в окно, дал пару очередей. Уходить пора. Выскочил за бойцом.

— Уходим, база рядом, успеем.

Бежим через огород.

— Боец, глянь, что у меня со спиной?

— В крови вся, осколками посекло.

Черт, больно, но двигаться можно. До бригады по моим подсчетам метров триста — должны успеть.

Двигаемся перебежками от дома к дому. Боевики не отстают, чувствуют, что мало нас, нагоняют. Из подствольников обстреливают.

Бойцу:

— Ну-ка, притормози.

Высовываюсь из-за угла, короткой очередью снимаю самого ретивого. Один готов. Остальные попрятались.

— Вперед.

Бежим через огород. Рядом рвануло что-то.

Не понял, почему лежу? Солдат по щекам бьет, в чувство приводит. Глаза открыл.

— Что со мной? — спрашиваю.

— Нога перебита, и бок весь в крови.

«Вот и отбегался», — думаю.

— Товарищ старший лейтенант, поднимайтесь, я вам помогу.

— Да нет, солдат, я теперь не хожок, давай сам, а я тут немного постреляю. Оставь пару магазинов, мне хватит. Тебя как зовут?

— Андрей.

— Уходи, Андрей. Если успеешь дойти, ты знаешь, где я, если нет, жене передай, что люблю ее, сына пусть Денисом назовет. Все, иди, а я тут напоследок повоюю.

Уходит. Смотрю ему вслед. Дойди живым, Андрей!

Отполз к забору. Сзади не подойдут, а спереди я встречу.

Ну что, Женя, поработаем!

Двое в азарте из-за дома выскочили. Очередь. Готовы. Остальные стесняются. Граната летит. Что, неудобно из-за угла кидать? Да ты высуешься, я тебе враз башку прострелю. О, один в окне мелькнул. Очередь. Готов. Четвертый сегодня. Если жив останусь, пацанам похвалюсь.

Черт, слева чеха прозевал, в руку зацепил. Очередь в ответ. Готов. Пятый.

Рука немеет, целиться неудобно. Патроны кончаются. Не успеет Андрей. Придется мне здесь умирать.

Окружают, чувствуют, что выдыхаюсь, обкладывают, как волки, со всех сторон.

В глазах темнеет, сознание уплывает. Нельзя мне отключаться, еще один магазин остался, отстреляю, потом уж. Граната последняя рядом лежит, ждет своего времени.

Все. Кончились патроны. Пора заканчивать. Выдернул чеку.

Подходят... Последнее, что я вспоминаю в этой жизни — любимое лицо.

Прости, Аленка, так получилось... <ИВ>

Рассказ написан на основе реальных событий.

Все имена и фамилии вымышлены

Ратко
БАБИЧ

«КРАЙИНА ЭКСПРЕСС»

В настоящее время бронепоезда практически не применяются в боевых действиях. Их бесполезность в современных войнах аргументируется рядом фактов, опровергнуть которые сложно, а порой — и не нужно. Но применение тех или иных видов вооружений, как правило, зависит от специфики самого конфликта. Ярким примером тому служат боевые действия на просторах бывшей Югославии в 1991-1995 гг. — войны в Хорватии и Боснии и Герцеговине, в которых на определенном этапе тремя регулярными армиями применялись несколько бронепоездов. Одному из них и посвящена эта статья.

Сербская Краина — район современной Хорватии, который со времен Средневековья населяли сербы. Длительное время он находился под управлением Австрии, которая дала Краине особый статус в обмен на участие сербов в войнах против Османской империи. После окончания Первой мировой войны и Хорватия, и Краина вошли в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, переименованного затем в Королевство Югославия. Когда в апреле 1941 года Хорватия была оккупирована фашистами, она провозгласила независимость, и ее возглавили союзники нацистской Германии — хорватские фашисты (усташи). Оккупанты отдали Хорватии территории и Краины, и современной Боснии и Герцеговины, на которых усташи создали несколько концлагерей и осуществили геноцид сербов, евреев и цыган, убив более семисот тысяч человек. В годы войны на территории Югославии борьбу с фашистами вели партизаны-коммунисты и лояльные эмигрировавшему королю четники.

Советская армия освободила значительную часть страны, и в 1945 году к власти в Югославии пришли коммунисты во главе с Иосипом Броз Тито, хорватом по национальности. Превращая страну в федерацию, он включил Краину в состав Хорватии, но в ее консти-

туции сербский народ именовался государствообразующим.

Рост национализма в Хорватии и сепаратизма в Словении привел к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославии. Начавшийся в 1990 году, он фактически продолжается до сих пор, хотя СФРЮ официально перестала существовать в 1992 году.

В 1990 году к власти в Хорватии пришли националисты во главе с Франьо Туджманом, который в 1940-1945 воевал на стороне партизан, а в начале 1970-х годов присоединился к хорватскому националистическому движению. На посту руководителя Хорватии он провел ряд антисербских мер, в частности, ввел в стране символику хорватских фашистов времен Второй мировой войны. В ответ на рост национализма в Хорватии сербы Краины потребовали автономии. Хорватские власти не только отказали им в этом, но и двинули на территорию Краины военизированные формирования. Сербы провозгласили суверенитет и заявили о желании остаться в составе Югославии. В 1991 году началась война. Югославская армия пыталась защитить краинских сербов, но в 1992 году она покинула Сербскую Краину.

С началом агрессии хорватов против Сербской Автономной Области Краины железнодорожники ее столицы, города Книна, ушли в первые ряды защитников сербского народа. В 1991 году некоторые из них прошли обучение у «Капетана Драгана», ветерана австралийской армии, который имел большой военный опыт и стремился поделиться им с сербскими ополченцами путем создания центра подготовки разведчиков и диверсантов. Железнодорожники решили применить свои способности в привычной им обстановке — на железной дороге, и, в результате, в июле того же года в Книне был собран бронепоезд. В первой операции его вагоны были защищены мешками с песком. Для защиты от стрелкового оружия этого было достаточно, тяжелого вооружения у хорватов тогда было немного, а его поставки из-за границы только начинались. В конце поезда находился локомотив производства «Дженерал-Моторс». Из контролируемого сербскими милиционерами Грачаца поезд двинулся в направлении хорватских позиций близ Штикарне. Боевые действия показали необходимость улучшения защиты поезда от хорватской пехоты. В Стрмице бронезащита вагонов была усилена стальными плитами толщиной 25 мм. В тот период непосредственно боевыми были только два вагона. В передней части одного из них была установлена вдвоенная ЗСУ (зенитная самоходная установка — прим. ред.) М38 калибра 20 мм, захваченная партизанами во время Второй мировой войны. Первоначально это зенитное орудие было установлено в кузове грузовика, а затем им вооружили бронепоезд. На втором вагоне были размещены пусковые установки противотанковых ракет «Малютка» и ЗСУ М12 калибра 40 мм, произведенная в Великобритании. Также бронепоезд был вооружен пулеметами М53 — копией немецких МГ-42 времен Второй мировой войны. Через некоторое время поезд пополнился

еще одним боевым вагоном, поставленным между первыми двумя. Новый вагон оснастили так называемым «трощевцем» — строенным зенитным орудием калибра 20 мм, производимым в Югославии по испанской лицензии. Помимо него были еще одноствольная ЗСУ М75 того же калибра и два американских пулемета М2НВ калибра 12,7 мм. Локомотив защищали два пулемета М84 — копии советского ПК. Было усилено бронирование вагонов, в случае минометного или артиллерийского обстрела команда могла укрыться внутри них или внутри вагона со снаряжением. Поезд был окрашен в маскировочные цвета. После завершения всех работ он был задействован в боях близ Дрниша. Затем участвовал в операции по деблокаде складов в Свети Рок, поддерживал действия Югославской Народной Армии и краинской милиции. Именно тогда бронепоезд и начал обрастать легендами и получил свое знаменитое прозвище «Крайина Экспресс». Стоит отметить, что оно не менялось на протяжении всей войны, хотя поезд несколько раз менял свой формальный статус и команду. Первоначально он числился в составе Милиции Краины, а затем был приписан к Сербскому Войску Краины (регулярной армии).

В начале 1992 года при посредничестве представителей ООН между ЮНА и хорватской стороной было подписано перемирие.

По его условиям югославская армия покидала Краину, и ее народ оставался один на один с агрессором, который получал помощь из-за рубежа. В это время бронепоезд сражался с хорватами в операции по деблокаде аэродрома Земуник близ Задара. После ее успешного завершения «Крайина Экспресс» вернулся в Книн.

Весной 1992 года в Сербской Краине вдоль линии фронта разместились «голубые каски» — миротворцы ООН. Большую часть тяжелого вооружения краинники складировали в местах, охраняемых миротворцами. Границу с Хорватией должны были прикрывать подразделения легковооруженной милиции. В боевых действиях наступила кратковременная передышка. Команда бронепоезда не теряла времени даром и активно готовилась к предстоящим боям. На первом боевом вагоне трофейная немецкая зенитка была заменена пушкой ЗИС-3 калибра 76,2 мм, принятой на вооружение

Красной армии в 1942 году. Позади него были поставлены два НУРСа (неуправляемый реактивный снаряд — прим. ред.) калибра 57 мм. Эти системы предназначались для оснащения ими югославских штурмовиков, но самолетов в СВК было мало. На одном грузовом вагоне был и миномет калибра 120 мм, но применяли его редко. Перемирие с хорватами и работы на поезде не помешали его команде принимать участие в боевых действиях.

Весной 1992 года началась война в Боснии и Герцеговине, спровоцированная стремлением боснийских мусульман и боснийских хорватов отделить Боснию от Югославии. Американские дипломаты также внесли свою лепту в развязывание боевых действий. Силы боснийских мусульман нанесли ряд ударов по позициям боснийских сербов. ЮНА к тому времени ушла и из Боснии, СФРЮ прекратила свое существование. На помощь мусульманам и силам боснийских хорватов пришла регулярная хорватская армия, вторгшаяся на территорию государства боснийских сербов — Сербской Республики Боснии и Герцеговины, затем переименованной в Республику Сербскую (РС). Хорваты и мусульмане нанесли удар в самом уязвимом месте РС — в так называемом Посавинском коридоре, который связывал запад Республики Сербской и Сербскую Краину с восточной частью РС и с самой Союзной Республикой Югославией, состоящей из Сербии и Черногории. И хотя впоследствии боснийские мусульмане начали войну и против своих бывших союзников, боснийских хорватов и поддерживавшей их регулярной хорватской армии, тогда они вместе воевали против сербов. Агрессоры перерезали коридор, и на какое-то время западные сербские земли оставались без связи с восточными. Началась нехватка продовольствия и лекарств, поэтому вооруженные силы краинских сербов и ВРС (Войско Республики Сербской) в срочном порядке разработали операцию по выдворению зарвавшегося агрессора с территории Посавины. Планируемая операция получила название «Коридор» и началась в июне 1992 года. Железнодорожники из Книна в составе бригады Милиции Краины приняли активное участие в боевых действиях. За несколько месяцев сербы разгромили хорватские и мусульманские войска в этом районе и восста-

новили контроль над Посавинским коридором в районе города Брчко. Эта операция стала одной из наиболее успешных как для ВРС, так и для краинских сербов, и экипаж краинского бронепоезда внес в нее свой посильный вклад.

27 ноября 1992 года из сил Территориальной Обороны, ополченцев и военизированных формирований (добровольцев) было создано Сербское Войско Краины (иногда именуемое ВРСК — Войско Республики Сербской Краины). «Краина Экспресс» и его команда отныне именовались Железнодорожной ротой 75-й моторизованной бригады VII-го Северодалматинского корпуса СВК, ответственного за южную часть Краины, в том числе и за район ее столицы, Книна.

21 января 1993 года хорваты в результате внезапной атаки захватили район Масленицы. В СВК было мало резервов, в бой бросали всех, кого могли. Тяжелое вооружение изымалось с миротворческих складов и тут же отправлялось на фронт. Бойцы из команды бронепоезда сражались как пехота. В боях они понесли потери: погибло два солдата. Несмотря на то, что сербы смогли вернуть часть утерянной территории, город Новиград и Масленицкий мост оставались в руках хорватов. После упорных боев поезд передислоцировали в Бенковац.

Именно тогда железнодорожники провели одну из самых знаменитых своих операций: были уничтожены хорватские склады с оружием в туннеле на окраине Задара. «Краина Экспресс» выдвинулся из Бенковца в направлении позиций хорватов, которые прикрывались установками неуправляемых ракет. В начале поезда находился прицепленный к нему вагон со взрывчаткой и противотанковыми минами. У села Надин вагон был отцеплен и пущен в направлении хорватских складов в туннеле.

В тот период бронепоезд чаще всего дислоцировался в Бенковце, поддерживая действия бойцов СВК по отражению хорватских атак. В одной из операций «Краина Экспресс» действовал совместно с бойцами «Капетана Драгана» и, в результате, был разгромлен батальон 159-й бригады хорватской армии. Через некоторое время экипаж бронепоезда был отправлен на отдых.

Летом 1993 года на поезде провели частичную смену вооружения. ЗИС-3 заменили на самоходное орудие М-18. Эти самоходки поставлялись в Югославию из США в 50-е годы. В Сербском Войске Краины их применяли в основном для артиллерийской поддержки пехотных и моторизованных бригад. Будучи достаточно популярны,

эти самоходные установки имели и один недостаток — не очень надежный мотор. По этой причине одну из САУ и поставили на бронепоезд, снабдив и ее, и весь поезд противокумулятивной защитой.

В 1994 году «Краина Экспресс» сражался в Западной Боснии, где СВК и ВРС поддерживали отряды Фикрета Абдича, не желавшего подчиняться политикам в Сараево и стремившегося заключить с сербами мир. Им противостоял V-й корпус АРБиХ (армии боснийских мусульман). Близ города Бихач его бойцы попали в переднюю часть второго боевого вагона «Краина Экспресса» противотанковой ракетой «Малютка». Был легко ранен член экипажа бронепоезда. В этом районе Боснии действия «Краина Экспресса» ограничивались артиллерийской поддержкой ВРС, СВК и солдат Фикрета Абдича. В одном из туннелей экипаж бронепоезда наткнулся на мину, и после этого его сопровождали саперы. Также его действия осложнялись большим количеством бетонных бункеров, возводимых солдатами V-го корпуса. По ряду причин бронепоезд вернулся в Книн в декабре 1994 года. В боях в Западной Боснии он участвовал под названием 7-й бронепоезд и, как и прежде, находился в составе VII-го корпуса СВК.

В конце июля 1995 года хорватские подразделения нанесли поражение ВРС в районе горного массива Динара. Южная часть Сербской Краины, таким образом, попала в полуокружение. У «Краина Экспресса» тогда были два экипажа: один располагался в Книне, другой находился в районе Динарских гор.

Ранним утром 4 августа 1995 года армия Хорватии начала операцию «Олуя» (Буря) против Сербской Краины. Двести тысяч хорватских солдат обрушились на тридцатитысячную армию краинских сербов. На Книн, в котором было мало военных целей, упали более трех тысяч снарядов. Когда первые из них начали попадать в железнодорожное депо, экипаж, находящийся в городе, принял участие в обороне Краины. Бронепоезд выдвинулся в район Лики, но конкретных целей перед ним не было. Находясь в полуокружении, члены экипажа пустили поезд под откос, чтобы он не достался хорватам, а сами были вынуждены эвакуироваться на территорию Республики Сербской.

Оборона СВК была прорвана за несколько дней. Операция «Олуя», которая стала самой крупной военной операцией в Европе после Второй мировой войны, вылилась в этнические чистки: около 250 тысяч сербов вынуждены были покинуть Сербскую Краину, прекратившую свое существование. <ИВ>

Раян
ФАРУКШИН

<http://www.navoine.ru/authors/farukshin-ryan>

РОМАН ГАНЧЕНКО: БУДЕМ ЖИТЬ, МУЖИКИ!

Рассказать миру о себе десантник Роман Ганченко, от природы скромный и даже застенчивый, согласился не сразу. Да и что особо расскажешь? Родился, учился, служил, был ранен. Сколько подобных историй в нашей постоянно воюющей стране? Десятки, сотни, тысячи, сотни тысяч? Нелегко слушать истории этих ребят. А каково им, получившим тяжелые травмы и увечья, жить? Жить в равнодушном и слепом к чужой беде обществе.

«Человек человеку волк» — это, наверное, о нашем смутном времени.

Пока торчали в машине в душной пробке на широком шоссе в центре Новороссийска, мой провожатый, ветеран воздушно-десантных войск, старший прапорщик запаса Юрий Иванович Лакатош говорил о себе и о знакомстве с Романом:

— Служил в 97-ом парашютно-десантном полку 7 воздушно-десантной дивизии. Старшиной роты связи участвовал в новогоднем штурме Грозного. Награжден медалью «За отвагу». С 2002 года — в запасе. Сейчас работаю в Морской государственной академии имени Ушакова командиром группы средне-специального образования. В этой группе получают образование парни, поступившие на учебу после службы в армии.

В декабре прошлого года я пригласил в академию, поговорить с курсантами о воинской службе и войне, председателя местной организации ветеранов ВДВ Аркадия Егорова. Когда разговор зашел о ранениях и увечьях, Аркадий Борисович сказал, что недавно к нему обратился младший сержант запаса Роман Ганченко, потерявший зрение во время службы в миротворческом контингенте SFOR на территории бывшей Югославии. Егоров попросил ребят помочь в организации досуга Романа. Мы, конечно, пошли навстречу и договорились с руководством ВУЗа о предоставлении Рому бесплатного посещения спортивного зала академии.

Так, с января по июнь трое моих активистов по очереди помогали Роме добираться до спортзала и заниматься атлетической гимнастикой. Рома заметно подтянулся, стал раскованней, подружился с ребятами, они ведь всего на пять-семь лет моложе него. Общение идет на пользу, выводит Рому из замкнутого пространства, делает более уверенным в себе.

Летом мои курсанты на практике, в морях. А спортзал на ремонте. Но выход из ситуации найден — мы привезли Роме гантели и установили шведскую стенку дома. До сентября он позанимается самостоятельно, а затем снова будет ездить к нам в спортзал.

Вообще, мне Ганченко нравится. Молодец парень. Я всяких инвалидов встречал. К иному сослуживцу зайдешь, так сталкиваешься со спившейся мордой. Но «морда» сразу пальцы начинает загигать: «Мне надо то, то и это! Вы, мол, найдите, а сам я ничего, кроме как водку глушить, делать не намерен, ведь я — инвалид!» Рома же за полгода знакомства ни разу ничего не попросил, ни разу не пожаловался на судьбу, ни разу не ныл. Грамотный, культурный парень.

Рома чем-то напоминает мне моего бывшего подчиненного — наводчика-оператора БМД Кавеева Рината. Тот был хорошим воином и просто классным парнем, жаль, нет его адресочка, обязательно черкнул бы письмецо. Ринат смело шел в бой, очень метко стрелял, даже ночью в окошко небольшой кошары с первого выстрела попадал, чем, естественно, удивлял всех окружающих. Да все мои солдатики на войне из ленивых и сонных «черепов», какими они были в части, превратились в отменных бойцов.

На войне десантников 7-ой дивизии отличали исполнительность, ответственность, обязательность. Своим отношением к оружию, верностью товарищам, отзывчивостью к чужой беде они удивляли многих в группировке войск в Чечне. По первому призыву о помощи они бросали все и мчались туда, где были нужнее всего. А делиться приходилось всем: и последним сухариком, и глотком воды, и сухой портянкой, и дровами, и, что немаловажно, боевым опытом и информацией. Да с таким командиром, как полковник Александр Иванович Протченко, бойцы и не могли быть необученными раздолбаями, коих в Чечне, честно говоря, тоже хватало.

Лакатош замолчал. Морщины на лбу заходили вверх-вниз. Юрий Иванович отвернулся к окну, глубоко и громко выдохнул.

— Вроде весна наступила, а ветер был противный. Под утро уже. Лежу, кутаюсь в бушлат. Вдруг забегает в палатку боец: «Там это — женщины!» Вышел разбираться. Оказалось, ко мне в роту на Терский хребт пришли двое — мамы бойцов. Пешком всю ночь с самой Ханкалы топали. Одеты в лохмотья, денег ни копейки, ладно паспорта у них никто не отобрал. Накормили мамаш, выдали одежку, что смогли найти, отправили погреться и помыться в баню. Тут и сын одной возвратился из разведки. Слезы радости, объятия. Помню, женщина эта все гладила сына по спине да приговаривала: «Слава те, Господи, живой!»

Через пару дней колонна шла на Ханкалу, посадил женщин на броню, попрощались. А они благодарят меня, а сами плачут: «Не думали, не гадали, что сынкам воевать придется. Даже в страшном сне не видели, что нам под старость лет случится пожить в землянках и даже баню принимать под землей! Что за жизнь такая!»

Мама солдата — святая женщина!

Немного ехали в молчании, разглядывая красивый зеленый город под тихий шепот радио, думая каждый о своем. Потом Лакатос в двух словах накидал историю бескровного пленения вражеского снайпера в районе гостиницы «Кавказ», что недалеко от дворца Дудаева, потом похвалил командира роты Юрия Сухинина, под руководством которого «и бегал по Грозному все 4 месяца», сказал о сыне — Руслан служит по контракту в одной из бригад спецназа ГРУ.

На кольце кругового движения наконец-то вырвались из пробки. Всего пять минут, и мы на месте.

Нажимаю на кнопку звонка входной двери.

— Кто? — раздается с той стороны.

— Рома, это мы, Юрий Иванович и Раян.

Дверь открывает спортивного вида молодой человек. Спина прямая, плечи широкие. Улыбается, крепко жмет протянутые на встречу ладони:

— Проходите. Рад вас видеть!

— Взаимно, Роман!

В однокомнатной квартире супругов Ганченко чисто и опрятно, уютно. Меня это очень обрадовало. В квартирах многих инвалидов пришлось побывать и, что греха таить, встречались и такие, у кого дышать было нечем. Заходишь, а там синий дым стоит коромыслом, «висит» не выветриваемый никакими сквозняками и дезодорантами запах перегара, тянет мочой и потом. Вчерашние солдаты, потеряв веру в себя и свое будущее, спивались, скатывались до уровня бродяг и бомжей.

Прошли в зал, познакомились с супругой Татьяной, посмотрели армейские фотографии Романа, нашли общих знакомых по Югославии, поговорили об исторической литературе, книги по которой он любит слушать в аудиоверсии, посетовали на отсутствие

культуры у большей части современной молодежи, нецензурно бранящейся под окнами каждый вечер.

— Родился в Новороссийске 10 июля 1979 года. Семья у нас большая: дедушка, мама, четыре младших сестры! Трое уже замужем. Плохо только, что живут в другом конце города, не часто удается увидеться.

Когда закончил 9 классов средней школы, поступил в радио-колледж. Но нужны были деньги, зарплаты мамы на нас не хватало, пришлось взять академический отпуск и устроиться автослесарем на цементный завод.

В декабре 1997 года призвался в армию. Повезло, определили в 7 ВДД. В Дмитрове, в учебной части, получил специальность кинолога, вернулся в Новороссийск, где до весны 1999 года успешно служил всего в нескольких километрах от дома. После двухмесячной переподготовки в Рязани, подписал контракт и в составе десантной бригады убыл в миротворческий контингент SFOR в Югославию.

Пять месяцев мы занимались разминированием территории, на которой совсем недавно шли активные боевые действия. Работа опасная, но мы были хорошо обучены и имели все необходимые навыки, поэтому быстро справлялись с любыми трудностями.

Находили неразорвавшиеся снаряды и гранаты, извлекали из земли мины и самодельные взрывные устройства, собирали стрелковое оружие и патроны. Чего только не откапывали! Даже ППШ, немецкие винтовки и обрезы ружей времен Второй мировой войны! Затем свозили найденные «сокровища» в пригород Тузлы и в районе старой телевышки уничтожали подрывом. Также для дальнейшего уничтожения нам передавали неиспользованные боеприпасы со складов местных вооруженных сил. Всего за тот период нашей командой было уничтожено около 20 тысяч мин!

14 декабря 1999 года день шел как обычно, по плану. Ничего не предвещало беды. Но при подготовке к уничтожению взрывоопасных предметов, изъятых у местного населения, когда почти все собранные боеприпасы мы уложили в огромную воронку, самопроизвольно пришел в действие ударный механизм противотанковой гранаты кумулятивного действия югославского производства и произошел несанкционированный взрыв. Мой напарник, Андрей Замула, уроженец станицы Старотитаровская Краснодарского края, державший гранату в руках, погиб на месте, а я получил множественные осколочные ранения. Офицеры, стоявшие чуть выше нас, получили незначительные осколочные ранения.

Зрение я потерял сразу, но оставался в сознании. Разные мысли в голове крутились, жить каждому хочется долго и счастливо, и я верил в жизнь! А позже, в госпиталях, сам спас от суицида двоих — солдата и офицера. Я православный и знаю точно: человека спасает не церковь или массивный золотой крест на груди, а истинная вера в Господа!

Смерть, кровь, ранения ввели в ступор некоторых командиров. Но паникеров быстро привел в чувства боец Шамиль Касумов. Благодаря ему меня немедля переправили в базовый район — город Прибой, там сделали уколы, и я забылся. Очнулся уже в военном американском госпитале. Оперировали меня и в немецкой гражданской больнице, и в американском госпитале НАТО, находящемся в Германии. Оказалось, у наших не было ни специальных медикаментов, ни достаточных условий для проведения операций на глаза. Спасибо американским и немецким врачам, они быстро сумели поставить меня на ноги! Да, медперсонал относился ко мне хорошо, с доброй душой, и переводчика мне НАТОвцы предоставили, и старались ничем не обижать «храброго русского солдата».

3 января самолетом меня перекинули в Москву, в главный клинический госпиталь имени Бурденко. Через месяц перевели в Химки. В мае вернулся в дивизию, в Новороссийск.

Награжден орденом Мужества, медалью «За укрепление боевого содружества» и золотой медалью Сербской Республики «За храбрость». Награды мне вручал лично Командующий ВДВ генерал-полковник Георгий Шпак.

В июне 2002 года Георгий Иванович посодействовал мне в получении этой квартиры. Он надавил на некоторых хитроумных чиновников, и командование дивизии поспешило с решением моего квартирного вопроса. Свое жилье — это очень важно!

В Центре реабилитации для слепых в Волоколамске, где проходил курс лечения и реабилитации по путевке от Всероссийского общества слепых, познакомился с Татьяной. Она, приехавшая обучаться в Центр из Калуги, запала мне в душу, запомнилась. В 2001 году я забрал ее к себе в Новороссийск, и вот почти 7 лет мы вместе. А в Центре в течение почти трех месяцев нас учили читать, писать, ориентироваться с тростью, готовить пищу. Провели краткий курс домоводства. Развили новые для меня навыки.

Сейчас особых проблем вроде нет, медикаменты мне не нужны, а от санаториев отказался. Лучше получать добавку к пенсии в виде компенсации за отказ от льгот, чем иметь льготы на санаторий и лекарства, в которых нет необходимости, правда?

Чего действительно не хватает, так это общения. Единственный способ общения сейчас — телефон. Звонят знакомые из общества слепых и пара одноклассников. И все... А вот погулять самим не получается, всюду машины, другой транспорт шныряет, дорогу просто не перейти. В случае критической ситуации дойти до хлебного магазина могу, а дальше — никак, с тех пор, как я потерял зрение, город сильно изменился. Хорошо, курсанты из академии возили в спортзал, иногда выводили погулять на берег моря. А ведь я помню море и горы: красиво, и воздух свежий! Жду осени, надеюсь, парни продолжают со мной общаться.

— Нам бы компьютер где-нибудь найти для Романа, — говорит Лакатош, — существуют ведь специальные программы для незрячих, с помощью которых и работать на компьютере можно, и письма через Интернет писать.

— Иваныч, я знаю, — Рома проводит рукой по волосам. — Мы же с тобой вместе пытались через Соцзащиту выбить кое-что: компьютер, «говорящую» трость, какие-то специализированные бытовые приборы — но неудачно. Нам вежливо объяснили: для того, чтобы государств оказало материальную помощь, сначала необходимо получить карту трудовой реабилитации. Значит, собрать пакет документов, удостоверяющих инвалидность и наличие вытекающих от нее проблем, поехать в Краснодар, где снова пройти ВТЭК, и затем встать в очередь нуждающихся в помощи в органах Соцзащиты по месту прописки. Но у меня сейчас первая группа инвалидности. Пожизненная. Если получать карту трудовой реабилитации, то меня переведут в разряд работающих инвалидов. Напишут: «первая группа, вторая подгруппа», то есть, доступен труд в специально созданных условиях. А это означает, что мне серьезно урежут пенсию, как «работающему». Я готов работать, я хочу работать! Но у нас во всем Краснодарском крае нет этих пресловутых «специально созданных условий»! Нет специализированных учреждений. Раньше для трудоспособных незрячих они были в Краснодаре и Армавире, но закрылись. Видимо, как нерентабельные. Да и не поездишь в другой город, ежедневный стресс в дороге и вся небольшая зарплата в тысячу рублей на одни билеты потратятся. А переезжать в общежитие, которое работодатель предоставлял незрячим, было нереально, комнаты находи-

лись в аховом состоянии, санузлы требовали срочного ремонта, в общем, не позавидуешь людям, которым приходилось там жить.

Получается замкнутый круг: мне предоставят помощь, урезав пенсию. Зачем мне такая «помощь»? Да и мотаться в Краснодар, стоять в очередях, проходить комиссию ВТЭК придется каждые два года, — разъяряет Роман. — Моей супруге именно по такой схеме и урезали пенсию, причислив ее к работающим.

— Вот такая бюрократия! — разводит руками Юрий Иванович.

— А органам Соцзащиты я благодарен за то, что социальные работники нас посещают, как положено, дважды в неделю, помогают закупить продуктов, решить мелкие бытовые проблемы. Спасибо, без них-то совсем никак! Еще нам с Таней помогает Шкодик, наш кот. Носится по квартире, радуется, поднимает настроение...

Попрощались мы с Ромой, пообещав скоро вернуться...

Через две недели, 10 июля, ходили с товарищами к Роме в гости, поздравили с днем рождения его... и Татьяну. Вот ведь, судьба — дни рождения в один день!

Татьяна, получив в руки роскошный букет цветов, провела по бутонам ладонью, вдохнула аромат свежести и искренне улыбнулась:

— Лилии... мои любимые...

А вчера поступили очередные приятные новости. На прошлой неделе мы встречались с мамами, дети которых погибли в неопубликованных войнах. Женщины уже несколько лет представляют собой слаженный коллектив, помогают друг другу, и мы всегда в хорошем контакте, вместе занимаемся общественной работой.

Зрение я потерял сразу, но оставался в сознании. Жить каждому хочется долго и счастливо! А позже, в госпиталях, сам спас от суицида двоих — солдата и офицера.

Мамы, во главе с Ворошиловой Галиной Владимировной (афганская война забрала жизни обоих ее мужей, а единственный сын погиб в Чечне), решили, что будут посещать семью Ганченко, готовить что-нибудь вкусненькое, гулять, да и советы опытных женщин по ведению домашнего хозяйства никогда молодым не повредят.

Директор спортивного клуба «Атриум», расположенного в двух шагах от дома Романа, на запрос о выделении бесплатного месячного абонемента на занятия атлетической гимнастикой в его клубе ответил положительно. Теперь ветеран разведки Сергей Белов, живущий неподалеку, водит Рому в спортзал и помогает на тренировках.

Откликнулись журналисты из телекомпании ТВЦ. Без шумихи и лишних слов они отсняли, подготовили и показали в новостях сюжет о семье Ганченко. Сюжет о солдате, который не сломался и твердо стоит на ногах. Однофамилец Романа, ныне проживающий в США, увидев репортаж по спутниковому телевидению, написал письмо с предложением посильной помощи.

Ветеран «крылатой пехоты» Андрей, известный на военных сайтах как «Капитан запаса» из далекого Северодвинска, поздравил Романа с наступающим Днем ВДВ и подарил персональный компьютер, оборудованный специальными программами для незрячих и слабовидящих. Работай, боец!

Мир не без добрых людей. И — жизнь только начинается! <ИВ>

(июль-август 2008г.)

Подполковник Ми СУОНГ

Участвовал:

Ближний Восток

Ты права. Я не буду писать про войну.
 Ни к чему беречь то, что кануло в Лету.
 Горечь сна запивая дымком сигареты.
 По две пачки за ночь в сигаретном дыму.
 Да, я все понимаю, ты хочешь добра.
 Чтоб я все позабыл, чтоб привык на гражданке,
 Чтоб не капала ночью в стакан валерьянка,
 Чтобы нервы остыли, чтоб спал до утра.
 Чтобы жил я как все — в мире, счастье, тиши.
 Чтоб оставило злое, тупое отчаянье.
 И бессонными, долгими, злыми ночами
 Я не плакал, читая свои же стихи.

Ты права. Я не буду писать о войне.
 Вот про шлюх, про бандитов, про зеков на нарах.
 Суперменов крутых, сутенеров удалых.
 И о мыльной любви — это нынче в цене.
 Напишу-ка я тоже любовный роман...
 Чтоб красавец дон Педро любил донну Розу.
 Чтоб рекой глицериновой капали слезы.
 И была и измена, и страсть, и обман.

И усы. Не бывает дон Педров совсем без усов.
 Не бывает в романах безусых дон Педров.
 Черных, пышных усов, как у Славки, наверное.
 Вечной зависти нашей — безусых юнцов.
 Черных, пышных усов под кровавым бинтом
 На броне Бэтэра, когда без истерик
 Пробивались к своим через мост, через Терек.
 Равнодушно давя все, что было на нем...

Нет, пожалуй, дон Педро не лучший сюжет.
 Доны Педро забили собою экраны.
 Лучше пусть будет главным героем романа
 Черноглазый Родриго — красавец атлет.
 Словно Санька-качок. Вертолетчик-атлет.
 Он сказал перед высадкой нас в Тюлистане:
 «Как вернемся — допьем! Я не мою стаканы».
 Мы вернулись... а Сашкин борт — нет.

Дон Жуан? Словно Витька, гуляка и мот.
 Всех связисток кумир и любовник-легенда.
 Он упал на колени в пыли Паправенда,
 Зажимая распоротый пулей живот.

...Романистом не стать мне, как я погляжу.
 Да и хватит об этом, ты, видно, устала.
 Ты ложись. Спи. А я покурю... посижу...
 ...И под утро вернусь с моего перевала.

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

Поэт, член Союза писателей
 России, лауреат многих
 песенных конкурсов и
 литературных премий, автор
 многих «военных»
 поэтических книг и
 музыкальных альбомов
 («Солдатская лямка», «Песни
 о русском солдате»,
 «Держись, командир!»,
 «Сыны спецназа», «За Победу!»).

В прибывающий поезд не нужен билет,
 И уже обнимаю с разбега
 Ветерана войны девятнадцати лет
 На исходе двадцатого века.

Он мальчишка лицом,
 Он со мной — как с отцом —
 По живому шатает Арбату.
 Нам удобней пешком,
 Он был лучшим дружкой
 Моему непришедшему брату.

И про то, кем был брат,
 И про Джелалабад,
 И про цель на радарном экране
 Он рассказывать рад.
 Но ударил набат
 На кремлевском Великом Иване.

Спящий колокол бил,
 Будто небо рубил.
 Будто голуби, звуки взлетали.
 Был обуглен закат,
 И рекламный Арбат
 Отражался от белой медали...

И сказал он в тоске:
 — Как красиво в Москве.
 И куда ни взгляни — пьедесталы.
 Пьедесталы подряд.
 Ну, а там для ребят —
 Только скалы одни,
 Только скалы...
 Если где-то война,
 Значит — где-то беда,
 Та, что мы на себя перепишем.
 Он был старше судьбой
 Не на год — так на бой,
 Из которого брат мой не вышел...

Был проездом — и нет,
 И смотрел я вослед,
 И качался вагон, как калека.
 Ветерану войны девятнадцати лет
 Я желал двадцать первого века.

Валерий ШИРЯЕВ

Участвовал:
Афганистан

<http://www.navoine.ru/authors/shiryaev-valeriy>

МЕДСЕСТРЕ ИЗ НОВОГРУДКА

Их там любили так, как никогда
никто

нигде

Не любит жен:

С неистовством последнего свиданья —
Был каждый низкою звездой приближен
К последнему порогу мирозданья.

Мы любим до утра. А там — огнем гори,
Маяк неверный призрачной надежды!
Ее вручали нам в лучах зари.
Снимая с нас военные одежды.

Горят внизу, за снежным перевалом
Нездешние зеленые глаза...
Тут лаской рук и шепотом усталым
Как много мне Господь порассказал!

Но утром в рейд. Уж треносятся моторы
На площади морозной, не спеша.
Звучат команды, лязгают затворы —
Им шепот твой ничем не помешал.

Но если Бог позволит возвратиться
И лечь на твои руки или стол.
Я позабуду все другие лица.
Я позабуду всех, с кем рядом шел!

Как много лжем мы — ждите ж нас и верьте!
Колонна тронулась. Наш жребий предрешен:
Нам никогда уже теперь, до самой смерти
Так не любить. И даже наших жен.

март 1985

Михаил ГЕНДЕЛЕВ

Участвовал:
Ближний Восток

«ВХОДИТ ГЕНДЕЛЕВ...»

Стихотворцем дипломированный врач
Миша Генделев осознал себя в Ленинграде, Поэтом стал в
Израиле, куда уехал в 1977-м. В Ленинграде он лечил
спортсменов «Буревестника», в Израиле футболистов,
работал анестезиологом и физиологом, карьеру врача
гражданского завершил в 1986, «полкового лекаря» -

только спустя шесть лет, на последнем резервистском
сборе. А начинал как офицер медицинской службы еще в
1979-м с действительной службы в ЦАХАЛЕ. О главной его
войне в послесловии к «Неполному собранию» написано
так: «В сентябре врач-резервист Генделев призван в
действующую армию в связи с началом Ливанской
кампании (операция «Мир Галилее», переросшая в
затяжную войну на территории южного и горного Ливана).
С действующей армией он участвует во взятии и оккупации
городов Дамура и Сидона, во взятии бейрутского порта, в
операциях в районе Шуф озера Караун...». Поэтом
выдающимся его называли при жизни. Она оказалась не
слишком длинной. Он про это знал. Про себя он как-то
написал так: «Входит Генделев. На нем бронежилет,
лавровый венок. В одной руке стило, в другой — шумовка,
под мышкой, из кориандра». Очень похоже.

Владимир МОЗГОВОЙ

ПРОСТЫЕ ВОЕННЫЕ ОКТАВЫ

Рассвет начнется там где был закат
к рассвета собственному удивленью
лежат солдаты а туман поверх солдат
и часовой в тумане по колени
его и зачерпнул — он сладковат
и липнет к пальцам — пальцы пахнут тленом —
оберегающий сладчайший сон войны
брезгливо вытер пальцы о штаны.

Холодный дым еще живой воды
течет и в жилах рыбы и — снаружи —
стоят темноты как стоячие пруды
живородящей средиземной лужи
что след наш будет известняк в том нет беды
вот бедных варваров следам придется хуже —
их убивай — а все икра и тниль
и портит стиль колониальный стиль.

Спроси (пока дремотный кровоток
пересыпается в артерия каротис
и жизнь одна и век не короток
и жизнь длинна да только сон короток)
спроси у собственной своей души сынок
с чего ее бессмертную воротит
война сынок — а ни шиша
не откликается бессмертная душа.

В душе искания подобны ловле вши
залезшей под счастливую сорочку
чего там шарить в темноте — и те гроши
что наскребешь пропылятся в одиночку
я верил бы в бессмертие души
да две метафоры перегружают строчку
и то едва перенесла строка
что Божьим небом полнится рука.

И в Божье небо отошел туман
и любопытный и как я неспящий
увидит вспученные туши басурман
они действительно безглазы и смерящи
их кошки шевелят — они из ран
что-то такое розовое тащат
что крутанись в руке моей праща
метнул бы в них обломок кирпича.

ТЕМ, КТО ПОЖЕРТВОВАЛ СОБОЙ. ТЕМ, КТО ПОСЛЕДУЕТ ЗА НИМИ.

Военный врач — военнослужащий с высшим медицинским образованием, состоящий на врачебной должности. Военному В. нередко приходится работать в тяжелой, порой экстремальной обстановке: в условиях военных действий, при остром дефиците времени, в неблагоприятных климатических и метеорологических условиях, при ограниченных возможностях использования лечебно-диагностической аппаратуры, в неприспособленных помещениях. Постоянные воздействия на организм военнослужащих разнообразных внешних факторов обязывают военного В. владеть большим объемом знаний и умений по военной медицине (военно-полевой терапии, военно-полевой хирургии, военной гигиене и др.). Военному В. необходимо знать основные характеристики средств вооруженной борьбы, быть хорошо подготовленным в вопросах тактики и оперативного искусства, понимать природу и характер современного боя. Он должен иметь командирские навыки, быть организатором медицинской службы, способным решать задачи медицинского обеспечения как в мирное время, так и в сложной обстановке современной войны.

из положения о военных врачах

При подборе материалов для данного номера возник вопрос. Какой же памятник военным медикам выбрать для рассказа о нем? У нас было несколько вариантов. Это памятник в Курске: медсестра, выносящая из боя солдата. Это памятник в Пятигорске — «Госпитальная сестра милосердия». Памятники в Вяземском районе Смоленской области и Москве, установленные в честь военных медиков, совершивших свой подвиг в годы Великой Отечественной войны. Это памятник в Перми офицерам Евгению Туровскому и Вадиму Субботину, погибшим на Северном Кавказе. В конце концов, мы решили выбрать памятник, объединяющий память о подвиге военных медиков всех войн и конфликтов, настоящих и будущих.

Памятник создан по инициативе Военно-медицинской академии и установлен в 1996 году.

Архитекторы Митюрев Ю.К., Митюрева Н.Б., художники Уралов И.Г., Петров Б.А., Васильковский В.С.

Мы считали этот памятник военным медикам лучшим в России на сегодняшний день, пока не услышали слова Игоря Некрасова, одного из наших авторов, в прошлом санинструктора в Афганистане: «Лучший памятник для военных медиков — это благодарность спасенных ими людей». <В>

Этот памятник военным медикам установлен в сквере на углу Б.Сампсониевского проспекта и Боткинской улицы в Санкт-Петербурге. На фасаде написано: Военным медикам, павшим в войнах. На щитах: Многих воителей стоит один врачеватель искусный (Гомер) и Профессия врача — это подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов (А.П.Чехов). На кресте: Тем, кто пожертвовал собой. Тем, кто последует за ними.

Александр
ПОПОВ «Пастор»<http://pastor-77.livejournal.com>

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

С такой тщательностью не готовятся к боевому выходу, как готовятся к встрече Нового Года. Офицеры рот за неделю с охотой закупают продукты на рынке в Ачхой-Мартане. Солдаты и сержанты, кто пошустрее, достают вкусные «ништяки» с продовольственного склада, кто поспокойнее — закупают скромные продукты у тети Розы. Такие «тети Розы» есть по всей Чечне, они открывают свои передвижные лавки практически возле всех мест дислокации федеральных сил. В 2003 году наша тетя Роза приезжала на автобусе, в 2005 у нее уже была торговая палатка возле базы. Кстати, рядом с ней постоянно крутятся молодые чехи, по всем признакам ведущие разведку. При удачном стечении обстоятельств группа, возвращающаяся с БЗ, подстрелит кабана и на праздничном столе будет шашлык. Ну и, конечно же, салатики тазиками и эмалированными ведрами.

В качестве бодрящего напитка командование отряда оделяет роты ящиками с шампанским, произведенным в Беслане и закупленным за месяц проезжавшей мимо колонной. Выходит по несколько глотков на брата. Днем на построении комбат в форме Деда Мороза и страшненькая Снегурочка из строевой части, поражают личный состав приятными мелочами: сигаретами, зажигалками, конвертами.

Каждый год по объединенной группировке войск выходит приказ о запрещении применения всяческих сигнальных средств и стрельбы

в новогоднюю ночь. И каждый год новогоднее небо расцветает трассерами всех калибров, сигнальными и осветительными ракетами. Такого салюта не увидишь и на 9 мая. Начинают стрельбу сразу после боя курантов коменданчи, стоящие рядом с нами. Крупные светлячки трассеров, вылетевшие из ПК, мечутся по небу, сплетаясь с юркими собратьями калибра 5,45. Наш лагерь сохраняет тишину до тех пор, пока градус в крови не достигнет определенного предела и пока со стороны управления отряда не взлетит традиционная СХТЭшка. Тут же от ротных палаток стартует разноцветие сигнальных ракет. Молодые командиры групп сожгут месячный запас РСП и перед следующим боевым выходом будут бродить по соседним группам с магарычем. Еще через пару часов под управлением комбата и его замов начнется стрельба осветилками из миномета. А особо «отдохнувшие» командиры групп пойдут к артелям просить устроить фейерверк для товарищей, мерзнувших в эту ночь в горах. И не менее «отдохнувшие» артели устроят шоу.

Еще пару часов то тут, то там небо над Чечней будет озаряться разноцветными всполохами. Где-то будет играть гитара, кто-то будет горланить песни, а кто-то будет «вызывать ихтиандра». И в эту же праздничную ночь несколько разведгрупп специального назначения уйдут в горы выполнять свою тяжелую мужскую работу. <ИВ>

31/12/2005 18:19

Андрей ЗАГОРЦЕВ

<http://www.navoine.ru/authors/zagortsev-andrey>

«Чтобы заставить солдата воевать, его сперва надо накормить, одеть, обути, обучить, а уж после посылать на задачу».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Нам бы пожрать, а повоевать всегда успеем»

Сначала это была статья, с выкладками килокалорий, с энергозатратами на человека в сутки и с умопомрачительными расчетами. К написанию привлекались специалисты продовольственных служб, диетологи, врачи и прочий околвоенный люд. Статья была написана, рассмотрена и одобрена большим начальством. Я попытался ее прочитать и заснул на первом абзаце. А если я засыпаю при прочтении чего-нибудь, это значит, что меня заставили читать что-то крайне неинтересное. Поэтому буду сам рассуждать, вспоминая личный и общественный опыт, накопленный в командировках и учебных выходах.

При выполнении задач как разведывательного, так и специального характера, разведчику, действующему в составе разведывательной группы специального назначения, согласно выписке из приказа и плана материально-технического обеспечения проводимых мероприятий положено иметь сухой паек сроком на столько-то суток. Что включает в себя данный паек? Что он вообще из себя представляет? Не будем убежать в дебри истории, когда существовали эталоны «горные летние» или «горные зимние», где можно было найти консервированное сало, нарезанное тонкими полосками и аккуратно свернутое, или такую экзотику как суп фруктовый. Посмотрим на то, что мы имеем на данный момент.

В 1995 году в ВС РФ, действовавших в зоне проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе, появились так называемые «зеленые пайки». Причем мне посчастливилось тогда в должности командира роты принимать специалистов-продовольственников, двух интеллигентных подполковников из Москвы. Получив «левую» задачу для своей роты на разгрузку АН-12, встречу и размещение двух офицеров из продовольственного управления, я сперва хотел начать канитель о том, что «не наше это дело, мы суперпупер разведчики, вчера только за малым не поймали Басаева в шашлычке у чеченки Луизы, но он, гад, купив пачку «ЛМ» и шоколадный батончик, завидев нас скрылся». Однако не стал. Нюх и обострившееся чутье на всякую «халяву» подсказали мне не нить, а ехать на аэродром. Я не прогадал абсолютно. Два мужика в новеньких камуфляжах сиротливо торчали возле открытой ramпы и испуганно рассматривали проносящихся мимо военных, зенитные комплексы дивизиона, охранявшего аэродром, и морщились от криков летчиков, требующих немедленно освободить борт от груза.

Вяснил, кто такие. Действительно — мои «фигуранты». А что за груз? Пайки!!! Новые!! Для проведения эксперимента! Да у нас этих

ПАЙКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИРП-Б (П) «зеленые» пайки: особенности, впечатления и рецепты

**Тот самый «зеленый» паек.
Завтрак, обед и ужин**

Через два часа возле кузова зашнурованного и опечатанного двумя печатями, моей и одного из «москвичей», топтался разведчик с автоматом. По просьбе подполковников из кузова было изъято несколько коробок и доставлено ко мне в командирскую палатку.

После бани я предложил столичным гостям угоститься, чем бог послал. Поедая шашлык из осетрины и запивая его кизлярским коньяком, гости рассказали, в чем заключается суть их командировки. Для военных разработан новый вид сухого пайка и необходимо его испытать в воюющих подразделениях. Записать отзывы, заполнить опросные листы и со всем этим ехать обратно. Когда замеченные недостатки будут устранены, производство новых пайков запустят на полную мощность. Вот и все дела. Мне были продемонстрированы эти самые новые пайки, позже ставшие знаменитыми под слэнговым названием «зеленые». Что же они из себя представляли. Пластиковая герметичная упаковка с ручкой, внутри отделения: завтрак, обед и ужин. Надо заметить, что в тот период, перед началом промышленного производства, «зеленые» пайки были гораздо более разнообразны по своему содержанию, чем в период проведения второй контртеррористической операции. Итак, что имелося.

Две квадратных банки с припаянной крышкой — мясорастительные консервы, в основном, каша с мясом: гречневая, рисовая, перловая, но хочу заметить, были пайки, где вместо каши была картошка с мясом, которая намного вкуснее каш.

Квадратная банка с тушенкой. Говяжья и свиная, тушенка хороша как в холодном виде, так и в разогретом. Но в разогретом лучше всего говяжья, в ней больше вкусного бульона, свиная же вкуснее в холодном виде, и на ней частенько встречалась этикетка с надписью «Свинина пряная».

Маленькая круглая баночка с фаршем, в основном, «Сосисочный» или с паштетом «Печеночный», оба паштета хороши при поедании

их в любом виде, как разогретыми, так и холодными.

Маленькая круглая баночка с рыбными консервами, тут уже мненя разделяются. В основном, уминалось и это: или оставлялось прозапас, или же использовалось для приготовления каких-нибудь рыбных салатов, но это уже в ПВД.

Маленький пакетик с кетчупом, он же — «Соус томатный».

Пакетик с сухим концентрированным молоком. Два пакетика с растворимым кофе (чем-то напоминающим смесь «Нескафе» или «Пеле») или вместо кофе два пакетика растворимого чая, очень уж сладкого (вкус чая еле заметен, и чувствуется привкус каких-то лекарств). Пакетик сухого концентрированного напитка: или «Лимонный», или «Дельфин» (на стакан кипяченой воды один пакетик нормально). Его можно пить и с горячей водой, как чай (по вкусу будет напоминать очень жидкий кисель). Пакетик с повидлом (обычно яблочное). Сахар в бумажных пакетиках, обычно две упаковки. Ну, и поливитаминка в бумажной упаковке. Встречались пайки с парой конфеток, обычно слипшихся, подтаявших и очень сладких.

Венцом всего разнообразия является, конечно же, брикет горохового концентрата такого желтоватого цвета, запаянный в прозрачный пластик, на котором написана поражающая сложностью исполнения инструкция: «Разжевать, запить водой». Сперва разведчики пытались доблестно его грызть, не понравилось. Потом стали просто выкидывать, однако, в конце концов, нашли и ему применение, только не по инструкции. Прессованный горох можно аккуратно настругать ножиком в разогреваемую кашу или тушенку. Можно растолочь несколько плиток, только обязательно качественно растолочь, потому что горох не набухает и не растворяется, залить кипятком, размешать и добавить тушенки — получится вполне съедобная гороховая каша. Также хороши эти брикеты для подставки под какую-нибудь мебель или для топки печей.

Дальше уже идут такие мелочи как шесть упаковок «хлебцов армейских», они же галеты, сухое, немного пресное печенье, часто ломающееся и крошащееся прямо в упаковках. Хлеб, даже заспиртованный, они, конечно, не заменят, но в полевых условиях и это сойдет. Бойцы обычно замачивали пару галет в бульоне от тушенки или разжаривали их в той же банке, так они становились намного вкуснее. Также неплохо эти галеты горят в костре или в печи, намного лучше, чем горох. Ну, и маленький пакетик с изюмом, среди которого попадает очень много сухих виноградных веточек.

Очень полезная вещь: вскрыватель консервов. Бывают пластиковые такие зеленые штучки в виде наконечника стрелы со шпилькой, как им вскрывать, так это целая проблема, лучше уж ножиком, главное, не проткнуть тонкую банку насквозь. И бывают металлические, похожие на маленький обрезок цинкореза. Эти уже намного удобнее и практичнее. Ну, и, конечно же, маленькая пластиковая зеленая ложечка.

Очень модная и полезная штука — «разогреватель портативный», он же таганок. Жестянка с прорезанными в ней щелями. После рассоединения с таблетками сухого спирта и круглой теркой, жестянка изгибалась особенным образом, образуя что-то действительно похожее на таганок. На таблетки по краю напылена сера: чиркай ими по терке, клади внутрь и разогревай тушенку или кипяти воду. Однако, как обычно, таблетки, несмотря на упаковку, были постоянно мокрые, и разжигать их удавалось в основном с помощью спичек или зажигалки. Всем хорош «разогреватель портативный», но при лежке где-нибудь на засаде или дневке, когда с его помощью пытались разогреть пищу, сухой спирт безбожно и специфично вонял, сильно демаскируя группу. Еще есть несколько спичек «охотничьих», запаянных в целлофан, горят хорошо и на ветру, и при дожде, но тоже

очень сильно воняют.

Ну, и напоследок: три зеленых бумажных салфетки и одна влажная салфетка для протирки лица.

Вот все содержимое пайка

Все это великолепие называлось «Индивидуальный рацион питания». Шли они под индексами Б — боевой и П — повседневный. Позже такие пайки встречались почти везде и во всех подразделениях во время второй Чеченской кампании. Но мясорастительных консервов с картошкой встречалось очень мало, а то и вообще не попадалось. Такими пайками сейчас в повседневной деятельности обеспечиваются почти что все части.

Для примера приведу вкладыш из пайка ИРП-П, используемого на территории Сибирского Военного Округа.

Состав:

1. Хлебцы армейские 6/50 г
2. Консервы мясные 1/250 г
3. Консервы фаршковые 1/100 г
4. Консервы мясорастительные 2/250 г
5. Повидло фруктовое 2/45 г
6. Концентрат для напитка 1/25 г
7. Чай растворимый с сахаром 2/16
8. Сахар 2/15г
9. Поливитамин 1шт.
10. Разогреватель 1к-т
11. Салфетки бумажные 3 шт.
12. Вскрыватель консервный 1шт.

Ну, а это состав ИРП-Б Чеченского варианта.

ИРП-Б комплектуется в соответствии с требованиями
ТУ 9104-367-004605473-99.

Завтрак.

1. Хлебцы «Армейские» 1/50 г
2. Консервы мясные 1/250 г
3. Напиток молочный сухой 1/30 г
4. Кофе растворимый 1/2 г
5. Сахар 1/15 г
6. Карамель леденцовая 2 шт.
7. Карамель «Сибирская» 1 шт.
8. Поливитамин 1 шт.
9. Разогреватель 1 шт.

10. Салфетки бумажные 1 шт.
11. Салфетки гигиенические 1 шт.
12. Спички 6 шт.
13. Ложка пластмассовая 1 шт.
14. Вскрыватель (для консервов) 1 шт.
15. Акватабс 1 шт.

Обед.

1. Хлебцы «Армейские» 2/50 г
2. Консервы мясные 1/100 г
3. Консервы мясорастительные 1/250 г
4. Соус томатный 1/60 г
5. Фрукты сушеные 1/20 г
6. Концентрат для напитка 1/25 г
7. Сахар 3/15 г
8. Салфетки бумажные 1 шт.
9. Салфетки гигиенические 1 шт.
10. Акватабс 1 шт.

Ужин.

1. Хлебцы «Армейские» 1/50 г
2. Консервы рыбные 1/100 г
3. Концентрат пищевой брикетированный 1/60 г
4. Повидло 1/45 г
5. Чай с сахаром 1/16 г
6. Салфетки бумажные 1 шт.
7. Салфетки гигиенические 1 шт.
8. Акватабс 1 шт.

Пищевая ценность:

белки — 115 г, жиры — 147 г, углеводы — 353 г
 Энергетическая ценность: 3191 ккал

Согласитесь, ИРП-П уже не то по сравнению с ИРП-Б, даже чудесного горохового брикета нет.

Выделил я «продовольственникам» один БТР, команду человек пять для охраны и сопровождения, назначил старшим braveго старшину-срочника замкомвзвода. Поехали «зеленые» пайки осваивать

солдатские желудки по всей зоне конфликта. Мои разведчики, привыкшие питаться как можно «шикарнее», получаемые пайки прятывали на «всякий случай», а сами кашеварили на паяльной лампе, варя себе супы, жаря картошку и мясо, бессовестно меняя солдюку на продукты питания: нормальный чай, колбасу, сыр и сигареты. После выезда в район расположения 324 мотострелкового полка «продовольственники» очень удивлялись, наблюдая за поведением моих солдат.

— Представляешь, командир, пришлось на блоке заночевать, так твои бойцы наши пайки так и не открыли, — рассказывал один из «москвичей». — Видим, у них припасы домашние закончились, так они на дорогу пошли вместе с «взвэшниками» и давай с машин дань собирать, разве так можно? Почему они наши пайки не едят?

Пришлось объяснять истины, которые стали понятны и ясны здесь, на войне. Если подразделение выполняет задачу на технике, то они, несмотря на наличие «модных» упаковок с доселе невиданным пайком, все равно будут питаться так, как привыкли. Существует реальная возможность получить на складе или просто спереть, выменять, купить нормальных продуктов. Мясо, овощи, хлеб, крупы, макароны. Воды можно набрать гораздо больше, чем при выполнении задачи в пешем порядке. У нормального водителя БТР или механика-водителя БМП всегда есть где-нибудь заныканная в десанте паяльная лампа со специальной треногой для скорого приготовления и разогрева пищи. У меня, к примеру, в моем командирском БТР есть маленькая плитка с газовым баллоном, который обменять на заправленный в Чечне особого труда не представляет. Да, существует, конечно, дополнительная опасность подрыва баллона при обстреле или подрыве. Но какая это опасность, если трезво поразмыслить. Баллон в броне в специальном ящике, уж если БТР прошьет кумулятивной струей гранатометного выстрела, то тут уже и не до баллона будет. У всех экипажей бронетехники есть дополнительные емкости для воды: канистры, пластиковые бочки, резиновые резервуары для воды «РДВ». Так что, если есть возможность готовить нормальную пищу, выгодно отличающуюся от столовской «баланды», то почему бы и нет. В каждой группе, взводе, экипаже уже давно негласно общим решением выбран повар, наиболее смысленный и приспособленный к готовке разведчик. И должность эту, например, у меня в роте надо было заслужить, молодняк к такому «деликат-

ному» делу никогда не допускался, готовкой занимались наиболее опытные и заслуженные «авторитеты» из старослужащих. Они же занимались и «заготовками» перед выходами.

Согласитесь, что лучше похлебать горячей наваристой шурпы с картошкой, луком, специями и кусочками молодой баранины, чем есть тушенку из банки. Даже та же каша из общевойсковых пайков, простых эталонов, будет намного вкуснее, если разжарена в большом казане и приправлена луком и специями.

«Продовольственники» с моими доводами согласились и спросили, что бы мы хотели видеть в пайках именно для таких случаев. Тут, конечно, меня понесло, но мои пожелания были записаны. Потом в поездках по республике «москвичи» выслушали еще кучу таких же пожеланий. Может, благодаря моей воспаленной фантазии, а может, коллективному бреду, а может, еще из-за каких-то факторов, но вскоре в ВС РФ появился новый вид пайка РП МК (рацион питания малых команд) гораздо более разнообразный по ассортименту и продуктам.

Вскоре в роту пришло несколько задач по проведению поисков и засад. Вот тогда в полном объеме и пришлось «обкатывать» новые пайки.

На выходах выяснилось несколько особенностей в применении рационов. Консервы мясные и мясорастительные лучше не вскрывать, а разогревать с закрытой крышкой. Ничего им не будет, крышка запаяна так, что пары разогреваемой пищи сами ее откроют, когда все полностью разогреется. Можно просто переворачивать банку вверх дном и наоборот для того, чтобы каша или мясо снизу не подгорели, и все. Если уж собираетесь добавить каких-нибудь изысков, типа лука или чеснока, то тогда уж лучше крышку вскрывать. Пластиковые открыватели для консервов — абсолютно непригодная штука, металлический вариант намного прочнее и функциональнее.

Выработалась и пара немудреных рецептов приготовления изысканных блюд из рациона боевого питания. Во Второй чеченской они войдут в моду под названиями «му-хря мясная» и «му-хря сладкая».

«Му-хря мясная». Рецепт : возьмите полкило парной свинины, оливковое масло, каперсы, один ананас и салат латук. Что, нету? Ну,

ладно. Тогда поступаем проще: освобождаем одно отделение «зеленого пайка», то, которое укомплектовано обедом, вырезаем это «пластиковое корытце» из упаковки. Это будет тара для приготовления блюда. Разогреваем все мясные и мясорастительные консервы и сваливаем их в тару. Туда же вываливаем фарш, желательно «Сосисочный», крошим туда с полбрикета горохового концентрата и заливаем все это кетчупом. Тщательно перемешиваем, вот и готово блюдо на один прием пищи трем разведчикам, рекомендуется к употреблению горячим. Впрочем, остывать оно, как показала практика, не успевает. Рекомендуется употреблять ложкой (больше зачерпнешь), если ложки нет, ешь всем тем, что попадется под руку: крышкой от банки, вилкой, ножом, веточкой, дульным тормозом компенсатора, руками есть не рекомендуется (могут по ним наступать).

«Му-хря сладкая». Тут рецептура приготовления намного сложнее. Таким же образом, как и описано выше, изготавливается пластиковая посуда из отделения, в котором укомплектован завтрак. Берутся пачки три-четыре галет и яростно крошатся, желательно до мукообразного состояния. Искрошенные галеты сыпаются в посуду и заливаются горячей водой, все это тщательно перемешивается. В процессе перемешивания добавляется пакет сухого молока и сахар, а для придания цвета можно добавить пакетик растворимого чая или кофе. Вся масса доводится до однообразного состояния и отставляется в сторону набухать. Пока поглощается первое блюдо, «му-хря сладкая» остывает и раскрошенные галеты набухают. Получается что-то типа торта, который сверху можно украсить забавными рисунками повидлом из пакетика. Весело и вкусно! Рекомендуется употреблять, запивая чаем или кофе, ну, на худой конец, можно запить и концентрированным напитком.

Разведчики еще растворяли сухой молочный порошок в бутылке с минералкой и добавляли туда растолченную витаминку, напиток получался вполне калорийный и бодрящий.

Следующая особенность пайков — это неудобство и довольно большие габариты. Запихать в старый РД-54 такой паек проблематично. В рейдовый рюкзак запихнуть можно, но он будет занимать достаточно много места. Здесь есть несколько решений возникающей «проблемы». Первое, это «распатронить» паек полностью. Просто вынуть все содержимое и распахать по карманам рюкзака, места в таком состоянии паек занимает гораздо меньше. Но есть один минус: выбрасывая пластиковую упаковку, мы лишаемся одноразовой посуды.

Второй вариант: разрезать упаковку вдоль швов, не разбирая содержимое отделений. Места занимать будет уже меньше, плюс «посуда». Третий вариант: вешать паек в упаковке прямо на рюкзак на ремешки и лямки. Правда, если этих пайков несколько, разведчик, прущий на своих плечах «рейдовик», напоминает елку, увешанную очень нестандартными игрушками. Ну, и неудобства, сразу же возникающие в этом случае: при десантировании, при прохождении через заросли и густой лес все это цепляется за ветки и норовит оборваться. Один плюс — с каждым днем, проведенным на выходе, количество пайков постепенно уменьшается, и тащить груз становится все легче и легче.

Вот, в принципе, про «зеленый» паек и все, что я могу сказать. Конечно, сколько людей, столько и мнений. Ведь помимо этого пайка впоследствии появились и другие его эталоны и добавления.

В 2002 году начали поступать в части и подразделения специального назначения ОГВ (С) высококалорийные пайки (боевые). Почти все то же самое, только паек меньше габаритами (размер пайка — с одно отделение «обед» обыкновенного «зеленого»), галет намного меньше, пакетик с шоколадными конфетами, что-то вроде «эмэндэс». Брикет с высококалорийной сухой фруктовой массой (орехи,

изюм, чернослив, высушенные и спрессованные). Нет банки с рыбой и горохового брикета. Зато имеется сгущенное молоко в тубике наподобие зубной пасты. Появились различные добавки к пайку. Одна из них очень хорошо вводила в «лирическое» настроение весь рядовой состав.

В прозрачных пластиковых пакетах наподобие грелок с трубочкой — концентрированный напиток с какими-то травами, экстрактами и витаминами. По вкусу напоминал разведенный гранатовый или клюквенный сок. При употреблении этого напитка всем казалось, что в нем есть определенная доля алкоголя. И бойцами он поглощался с неизменным воодушевлением. Еще была одна добавка в виде все тех же брикетов «разжевать, запить водой», только уже не гороховые, а манные и рисовые, хотя на вкус они были совершенно одинаковыми.

Также в состав пайка по нормам довольствия выдавалась на каждого разведчика минеральная вода. Вода входила в состав сухого пайка и выдавалась вместе с ним. Паек один сутки — две полторалитровые бутылки. Минералка была от различных производителей. Опишу всего две: это «Меркурий», в принципе, неплохая вода, когда холодная, но уже теплая имеет тухловатый и неприятный вкус; «Горячий ключ» был хорош как холодном, так и в других видах. Обычно на группу получалось несколько ящиков, которые разбирались разведчиками по рюкзакам. Часто упаковки воды после складского хранения были порванные, а сами бутылки грязные с отлежавшими этикетками. Но нам всегда было главное не форма, а содержание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дополнительное питание и свои изыски

Помимо основного пайкового рациона в ходе ведения боевых действий разведгруппы обеспечивались дополнительным питанием. Иногда по нормам, установленным для воюющих подразделений главным продовольственным управлением, иногда сверх всяких норм, а иногда вообще никак. Но тут уже все зависело от командира отряда и тыловинов.

Почти во всех отрядах от Бамута до Новогрозненского выдавался сок. Соки были, в основном, фруктовые и так же, как минералка, от различных производителей. Причем производители разнились по годам. В один год соки «Vico», в другой год — «Какой-то там сад» и т.д. Можно было по сокам определить, какая компания на этот год заключила с министерством контракт на поставку своей продукции. Хочу заметить, что в первом конфликте в 1995 году соки поставлялись и выдавались регулярно, причем отличного качества, какой-то, уж не помню, краснодарской компании. Особенно хорош был апельсиновый. Во время второй кампании соков тоже было достаточно, но качество у них было уже далеко не то, хотя упаковки были намного красочнее, с пластиковыми крышками-непроливайками и другими «наворотами». Соки, в основном, были фруктовые: яблочные, виноградные, апельсиновые. Овощные, я имею ввиду свой любимый томатный, я встречал только в Первую чеченскую кампанию, да и то очень редко. На группы, уходящие по «задаче», частенько выдавали сок в пакетах. Но в рюкзаке нести его крайне неудобно, поэтому разведчики переливали сок в пластиковые бутылки и разбавляли его минеральной и простой водой. Мне понравился рецепт, когда на полторалитровую бутылку минералки выливают грамм двести пятьдесят яблочного и грамм двести пятьдесят апельсинового и все это разбавляют водой. Не сладко и не кисло, вполне качественно утоляет жажду на длительное время. Также в комплект снаряжения разведчика (первый эшелон экипировки) входит фляга. Фляги бывали у нас различные, но в основном, встречались обыкновенные армейские на 800 граммов. Если

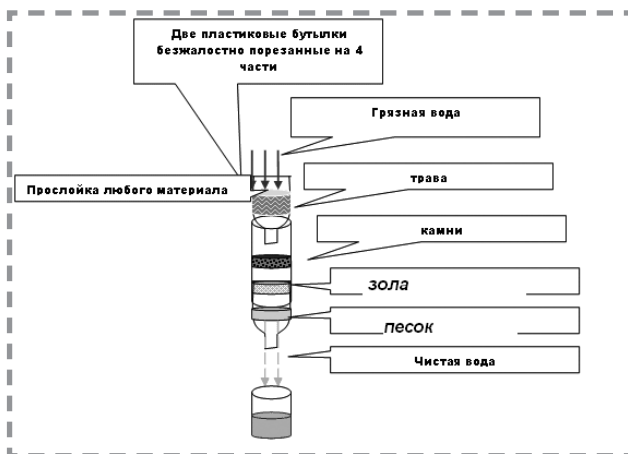
честно, данная фляга очень уж неудобна для ношения на поясе, да и вместительность маленькая. Поставлялись нам и пластиковые фляги на два литра, но как-то они очень быстро сдали свои позиции обыкновенным пластиковым бутылкам. Фляга, она ведь вещь подотчетная, и на хр... надо, чтобы она потом на тебе числилась, упаришься потом перед дембелем или сдачей имущества группы или роты хвосты заносить. А тут вполне практичная бутылка, которую можно просто выкинуть, и не будет за тобой бегать злобный прапор старшина и орать: «Скотина ты эдакая, ну-ка верни двадцать пустых бутылок из-под «Пепси», полученные по накладной!» Фляжка простая хороша тем, что ее можно где-нибудь спереть или отнять у понуро бредущего пехотинца, случайно приблизившегося на расстояние лая собаки к «незалежной» территории отряда. Но есть еще достоинства в этом невзрачном сосуде. Воду можно кипятить прямо в ней. Только сперва выньте ее из чехла. Одной таблетки сухого горючего хватает вскипятить целую фляжку, причем достаточно быстро. Секрет лишь в том, что не надо откручивать пробку. Достаточно ее совсем немного ослабить, и по вырывающимся струйкам пара, подергиванию фляжки и голосам сослуживцев, утверждающих, что «Сейчас п...нет!», вы поймете, что кипяток готов. Хотя по мере накопления какого-то опыта, можно будет понять, что преимущество фляжки в кипячении сходит на нет перед той же пластиковой бутылкой. Почему? Да все очень просто: в пластиковой бутылке тоже можно кипятить воду и заваривать чай. Наполняете «полторашку» где-то на литр двести граммов, только крышку откручиваете, кладете ее боком в костер так, чтобы вода не выливалась, и вот вам — пожалуйста! Зрите! Вода кипятится. Ну да, бутылку немного корежит и изгибает, прозрачный пластик покрывается копотью, но вполне видно, что вода закипает. Вода закипела, бутылку можете выбрасывать, никакого привкуса жженого пластика не будет, вполне нормальный кипяток. Это простейший закон физики не дает сгореть пластику, жаль только, что я этот закон не помню. Ну, и к чему я все это рассказываю? К тому, что при отсутствии металлической посуды воду можно кипятить и в пластиковой бутылке и полиэтиленовом и бумажном пакете, и ничего с ними не будет. Надо только стараться, так чтобы пламя находилось ровно над тем местом емкости, которое заполнено водой.

Что же еще можно сказать по поводу воды. Сейчас можно сильно не «заморачиваться» и не листать учебники «дедушки Овчаренко», тщательно конспектируя способы обеззараживания воды. Сейчас полно всяческих фильтров промышленного производства, как военного, так и гражданского: «Родничок», «Гейзер» и другие. Индивидуальные фильтры идут по медицинской службе, фильтры производительностью побольше, обеспечивающие водой мелкие команды, проходят по инженерной службе. Таблеток, обеззараживающих воду, великое множество, самые используемые и запомнившиеся мне были «Акватабс» и «Пантоцид». В принципе, обеззараживают нормально, но вода потом отдает хлоркой и какими-то лекарствами. Но привкус практически исчезает, если воду прокипятить. Хотя бывает, что и таблетки эти мало помогают. Особенно, если из источников воды есть только грязная лужа, в которой непонятно кто из боевиков мыл ноги. Приведу простейший пример изготовления самого немудрящего фильтра. Его придется делать, если никто из вашей группы не додумался захватить таковой: командир группы не подумал, заместитель примерял новый камуфляж, а остальные лихорадочно распахивали по рюкзакам имущество. Тут опять на помощь приходит все та же пластиковая бутылка. Компоненты для фильтра встречаются везде, а в особенности в дикой горной природе — там их навалом.

Фильтр самодельный. Итак, дружок, возьмем две пластиковые бу-

тылки и аккуратно разрежем их на четыре части. (Для спецназеров, бьющих кирпичи об голову, поясню: четыре — это столько, сколько пальцев на руке у волка из мультика «Ну, погоди!») Первую часть вместе с горловиной заберем свежей травой и сверху травки постелем какую-нибудь материю (кусок подшивы, желательнее не после месячной носки, носовой платок, кусок от вкладыша из спальника и т.д.) В доньшко одной из бутылок наложим камушков: гальки и т.д. В доньшко другой бутылки наложим золы из костра. В горловину второй бутылки наложим песка, само горлышко желательнее обмотать материей.

Ингредиенты фильтра желательнее выкладывать в бутылки ровным слоем так, чтобы до обреза оставалось пустое место высотой 3–4 см. Потом скрепляем всю эту конструкцию, вставляя заполненные обрезки друг в друга. Сверху должна быть горловина бутылки с травой, перевернутая горлышком вниз, потом доньшко с галькой, потом доньшко с золой, ну, и последняя — горлышком вниз горловина бутылки с песком. Все, фильтр готов. Черпайте воду из лужи и пропускайте ее через фильтр. Сами удивитесь метаморфозе произошедшей с грязной вонючей водой. Но и процеженную воду все-таки лучше вскипятить.

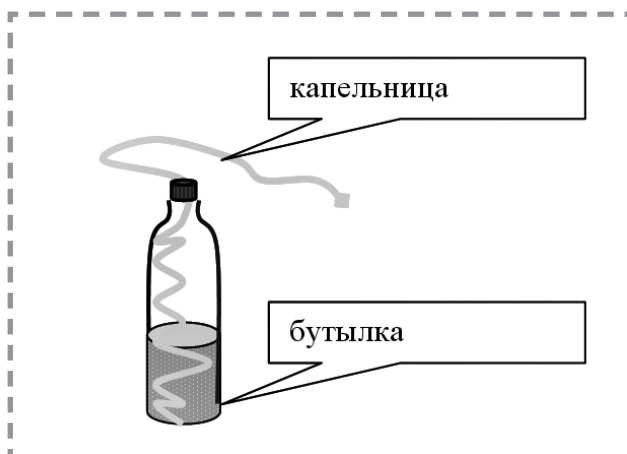
Ну, а если уж совсем нет воды, то берите пластиковый пакет положите в него пару камушков почище и ищите кустик или деревце с самой сочной и красивой листвой. Запихивайте несколько веток с наибольшим количеством листьев в пакет, постарайтесь поместить все это сооружение на солнце и терпеливо ждите результата. За несколько часов листья конденсируют для вас от 100 до 200 граммов воды, что, в принципе, хоть и плохой, но результат. Несколько таких пакетов — и к концу дня можете вполне утолить свою жажду, ну, или сварить кофе.

Кстати, про кофе. На выходах в первую кампанию я как-то страдал из-за отсутствия этого благородного напитка. Один из разведчиков, видя мои страдания, накопал корней одуванчиков, насушил их на малой пехотной лопатке и сварил мне вполне неплохой напиток, по вкусу напоминающий кофе. Хотя, если есть кофе, то не стоит «заморачиваться» с этой «лесной кухней» — самый хреновый «Нескафе» вкуснее заваренных корней одуванчика. Но вот если у вас «Пеле» или «тридцать три в одном», мой совет: подумайте все-таки о сухих корешках.

Командиру группы также надо следить за использованием воды и не давать нарушать питьевой режим, особенно во время длительных переходов. Но так как большинство разведчиков становятся сознательными только после ...надцатого выхода, да еще с боестолкновениями, то талдычить «неразумному»: «Не пей, скотина, козленочком станешь, ноги опухнут, потом изойдешь», — бесполезно. Все равно

кто-то неосознательный вытащит из кармашка бутылку и начнет жадно хлебать, а тут дружок его обернется и просипит: «Оставь децл!» В конце концов, бутылка вернется к владельцу уже пустой. Напьются воды разведчики и начнут потеть, а потом и задыхаться, и головка закружится. С такими явлениями бороться, между прочим, очень легко. Надо идти от противного. Чуть захотелось пить, пусть хлебнет. На некоторое время утолит жажду, и вода потихоньку выйдет естественным путем. Захотел хлебнуть еще, пожалуйста. Только вот проблема: постоянно приходится или снимать фляжку с пояса или доставать бутылку из кармана рюкзака. Сейчас эта проблема решается очень легко: иди в магазин и покупай себе резервуар с питьевым шлангом «Кэмел Бэк». Надевай на спину, потом сверху рюкзак, и иди хлебай себе водичку из шланга, вот он — перед тобой — только голову поверни да губы вытяни. Но тут же опять возникает проблема «жабы». Вы отдадите за трехлитровую американскую «грелку» с трубочкой сотню баксов? Я лично нет. Если государство мне выдаст, то пожалуйста (но, если и выдаст, то стоимость ее будет уже не сотня баксов, а раза в три дороже по военному ценнику, а это опять накладные, зависшее на вас имущество и прочее). Самый, конечно, лучший вариант, когда прилетит волшебник в голубом вертолете и подарит тебе «Кэмел Бэк». Однако, чудес не бывает. Хотя мне все-таки подарили такую вещь одни добрые ребята-«смежники». А представьте, сможет ли боец-срочник позволить купить себе сей «девайс»? Ну, про контрактников не говорю, они существа абсолютно непредсказуемые: могут купить себе носки за тысячу рублей, ходить на выходы и — пожалеть сотку на хорошую водку и травануться «суррогатом».

К чему я веду, да к тому, что, если есть руки и все та же пластиковая бутылка, то все можно соорудить самому. К пластиковой бутылке еще нужна прозрачная длинная трубка от капельницы, на которой есть такой маленький пластиковый фиксатор. Вот и все, что нужно. Прокалываете крышку бутылки и опускаете иголку капельницы на самое-самое дно, закручиваете крышку, бутылку пристраиваете на рюкзаке, можете прикрепить ремешками, можно вставить в резинки, можно запихнуть в боковой карман — да как угодно. Трубку через рюкзак пристраиваете на форме, продеваете или в пуговичную прорезь или еще куда, хоть скрепкой прикрепляйте (зимой желательнее трубку спрятать под одежду). И все готово, вот вам — «Кэмел Бэк», который абсолютно не жалко потерять, стоящий копейки и не требующий никакого обслуживания. Сам ходил с такой бутылкой, вполне все нормально: идешь, когда захотел, воды хлебнул.

Думаю, хватит про жидкости, ибо эту тему можно развивать и муссировать бесконечно.

Также и в первой, и во второй кампаниях в качестве дополни-

тельного питания выдавались различные консервы: как мясные, так и рыбные. В первую кампанию ассортимент мясных консервов был не очень богат. В основном, паштет мясной в маленьких баночках, очень похожий на детское питание, да большие банки свиной и говяжьей тушенки. Свиная, как я писал уже выше, была хороша только в охлажденном виде. Из рыбных — в основном «Сайра» и «Килька в томате». Во второй кампании ассортимент был намного разнообразнее. Помимо маленьких баночек «Свиного паштета» выдавались большие прямоугольные банки с ветчиной какого-то иностранного производства. Содержимое банки — хорошо приготовленная и приятная на вкус ветчина, которую прямо в банке можно нарезать ломтиками и с удовольствием поглощать. В таких же банках выдавались «Цыплята». Курица плавала в очень вкусном желе и была тоже очень недурна на вкус, но только в охлажденном виде, хотя в содержимом банки встречалось очень много костей, которые хрустели на зубах, но, в принципе, неплохо перемалывались. Также в кампанию двухтысячных годов большим разнообразием радовали рыбные консервы. Помимо «сайры» и «кильки» в рационе начали появляться «Горбуша», «Лосось», «Сардины», «Шпроты» (причем, шпроты всегда почему-то были в банках с плохо приклеенной этикеткой). Если начпрод в отряде имеет какие-то связи на Ханкалинских складах и умеет добиваться положенного, то он вполне может получить колбасу и сыр. Колбаса выдавалась, конечно, не очень хорошего качества, вся в белых разводах, и частенько кухонным работникам приходилось протирать ее маслом. Колбаса, в основном, выдавалась в роты в качестве дополнительного питания при нахождении в пункте постоянной дислокации, на выполнение задачи обычно командир группы или разведотряда выбивал себе «доппак» в виде высушенной колбасной палки. Иногда, когда «деликатес» начинал портиться и все принятые меры к «спасению» результатов не давали, тогда колбасу выдавали на задачу всем, даже автомобилистам, работающим в обеспечении вывода и эвакуации.

Сыр получали как головками, которые потом нарезали и просто выдавали на столы, так и консервированный в банках. Этот сыр, уже в качестве дополнительного питания, выдавался в группы. Также в банках частенько выдавали сливочное масло, слегка сладковатое и перетопленное. Масло в банках хорошо было только по зиме, летом же оно стремительно таяло, и использовать его можно было только для приготовления пищи.

Начиная с 2004 года, в группировку начали поступать разнообраз-

ные «деликатесы» в красочных пакетах: «Свинина по-строгановски с картошкой», «Плов» и другие. В плотном термоизолирующем пакете находилось уже готовое блюдо. Для приготовления пакет было необходимо лишь опустить в горячую воду и подержать там некоторое время. Блюда в пакетах, в принципе, были недурны, но все были на один и тот же вкус, что «свинина по-строгановски», что «баранина с зеленым горошком». Да и разогревались они все-таки быстрее, если все это вываливалось в какую-нибудь пригодную для этого тару.

Хорошей энергетической и вкусовой добавкой в питании разведчиков является... сало.

В отряде у нас для улучшения дополнительного питания сами солили сало. По каким рецептам, меня не волновало. Выдавать его каждому разведчику в виде нарезанных шматков нерационально, к тому же продукт без упаковки быстро портится, да и драгоценное место тоже занимает. Готовое сало перекручивали в мясорубке с чесноком и луком, добавляли различных специй и через воронку запихивали получившийся «паштет» все в ту же пластиковую бутылку очень плотно и закручивали крышкой. На группу на пятидневный выход вполне хватало одной литровой бутылки. «Паштет» очень приятен на вкус, калориен, его не надо резать на ломтики: выдавливая из бутылки, мажь на галету и жуй в свое удовольствие, запивая чаем.

Также дополнительно получали сгущенное молоко в стандартных банках. Его просто варили на ПХД и в банках выдавали на группу, а там уже разведчики по своему усмотрению или перекладывали готовый продукт в другую тару или таскали банки так.

Еще на пункте хозяйственного довольствия повара как-то исхитрились сушить мясо.

Готовый продукт выглядел как маленькие сухие полоски, на вкус, как простое вяленое мясо, слегка солоноватое. Его можно было использовать в пищу на завтрак или ужин, ну, или, когда времени на приготовление чего-то более существенного совсем нет, жевать просто так. Разжевал, проглотил, запил водой — вот и весь завтрак-ужин.

При приготовлении мяса (обычно говядина) разрезали на тонкие длинные полоски, обильно солили и отбивали, чуть ли не до прозрачности, потом закидывали на восемь-девять часов в духовой шкаф и при температуре 50 градусов выпаривали из мяса всю жидкость. Получались ровные сухие полоски, весьма неплохого качества и вкуса, хороши не только при выполнении задачи, но и просто так в мирной обстановке с пивом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Собираюсь сам

Помню себя молодым и глупым собравшимся на первый «выход». В упоении крушил картонные коробки пайков и распихивал банки в рюкзак МГ (мешок герметичный). Благодаря обширным «связям» на камбузе я с собой еще прихватил пакет картошки, макароны и пару булок хлеба.

Потом попытался со всей этой поклажей «взлететь». Первые десять километров я чувствовал себя парящим соколом, но весь остальной выход чувствовал себя неуклюжим бакланом. На привалах же я чувствовал себя прожорливой свиньей. После значительных физических нагрузок и длительных переходов есть — да что там есть — жрать хотелось неимоверно. Да вот все как-то не успевалось. Максимум, что удавалось: открыть банку с тушенкой и закинуть пару ложек в «топку», а потом в охранение или на доразведку. Картошку я все-таки потом испек, когда группа уже плотно забазировалась. Да и макароны удалось употребить по прямому назначению. Пожалел меня за мои «старания» командир группы, не дал пропасть мучным изделиям.

Впоследствии я сделал для себя несколько выводов.

Основной «жратвы» много не бывает. Сколько бы ее ни было, все равно будет мало.

А еще: всю жратву с собой не утащить. Как бы ты ни хотел взять с собой что-нибудь повкуснее да побольше, твоя спина и ноги потом будут долго проклинать твой желудок.

Впоследствии, с количеством пройденных километров по сопкам да по горкам у меня выработалось свое личное отношение к носиному запасу продовольствия. Паек должен быть легким, его должно хватать надолго, должен быть всегда под рукой и он должен быть вкусным. Ну, и все составляющие должны сочетаться между собой.

В результате всяческих экспериментов мой недельный паек стал спокойно помещаться в одном из боковых карманов старенького РД-54.

Давайте теперь заглянем в этот чудный боковой карман и рассмотрим, что у нас там есть.

Ровно семь пачек китайской лапши. Только не в пластиковых коробках, а в простых пакетах. Теперь, правда, и наши производят такую, так что этот продукт особо дефицитным и дорогостоящим не является. Чем хороша такая упаковка: перед закладкой в рюкзак ее можно измять, значительно уменьшив в объеме и не потеряв содержимого. Все равно потом лапша разбухнет и займет свой объем в проголодавшемся желудке. Штучек пять бульонных кубиков: куриных, говяжьих, свиных, но только не грибных. Чем разнообразнее кубики, тем разнообразнее меню (хотя, растворившись в кипятке, они, по-моему, ничем друг от друга не отличаются). Пара пакетиков сухариков с различными вкусами для добавления в лапшу. Три штуки маленьких баночек мясных консервов или фарша. Почему маленьких? Поясняю: каждую баночку можно растянуть на два приема пищи, но погодные условия бывают различные. Зимой при минусовой температуре недоеденное консервированное мясо или рыба неплохо сохранится, а летом сразу же пропадет. Если на улице был минус, мои разведчики вообще избавлялись от жестяных банок, выворачивали все содержимое в несколько плотных полиэтиленовых пакетов, а банки выбрасывали, оставляя одну на всякий (друг повар группы случайно потеряет общую большую посудину из «группового комплекта»). Так вот, вернемся к паштету в маленьких банках. Трех штук вполне достаточно на неделю, если употреблять по половине банки на каждом приеме пищи или добавлять в какое-нибудь варево.

Что у нас там имеется еще? Пачка чая. Таскать с собой рассыпной чай, а потом заваривать его — для меня это потеря времени и лишние телодвижения. Поэтому я просто покупал коробку чая в пакетиках. Коробку я выкидывал, а сами пакетики в пакете из блестящей фольги уминал до неприлично маленьких размеров и забрасывал в рюкзак. Ну, а так как я большой любитель кофе, то меня постоянно мучил вопрос: что взять или чего взять больше — чая или кофе. Потом, благодаря общению с различным разведчицким людом, вечно снующим в самых разных направлениях по зоне конфликтов, я заполучил в свои цепкие ручки парочку рецептов чая «специального назначения».

Берется пачка чая и полностью заваривается до состояния наипрочайшего «чифира», потом все это переливается в пол-литровую пластиковую бутылку. Туда же насыпается неимоверное количество сахара: примерно на одну треть бутылки. Потом туда режется долька лимона и засовывается лимон. Любители могут капнуть в бутылку немного спирта или коньяка. Вот вам и готовый чай в сильной концентрации. Не портится на жаре где-то две недели, а по холоду так и месяца полтора сохраняет свою свежесть. Просто на кружку кипятка выливаете по вкусу «концентрат» и размешиваете. Все, чай готов, не надо ни заваривать, ни отжимать пакетики. Конечно, бутылка занимает место, но тут уже ничего не поделаешь, если привык барствовать. Таким способом я себе помимо чая готовил кофе. Две полулитровые бутылки обеспечивали меня в течение недели-двух горячими ароматными напитками.

Так, что у нас там еще в рюкзаке осталось? Проблема с сахаром решена, он уже в бутылке с чаем или кофе. Несколько пачек галет, на неделю пять пачек достаточно. Упаковка каких-нибудь леденцов, чтобы не спеша посасывать во время перехода, обогащая организм глюкозой. Ложка, кружка, набор «таганок, сухой спирт, спички» — вот и все. Если остается место, то там уже можно добавить и банку мясорастительных консервов или мясных.

Описанных выше продуктов хватает вполне на неделю, если питаться два раза в сутки.

Да, рацион не разнообразен, но вполне питателен и весит не столь уж и много.

И все же — это ваш личный комплект, который вы можете варьировать как угодно исходя из своих вкусовых пристрастий, характера и длительности задачи и погодных условий. <ИВ>

(продолжение в следующем номере)

Александр
ЧУЙКОВ<http://artofwar.ru/a/aleksandr/>КВАРТИРНОЕ ДЕЛО
ПИТЕРСКИХ ВОЕНВРАЧЕЙ

Поставленная президентом России перед руководством Минобороны задача по обеспечению нуждающихся в жилье военнослужащих к 2010 году, скорее всего, выполнена не будет. Военные чиновники, отвечающие за предоставление квартир, изобретают любые причины, чтобы не выдавать заветных ключей военным пенсионерам. Даже своим спасителям — военврачам.

— Сейчас в российской армии военнослужащий, честно отслуживший более 25 лет, побывавший в «горячих точках», должен сам идти в суд и доказывать свое законное право быть уволенным с получением положенного жилья, — рассказал начальник отделения гнойной хирургии для травматологических больных 442 окружного госпиталя ЛенВО Николай Распутин. — После вступления в силу нового Жилищного кодекса в 2005 году военно-квартирные чиновники, забыв, что сами носят военные мундиры, стали трактовать его по собственному разумению. И, конечно, не в пользу заявителя. А как в этих хитросплетениях разобраться простому военнослужащему, особенно не сведущему в вопросах юриспруденции? А военные прокуроры, которые должны стоять на стороне закона, отделиваются отписками, не пресекая незаконные действия.

Три военных врача из окружного госпиталя Ленинградского военного округа: Николай Распутин, Сергей Хохлов и Сергей Константинов — уже несколько лет борются за свое право уйти на пенсию не в землянку, а в свою квартиру. Двое из них — Распутин и Хохлов — признаны негодными к военной службе по состоянию здоровья, а Константинов — ограниченно. Николай спасал жизни наших миротворцев в Абхазии, Константинов вытаскивал с того света солдат и офицеров в Чечне. А Сергей Хохлов служил на Крайнем Севере, где «двенадцать месяцев зима, а остальное лето». Все они по закону имеют право на внеочередное получение жилья при увольнении. Сергея Константинова попросту обманули, заявив, что никакого внеочередного жилья ему не положено, и уволили в запас с оставлением в списках очередников части. Ждать квартиру ветерану боевых действий в этой очереди придется годами. Сейчас он готовит исковое заявление в суд. А Распутин и Хохлов категорически отказались увольняться и теперь пребывают в неопределенном статусе — то ли военнослужащие, то ли нет. Между прочим, пока шла борьба между военврачами окружного госпиталя и чиновниками, квартиры для военных медиков выделялись. Но только как, кому и за какие заслуги они достались,

врачи не знают.

История питерских военврачей не уникальна. На прошедшей недавно расширенной коллегии Министерства обороны, прозвучали обещания обеспечить всех российских офицеров, в том числе и увольняемых в ходе реформы, квартирами.

— Мы должны решить задачу по обеспечению военнослужащих постоянным жильем к 2010 году и служебным жильем к 2012-му, — заявил, выступая на коллегии, президент Дмитрий Медведев.

Военное руководство в ответ заверило Главковерха, что все будет исполнено точно и в срок. Однако, простая арифметика доказывает, что решить эту задачу не удастся. На 1 августа 2008 года, по данным Службы расквартирования войск Минобороны, в списках числилось 116 900 военнослужащих, нуждающихся в получении жилья. В 2008 году для них было приобретено чуть больше 22 тысяч квартир. В планах на этот год — почти 45 тысяч, из которых будет построено самостоятельно 10 тысяч, а куплено больше 30 тысяч. То есть, если брать «сухой остаток» — больше половины нуждающихся должны будут получить заветные ключи от своего жилья. Однако, в ходе проведения военной реформы, только в 2009 году к ним прибавится еще 50-60 тысяч бесквартирных военнослужащих. Точное число сокращаемых, в том числе и «бездомных», неизвестно даже тем, кто непосредственно отвечает за распределение жилья — службе расквартирования. Получается, что, несмотря на все обещания, к началу 2010 года в России будет как минимум 100-110 тысяч бездомных армейцев, как действующих, так и сокращенных. И если темпы закупки квартир останутся на прежнем уровне — 40 тысяч в год, то решение проблемы затянется минимум на 3 года.

А ведь реформу никто не останавливал. И, значит, очередь из не имеющих угла офицеров будет только расти. Тем более, в условиях финансового кризиса и неминуемого секвестирования военного бюджета.

— Конечно, я бы лечил «квартирантов» из КЭУ, если бы они попали ко мне в отделение, — говорит доктор Распутин. — Ведь я давал клятву Гиппократу, я врач, а не чиновник. Может быть, пора и им какую-нибудь клятву придумать, чтобы совесть хотя бы иногда просыпалась? Только клятвами, наверное, тут не поможешь. Вот только, что я дочке своей отвечу, когда она спросит: «Папа, а когда у нас будет свое жилье?» <ИВ>

С.Г.
ФОГЕЛЬОСОБЕННОСТИ
ПРОПАГАНДИСТСКОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ
ВООРУЖЕННОГО АФГАНСКОГО
КОНФЛИКТА 1979-1989 ГГ.(с разрешения кафедры журналистики
Пермского государственного университета)

ОКОНЧАНИЕ

Сущность войны в обычном понимании данного термина всесторонне изучена. Особенности же психологической войны правильно понимают только специалисты. Открыто говорить о приемах и методах информационной войны сегодня необходимо по нескольким причинам: во-первых, потому, что осмысление и анализ приемов психологической войны позволяют перевести их из разряда скрытой угрозы в явные, с которыми уже можно бороться эффективными методами; во-вторых, изучение этих приемов и методов научит более адекватному восприятию современного мира.

Анализ вооруженных конфликтов последних десятилетий XX века показывает, что большое значение приобретает информационно-психологическое обеспечение действий войск со стороны политического руководства страны. Стремление повлиять на противника средствами пропаганды, дезинформации, запугивания и подкупа — неизменный спутник всех войн в истории человечества.

Распространение слухов и мифов является одним из приемов психологического воздействия.

Следует отметить, что распространение слухов во всех слоях афганского населения рассматривалось как нормальное и оправданное явление, и слухи по эффективности воздействия успешно конкурировали с государственными СМИ, часто сводя на нет даже организованные усилия государства.

Ситуация войны всегда несет в себе дефицит информации и, как следствие, усиление напряженности, желание получить информацию любыми иными доступными путями. Искусственно созданный слух в результате своего коммуникативного движения обрастает дополнительными подробностями детализирующего характера, что может увести его немного в сторону от поставленной задачи, но резко завышает его достоверность. Например, слух о передвижении войск «двигался» вместе с датой, которая была более поздней, чем та, о которой говорилось вначале. Слух о вооруженной стычке в караване менял имя хозяина каравана. Или слух о гибели в засаде отряда моджахедов обрастал подробностями — среди моджахедов был предатель, который уже найден. Здесь молва не хотела просто гибели моджахеда, его можно было убить только путем предательства. Запуск слуха, созданного советскими спецслужбами, об обмене «Стингеров» на деньги упирался на то, что в нем рассказывалось, что уже двадцать человек сдали свои ракеты, а в город под усиленной охраной русских доставлено более ста миллионов местных денег.

Эффективность слухов поддерживалась и опиралась на большой конформизм афганского общества. Определенная часть афганцев легко идет на нарушения различных запретов, если они уверены, что кто-то неоднократно уже подобные нарушения допускал. В их среде подражание — норма поведения, как в хорошем, так и в дурном, особенно если это сулит материальную выгоду.

Как видим, слухи — это не только теоретическая истина. Они ак-

тивно используются на практике, в том числе и международной. Соответственно, с обеих противоборствующих сторон была создана определенная техника воздействия, состоявшая в продумывании и распространении единого по своей направленности блока слухов, который позволял при этом решать вполне конкретные задачи.

Успешные операции подобного рода имеют в своем активе как советские спецслужбы, так и их противники на поле афганской «битвы».

Приведем в качестве примеров несколько операций с применением слухов, проведенных советскими военными. Так, чтобы удержать от выступления пять полков одного племени, советскими спецслужбами был запущен слух о передвижении советских войск. Этот слух не был единственным: за три дня противник получил четыре таких «надежных» сообщения. Однако потом они были подкреплены невербальными действиями — саперный батальон афганцев стал искать мины на дороге по предполагаемому маршруту передвижения советских войск. В результате ни один из полков оппозиции так и не двинулся с места, поскольку считалось, что русские выступают и лишь ждут подвоза горючего.

Нижеописанная операция была разработана советскими спецслужбами и состояла из целого блока слухов, в который входила информация как порочащая объект дискредитации, так и якобы «прославляющая», «защищающая», «соболезнующая». Операция была направлена на дискредитацию полевого командира моджахедов Мирзо Рахима. Вот ее компоненты:

1) «порочащие» слухи: конкретными фактами доказывалось, что Мирзо Рахим никудышный командир, поэтому в его отряде большие людские потери. Это обвинение соответствовало действительности;

2) «прославляющие» слухи: утверждалось, что он «умело» вывел отряд из окружения, потеряв всего-навсего 70 (!) человек. Оставшиеся в живых 20 членов отряда должны благодарить Аллаха за то, что у них такой умелый командир;

3) «защищающие» слухи: сообщалось, что высшее руководство моджахедов собирается привлечь Мирзо Рахима к ответу за плохое руководство отрядом, в результате которого понесены большие потери. При этом утверждалось, что он все же уважаемый мусульманин человек, просто сильно испугался советских войск;

4) «соболезнующие» слухи: сообщалось, что отряд Мирзо Рахима, понесший большие потери (все те же 70 человек), вынужден хоронить своих воинов с нарушением законов ислама. Мирзо Рахим вынужден так поступать, потому что он боится кровной мести родственников погибших, обвиняющих его в смерти своих близких.

В итоге давалось своего рода резюме: главарь испытал такие перегрузки, что психически заболел и никого не узнает. Информация передавалась по разным каналам, в каждом случае указывались имена погибших людей из отряда Мирзо Рахима. Результатом этой психологической операции вскоре стало убийство Мирзо Рахима родственниками его бывших подчиненных.

Для придания достоверности слухи часто запускались как только что услышанное сообщение Би-Би-Си, поскольку это был самый популярный радиоканал в племенах. Были отработаны и места, наиболее эффективные с точки зрения запуска слухов: базарное знакомство, знакомство в чайхане, случайный попутчик в машине, ехавшей в район, контролируемый противником.

Афганская вооруженная оппозиция успешно использовала для распространения слухов фактор своего непосредственного присутствия в гуще населения страны. В отличие от официальной власти, рожденной в центре и не имевшей прочных и постоянных связей с наиболее населенной деревенской зоной, им не нужно было «идти в народ» — это была их среда обитания.

Использование звукового и радиовещания как средства пропагандистского воздействия.

Приоритетной формой информационно-психологического воздействия в Афганистане совершенно справедливо с точки зрения эффективности стала радиопропаганда. На 19-миллионное население Афганистана приходилось более трех миллионов радиоприемников, то есть радио было почти в каждой афганской семье. Радиовещание осуществлялось как на членов вооруженной оппозиции, так и на гражданское население страны. Радиовещание позволяло охватывать и женское население страны, которое было лишено возможности участвовать в общественно-политической жизни общества.

Советской стороной полномасштабная радиопропаганда была организована и введена только через 5 лет после вступления на афганскую землю, и меры по ее организации во многом были предприняты в ответ на крупномасштабную войну в радиоэфире, которую вели зарубежные радиостанции. Накануне начала военной операции радио Кабула в определенные часы передавало на русском (!) языке последние известия и другие официальные сообщения, в которых беспрерывно упоминался Х. Амин — таким образом укреплялся его культ. Этим и ограничивалось, пожалуй, пропагандистское воздействие радиовещания с советской стороны, что не позволяет нам говорить о серьезном и полноценном использовании этого канала информационно-психологического воздействия на начальном этапе военной операции.

Напротив, подрывное вещание против афганского правительства с момента апрельской революции увеличилось в 50 раз, объем радиопередач на разных языках народностей ДРА составлял около 300 часов в сутки. Акцент был сделан на радиопропаганду на местных языках — пушту, дари, фарси, узбекском, пашаи и других. Особая роль в радиовойне отводилась радиостанциям афганской вооруженной оппозиции. С территории Пакистана вела ежедневно по четырем каналам в течение четырех часов радиостанция «Голос свободного Афганистана», которая финансировалась ФРГ. Непосредственно на территории Афганистана действовали малогабаритные мобильные радиопередатчики, поступившие из США, ФРГ, Франции, Японии.

По данным 1984 года общее время зарубежного вещания на афганскую аудиторию на местных национальных языках составляло 40 часов в сутки. Практически на всей территории Афганистана обеспечивался уверенный прием радиопередач в любое время суток на средних и коротких волнах. Для этого Запад наращивал технические возможности, были модернизированы имевшиеся радиостанции, усилена их мощность, построены новые ретрансляторы в соседних с Афганистаном странах (прежде всего — в Пакистане).

Весной 1984 года Пакистан посетил руководитель радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» Джеймс Бакли. В последующем эти радиостанции стали неотъемлемой частью подрывных информационно-психологических операций против ДРА и советских войск в Афганистане.

Анализ программ передач ведущих западных радиостанций (как и печатных и электронных СМИ) показывает, что стержневые пропагандистские темы и аргументы сводились к следующим постулатам:

— с приходом к власти в Кабуле «коммунистов» ислам оказался в опасности;

– кабульский режим сознательно провоцирует межэтническую и межплеменную рознь и вражду;

– массовое дезертирство из афганской армии – яркий пример неприятия населением страны безбожного кабульского правительства и его протест против власти неверных;

– афганские беженцы – это жертвы коммунистического режима и советского вторжения в Афганистан;

– марионеточный режим и советские войска повинны в гибели сотен тысяч мирных жителей в результате преднамеренных и жестоких бомбардировок с воздуха и обстрелов артиллерией населенных пунктов. Это геноцид против собственного народа и нарушение прав человека;

– моджахеды являются подлинными борцами за свободу своей страны, а их расправы над идейными противниками вызваны военной необходимостью. На стороне моджахедов находятся поддержка и симпатии всего мусульманского мира в свободных странах;

– советская технико-экономическая и другая помощь Афганистану преследует стратегическую цель лишить страну независимости и превратить ее в сырьевой придаток Москвы;

– конечная цель Советов – интегрировать Афганистан в состав СССР.

Позднее, в 1986–1988 гг., с провозглашением в Кабуле политики национального примирения, западная пропаганда скорректировала свои аргументы и тезисы:

– план национального примирения неосуществим;

– советские предложения по политическому урегулированию не подкрепляются практическими шагами;

– Советский Союз должен компенсировать все потери и разрушения в Афганистане, вызванные советской агрессией, и др.

Реализация приведенных выше лозунгов и целевых установок осуществлялось в процессе радиовещания через использование разнообразных психологических приемов и жанров передач – комментарии, интервью, информационные сообщения, репортажи, в том числе – с места событий, политические фельетоны и анекдоты, обзоры писем слушателей и прессы, беседы с очевидцами, передачи под рубриками «Взгляд с крыши мира», «В мире книг» и др. В эфир давались трансляции митингов, собраний, конференций и т.п.

Частым приемом западных радиостанций и СМИ являлись ссылки на неназванные «дипломатические источники в Дели и Исламабаде», а также рассказы и сообщения неких «высокопоставленных афганских правительственных чиновников» и представителей афганской политэмиграции – для придания видимой достоверности информационным сообщениям.

Постоянными участниками радиопередач были известные в Афганистане ученые и политические деятели, оказавшиеся на Западе в период до и после «апрельской революции» в Кабуле.

Характерной особенностью западных радиовещательных служб являлось широкое представительство в их штате специалистов-профессионалов из числа бывших афганских госслужащих и интеллигенции, в том числе тех, кто ранее работал на Кабульском радио.

Массированному пропагандистскому натиску Запада Советский Союз противопоставил свои идеи, доктрины и концепции, но с гораздо меньшим размахом и напористостью. Основными мотивами их было обоснование социальной несправедливости капитализма как системы и его неспособности решить насущные политические, экономические, культурные и духовные проблемы развития человечества.

В стремлении изменить положение в свою пользу Кабул и Москва предприняли целый ряд мер для усиления влияния радиопропаганды в информационной войне против Запада. В середине 1984 года общий

объем внутриафганского радиовещания составлял 28,5 часа в сутки, в том числе центрального (первая программа) – 18 часов, столичного вещания «Радио Кабула» – 3; передачи на УКВ – 4, вещание из Кабула на языках национальных меньшинств (узбекском, туркменском, пашаи, нуристан) – 3,5 часа. Кроме того, существовали 10 провинциальных радиостанций.

Вместе с тем, официальный Кабул вел вещание и на зарубежные страны (Иран, Пакистан, Индию, арабские страны и государства Западной и Восточной Европы) на английском, немецком, урду, пушту, дари, арабском и русском языках. Общий объем этого вещания к 1985 году составлял 12 часов в сутки. Самой заметной в иновещании была радиостанция «Голос родины».

Весь объем внутриафганского вещания обеспечивался техническими средствами министерства связи ДРА, в распоряжении которого имелось в середине 80-х годов три средневолновых передатчика, один коротковолновый и один ультракоротковолновый. Зарубежное вещание обеспечивали еще два коротковолновых передатчика. Все передатчики были устаревшего типа, в основном немецкого производства, по своим техническим характеристикам они не соответствовали уровню требований к государственному вещанию.

Техническое несовершенство усугублялось почти полным отсутствием запчастей и систем автономного питания. В результате частого выхода из строя передатчиков и отключения электроэнергии срывались передачи внутриафганского и зарубежного вещания. Нередки были случаи, когда весь кабульский эфир молчал. Анализ статистических данных технических остановок и срывов передач в первой половине 80-х годов свидетельствовал о том, что они год от года росли.

Весной 1984 года Пакистан посетил руководитель радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» Джеймс Бакли. Они стали частью подрывных операций против ДРА

Аналогичная картина наблюдалась и в работе провинциальных радиостанций. Несмотря на то, что в 1979 году из Советского Союза были поставлены средневолновые передатчики практически во все провинции востока, юга и юго-запада страны, горы Гиндукуша препятствовали устойчивой ретрансляции первой афганской программы и уверенному ее приему в дневное время в провинциях Афганистана. Вместо предусмотренных 8–10 часов провинциальные радиостанции выдавали в эфир по 2 (в лучшем случае – по 3) часа вещания в сутки.

В результате значительная часть территории Афганистана (более 60%) в дневное время не была охвачена радиовещанием из Кабула. По существу, афганский эфир был отдан враждебным Кабулу голосам: в дневное время в нем доминировали передачи мощных средневолновых радиостанций Ирана и Пакистана и круглые сутки на всей территории страны – мощные радиопередатчики западных радиостанций, вещавших на коротких волнах.

Мерой по отвоюванию позиций в радиоэфире стало в 1981–1983 гг. создание студии «Пулибагеомуми» и реконструкция аппаратно-студийного комплекса радиовещания (на основе кредита в 3,6 млн. долларов, выданного Германской Демократической Республикой). В 1985 году был предпринят еще целый ряд мер технического и организационного характера. Таким образом, к концу 80-х годов Кабул располагал сетью из 27 радиовещательных и 12 передающих радиостанций. Общий объем их вещания возрос до 100 часов в сутки.

На фоне общего неблагополучия афганской радиопропаганды редким исключением являлась работа радиостанции «Ватан гак» («Голос

родины»), о которой упоминалось выше. Ее передачи предназначались для афганских беженцев за рубежом и эмиграции и пользовались огромной популярностью среди обширной аудитории слушателей-афганцев. Об этом свидетельствовали многочисленные письма (до 40-50 в месяц). Привлекательность передач данной радиостанции обеспечивалась интересным содержанием и новыми оригинальными формами и методами подачи материала.

Учитывая специфику аудитории, ностальгию беженцев по родине, в передачах до 80% всего эфирного времени отводилось трансляции национальных песен и музыки в исполнении известных афганских мастеров сцены. Также широко были представлены народный юмор, сатира и религиозные проповеди. Особый колорит и притягательность передач «Ватан гак» придавали сатирические рассказы и политические анекдоты. Основными целями сатиры являлась дискредитация лидеров афганской вооруженной оппозиции и правящих кругов Пакистана и показ лживости антиправительственной пропаганды.

По свидетельству очевидцев, сатирические рассказы, анекдоты и музыкальные передачи «Ватан гак» часто записывались слушателями на магнитофонные ленты и широко распространялись в лагерях афганских беженцев на территории Пакистана, а нередко и продавались в местных лавках-дуكانах.

Популярность «Голоса родины» вызывала серьезное беспокойство лидеров афганской вооруженной оппозиции. Против слушателей этой радиостанции применялись репрессивные меры — виновные подвергались штрафу в размере 50 тыс. афгани. Также пакистанские власти приступили к глушению передач «Ватан гак».

Высоко оценивалось значение политической агитации, т.к. считалось, что в афганском обществе такая форма является эффективной, наряду с личными беседами с группами людей.

Использование кино и телевидения как средства пропагандистского воздействия.

Телевидение как одно из наиболее эффективных средств психологического воздействия не получило в Афганистане массового применения в информационной войне в силу многих обстоятельств, в основном технического характера. Тем не менее, и эта форма информационно-психологического воздействия нашла свое применение во время афганского противостояния.

Советская сторона довольно активно использовала кино- и телепропаганду, которая позволяла оказывать особое эмоциональное воздействие на население республики. К примеру, газета «Известия» за 20 апреля 1987 года публикует на своих страницах материал под заголовком «В уезде мира», где так описывает прибытие советского военного агитотряда в кишлак Камари уезда Баграм: «В тот день в кишлаке было по-праздничному весело — к декханам прибыли советские воины из агитотряда. На окраине их встретили радостные крики бачат — вездесущих афганских ребятишек. А через несколько минут вокруг советских воинов собрались жители кишлака — седобородые старцы, женщины в парандже, молодые парни. Гвардии майор Ю. Бундин отдал необходимые распоряжения, и закипела работа. Гвардии старший лейтенант А. Кобзарь готовил киноаппаратуру, чтобы показать фильмы о Советском Узбекистане и Советском Таджикистане. Гвардии младший сержант А. Баннов включил громкоговорители звуковещательной станции, и над кишлаком понеслись национальные афганские мелодии... Оживленно было у фотовы-

ставки, рассказывавшей о жизни народов Средней Азии. Старейшинам раздали свежие номера журналов «Советский Узбекистан», «Мусульмане в СССР», советские книги на дари и пушту».

Из приведенного отрывка можно судить о содержании и тематике советской кино- и радиопропаганды, по крайней мере, в период второй половины Афганской войны.

Национальное афганское телевидение могло бы сыграть немало важную роль в информационно-психологической войне, однако оно находилось в стадии становления, так как было создано только в 1978 году. К середине 1984 года общее время телевизионного вещания, охватывающего в то время лишь столицу и окрестности, составляло в среднем 5,5 часов в сутки. В этом же году Советский Союз поставил приемные устройства космической связи «Москва-2» и ретрансляторы; для продажи населению в страну были доставлены телеприемники, видеомагнитофоны и видеокассеты, закупленные в Японии (фирма «Сони») и ФРГ («Бош»).

Провинциальное телевидение ДРА не выдерживало конкуренции с содержательными программами телепередач сопредельных стран — Пакистана и Ирана, время вещания которых в 7-8 раз превосходило время афганских передач.

Приграничные с Пакистаном и Ираном районы являлись исключениями и в техническом плане были в более выгодном положении. В частности, население провинции Нангархар располагало 5-6 тысячами телевизионных приемников различных марок, в основном черно-белого изображения; в провинции Герат (в основном в центре) имелось до 10 тысяч штук телеприемников. На этих территориях устойчиво принимались иранские телепрограммы на языке фарси в течение 50 часов в неделю. В телепередачах обязательно присутствовала тема борьбы против советских и кабульских кафилов. В Иране нередко демонстрировались документальные ленты о боевых операциях афганских моджахедов.

В расчете на состоятельное население центра страны, среди которого были владельцы японских телевизоров с видеомагнитофонами, из западных стран в Афганистан поступало большое количество видеокассет с записями антиправительственного содержания.

Запад организовал телевизионное вещание с сопредельных территорий, в основном Ирана и Пакистана. Объем вещания составлял 56 часов в неделю (передачи велись на языках урду, пушту, арабском и английском). Обязательным элементом телепрограмм являлись демонстрация американских и пакистанских фильмов, передача новостей, чтение Корана, религиозные проповеди и молитвы (намазы).

Кроме форм и методов, рассмотренных выше, как советская, так и оппозиционная сторона применяли и другие формы психологического воздействия во время вооруженного противостояния.

В частности, советские спецслужбы вспомнили и такие забытые после Великой Отечественной войны формы и методы работы среди населения, как выступления артистов, работу клубов, выставки и т.д. Достаточно эффективным способом воздействия на моджахедов считался отпуск пленных и других арестованных лиц.

Однако незнание местных традиций нередко сводило к нулю эффективность проводимых мероприятий. Иллюстрацией этого утверждения служит следующий факт: при ликвидации неграмотности на местах игнорировался тот факт, что в Афганистане обучение традиционно велось отдельно среди мужского и женского населения. Имели место случаи, когда за одну парту сажали одиноких мужчин и замужних женщин, что противоречило шариату и всегда вызывало протест мусульман. Только начав проводить раздельные занятия, удалось вернуть за парты часть девушек.

Устная пропаганда активно велась как моджахедами, так и сотрудниками советских спецслужб. Оппозиция считала такую форму воз-

действия на афганское население одной из основных, в силу повальной неграмотности афганцев. Для осуществления этой деятельности широко привлекались представители духовенства и профессиональные агитаторы. Их подготовка велась в специальных учебных центрах на сопредельных территориях (Пакистан, Иран). Всех агитаторов снабжали пропагандистской и религиозной литературой и культовыми атрибутами.

Высоко оценивало значение устной политической агитации и официальное кабульское руководство, считая, что в малограмотном афганском обществе такая форма является самой эффективной, наряду с личными беседами и диспутами с небольшими группами людей. В распоряжении официальных кабульских властей имелся штатный пропагандистский аппарат в несколько десятков тысяч человек. Многие из них прошли специальную подготовку в разного рода учебных центрах, большинство из которых — в СССР. К пропагандистской работе также широко привлекались муллы, светские и духовные авторитеты, преподаватели вузов, учителя и учащиеся старших классов.

Таким образом, изучив особенности советской пропаганды в Афганской войне 1979-1989 гг. и сравнив ее с информационной войной противоборствующего лагеря, можно сформулировать следующие выводы.

Советский Союз не сумел в силу целого ряда причин и обстоятельств выиграть информационную войну на афганском поле. Этот проигрыш явился следствием многих упущенных возможностей и непродуманной организации и ведения информационно-психологического противоборства. Выделим основные из них:

— недооценка значения информационного фактора в борьбе про-

тив вооруженной оппозиции и вмешательства извне;

— организационная разобщенность пропагандистских структур и отсутствие единого, эффективно действующего руководящего центра внутри- и внешнеполитической пропаганды;

— скудное финансирование информационной сферы и ее недостаточная материально-техническая база;

— слабое знание руководством и непосредственными исполнителями специфики страны и менталитета афганского народа;

— неумение и нежелание вести информационно-политическую работу в деревенской зоне, где проживала подавляющая часть населения страны;

— подмена живой разъяснительной работы среди простых людей словоблудием, наигранным пафосом, пустыми призывами, оторванными от реальной жизни, повседневных нужд населения и пр.

Не так давно был обнародован такой ранее неизвестный для нас факт: руководство СССР запрещало ведение психологических операций в Афганистане, поскольку это была чужая территория. За активную позицию по этому вопросу был даже отправлен в отставку один из руководителей управления спецпропаганды генерал-майор Л. Шершнев.

В результате отмеченных и некоторых других обстоятельств враждебные Кабулу голоса заняли доминирующее положение в афганском информационном пространстве и вполне успешно формировали в стране удобное им общественное мнение.

Таким образом, несмотря на целый ряд отдельных положительных моментов, советская пропаганда в целом не смогла эффективно противостоять западной пропаганде. В итоге, в Афганистане Запад одержал крупную победу в информационной войне против коммунизма, и именно в результате этой победы Советский Союз утратил, особенно в «третьем мире», имидж защитника и друга угнетенных народов.

С окончанием афганской кампании и последующим распадом Советского Союза информационные войны не ушли в прошлое из мировой политики. Приняв на вооружение новейшие информационные средства и технологии, они стали еще более изощренными и опасными для судеб многих стран и народов.

История показывает, что недооценка информационного фактора чревата огромными и непоправимыми последствиями. В современную эпоху информационная безопасность, наряду с другими составляющими национальной безопасности — военной и экономической, должна занимать достойное место во внутренней и внешней политике любого государства. Этому учит и опыт информационной войны в Афганистане. <ИВ>

РЕДУТ — БЕЗОПАСНОСТЬ Кобура самозаряжающая «ЭФА»

Кобура предназначена для скоростного приведения пистолета в полную боевую готовность при извлечении оружия из кобуры одной рукой.

Время, необходимое на это действие — до 0,35 — 0,4 сек.

Использование кобур «ЭФА» целесообразно в структурах, в работе которых возможны ситуации, требующие экстренного применения оружия:

- ⊙ спецподразделения;
- ⊙ милиция;
- ⊙ охранные структуры (личная охрана, ГБР);
- ⊙ служба инкассации.

Даже доли секунды определяют грань между жизнью и смертью.

«ЭФА — 3»

«ЭФА — 3» / ЭКБ01

«ЭФА — 2К»

ВНИМАНИЕ! Изобретение запатентовано, все права защищены!

Справки по телефону: +7 915- 147-78-09

e-mail: lord-9@mail.ru

Алексей
ИВАКИН

Комиссар
поискового
отряда
"Возвращение"

Ивакин Алексей Геннадьевич. Родился в 1973 году в городе Слободском Кировской области. Психолог. С 1996 года командир, а затем комиссар поискового отряда «Возвращение» (Кировская область).

Меня нашли в воронке. Большой такой воронке — полутонка хорошие дыры в земле роет. Меня туда после боя скинули, чтобы лежал и воздух своим существованием больше не портил.

Лето сменилось зимой, зима летом, и так 65 подряд лет. Скучно мне не было, тут много наших, да и гансов по ту сторону дороги тоже хватает. В гости мы, конечно, не ходили друг к другу. Но и стрелять уже не стреляли. Смысла нет. Хотя война для нас не закончилась. Все ждем приказа, а он никак не приходит...

А нашли меня осенью. Листва еще была зеленая, но уже готовилась к тому, чтобы укрыть нас очередным одеялом. Правда, мертвые не только сраму не имут, но и холода не боятся. Чего нам бояться-то? Только одного...

Нашли меня случайно, молодой парнишка, чуть старше меня, лет двадцати, наверно. Сел на краю воронки, закурил незнакомым ароматным табаком и с ленцой ткнул длинным шупом в дно. И надо ж, прямо в ногу мне попал.

Он прислушался к стуку металла о кость, ткнул еще несколько раз и, отплюнув в сторону недокуренную папиросу с желтым мундштуком, прыгнул вниз. Расточительные у нас потомки. Мы самокрутку на четверых порой делили.

В несколько взмахов саперной лопатки он снял верхний слой почвы надо мной.

— Есть! — воскликнул он, когда его лопатка с отвратительным звуком ширкнула мне по черепу. Больно мне не было. Было радостно и удивительно — неужели?

Пацан отложил инструмент в сторону и достал немецкий штык-нож. Интересно, где он его взял? На той стороне подобрал? Не похоже, вроде... Блестит, как новенький. Не то что мой, от трехлинейки. Тот после последней моей атаки так и заржавел, нечищенный.

По косточке он начал поднимать меня, а я пытался подсказать ему, где что лежит. Конечно, мне все равно — подумаешь, зуб тут останется или там палец, но как-то не хотелось часть себя оставлять.

Ну, не хотелось...

Жалко, медальон осколком разбило. Хотя бы весточку моим передал, где я да что я. Впрочем, вряд ли бы она дошла. Брату сейчас уже лет 70... Где он сейчас? Жив ли? Или ждет меня уже там? Ну, а Ленка точно не дождалась. И правильно сделала.

Эй, эй! Парень! Куда глину кидаешь? Это ж сердце мое, пусть и бывшее! Не услышал...

Хотя сердце тогда в лохмотья разорвало.

Когда мы бежали по полю к дороге, земля в крови, кровь на сапогах, тогда и шмальнонуло. Я сразу и не понял, пробежал еще метров сто, траншея с фрицами приближалась, хочу прыгнуть уже, смотрю, а

винтовки нет, и граната из руки будто выпала...

Оглянулся, а тело мое лежит, голова вдрызг, грудь разворочена, и только ноги в ботинках еще дергаются.

Сейчас даже смешно. А тогда страшно было. И чего делать — не знаю. Упал, пополз обратно, пытаюсь винтовку схватить, а не могу. И мычу, мычу...

Мне б, дураку, «Отче наш» вспомнить... А как его вспомнить, если я его и не знал никогда. Комсомольцам религиозный опиум ни к чему. Это мне еще отец объяснил, когда колокола с церкви сбрасывали и крест роняли.

Ну, а наши немцев из траншеи тогда все-таки выбили. Покрошили немало, но и нас полегло — почти весь батальон.

Потом половину оставшихся собрали, и они ушли над лесом на восход.

Как были — с пробитыми касками, в бинтах — оторванными ногами они шагали над землей. Красиво шли. Молча. Не оглядываясь.

А мы остались.

А парень нашел осколки медальона и матюгнулся так, что с рябинки над ним листочки посыпались. От расстройства снова закурил, разглядывая находку.

И тут подошел второй. Первый молча протянул ему остатки медальона.

Второй только вздохнул:

— Эх, блин, еще один неопознанный.

Первый кивнул, докурил и снова спустился ко мне.

Да ладно вам, ребята, хотелось мне сказать, не переживайте. Я без вести пропавший, обычный солдат. Таких, как я, много. Только подо мной в воронке еще 10 наших. Из нашего взвода. И все рядовые, которых никогда не опознают. У кого потерялся медальон, у кого записка сгнила, а кто и просто не заполнил бумажку. Мол, если заполнишь — убьет. А войне похрену на суеверия. Она убивает невзирая на документы, ордена, звания и возраст.

Вон рядом совсем сестричку с нашим лейтенантом накрыло одной миной. Она его раненого уже вытаскивала с нейтралки. У комвзвода, кстати, медальон есть. Я точно знаю.

Мужики! Найдите их! Вместе мы тут воевали, потом лежали вместе. Хотелось бы и после не расставаться.

Так думал я, когда пацаны в грязных камуфляжах тащили наше отделение в мешках к машине.

Так думал я, когда нас привезли на кладбище, в простых сосновых гробах — по одному на троих.

Так думал я, когда нас тут встретили ребята из братских могил. В строю, как полагается.

Так думаю я и сейчас, уже после того, как они проводили нас над лесом на восток.

И оглядываясь назад, я прошу: Мужики, найдите тех, кто еще остался! <ИВ>

Роман
НАВЕСКИН

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА...

Во дворе стоял плотный туман. Были видны только очертания детской площадки — железные ребра каруселей, скамеек. Кругом — густой кисель тумана, силуэты могил-песочниц, и только одно движение — плавный маятник качелей, пронзающий гущу белизны. Вперед-назад, вперед-назад, как в замедленной съемке. Смутная зеленая фигура, веселое кряхтение, взлетающие к небу черные ботинки и снова уханье назад, в белый дым. Взлет, прыжок — и тяжелое медленное падение, и неловкие ботинки взрывают песок и гравий.

Где-то вдалеке пылал неистовый шар солнца, клонился за горизонт.

Витя поднялся и сухой ладонью отряхнул штаны; качели за спиной замедляли ход. Присел на верхушку карусели, ногами в сиденье, и она песочно скрипнула, накренилась. Павел, сидевший на другой стороне карусели, вздрогнул, но смолчал укор.

Лицо Павла — бледное, тонкое. Глаза большие и грустные, серые, с поволокой. Не чета хитроватым быстрым глазкам Вити. И не идет Павлу красная толстая прядь волос на взъерошенном виске, неумелый штрих начинающего художника.

— Сколько времени?

Витька пожал плечами; часов у него не было. Воровато оглянулся и закурил в кулак; дым медленно поднимался из полукрытого рта. Протянул папиросу Павлу:

— Не хочешь?

— Спасибо, Вить, я не курю, ты же знаешь.

— Ну, да... Виталик!

Тишина. Скамейка, на которую смотрел Витя, почти полностью окутана этим странным туманом. Не бывает такого... Может, дымят канализации?

— Виталик!

Из густого белого донесся спокойный голос:

— Чего?

— Иди к нам, чего ты там сидишь?

— Да ладно, я тут посижу.

— Как хочешь...

В воздухе запахло порохом. Кто-то на первых этажах ближнего дома жарил мясо на ужин.

Вообще, Виталик был пухловатым и домашним молодым человеком, однако, неприспособленности к улице в нем не было; он не боялся ничего. Он был очень добрым.

Витька быстро отвлекся от Виталика.

— Паш, дай «Капитан Сорвиголова» почитать. Послезавтра верну.

Павлу было неудобно отказать, хотя он знал, что самые интересные книги, вроде «Приключения Гекльберри Финна» или «Джин Грин — неприкасаемый», оставались у Вити. Павлу не было жалко; он читал совсем другое. К тому же он знал, что Витя перечитывает их не раз и не два. Пусть читает хоть что-то. Все мы начинали с малого.

— Зайди в семь, дам.

— О! Спасибо, Паш. Послезавтра, у меня такие книги долго с закладками не лежат.

Витя откинулся назад насколько мог, наверху — темнеющее небо. Закрыв глаза и затащив папиросу во все легкие — как-то так, что одно без другого не получилось бы — и, конечно, закашлялся. Вновь беглыми, но теперь настороженными и пристыженными глазами оббежал двор — бросил бычок щелчком в урну, но без особого прицеливания. Разумеется, не попал. Горько коротко сплюнул.

На площадке никого не было. И это в любимое детское время, когда уроки уже сделаны и до ужина можно покрутиться на каруселях часок-другой, посидеть на лавках с друзьями! Обсудить важнейшее. Где-то вдалеке были слышны голоса — удивительная способность, присущая только детям — кричать, смеяться. Хромыки перебежками гуляли редкие птицы.

— Виталик!

— Чего?

— Иди сюда, хватит заседать.

— Я устал, я тут посижу...

— Чего устал-то? Побегали маленько...

— Устал я.

— Ладно, сиди, отдыхай. Бегун-марафонец.

Хотел еще пошутить, но придумать шутку не удалось. Вздыхнул, вновь посмотрел на небо. Птиц не было.

— ...Мама дома заругает... — сказал Витя и просунул пальцы в три аккуратные круглые дырки у нагрудного кармана военной куртки, поиграл пальцами.

— Ага... Заругает, — повторил Павел и жестом фокусника достал из-за спины каску с дыркой на левом виске, грустно оглядел ее. — У тебя-то заплатку поставил — и бегай как раньше, а у меня металл. Даже не знаю, как заделать. И краска, вон, облупилась.

Павел надел каску, и круглое отверстие чудным образом совпало с красной взъерошенной прядью.

— Ну как?..

— Что как? На гриб похож.

— В смысле, очень видно?

— Очень. У тебя запаять можно, давай вечером забегу с паяльником и подумаем? А краска у меня для моделей есть. Там же тоже военная техника, солдатики, почти настоящие.

— Думаешь, получится?

— А чего тут думать? Попробуем хоть. Все равно же за книжкой заходить.

— Давай, попробуем. Спасибо, Вить.

Витя не ответил. Окрыленный Павел крикнул звонким голосом:

— Виталька! Сколько времени?

В ответ из тумана вылетели часы с порванным пластмассовым ремешком. Павел не поймал, поднял с земли; шесть часов. Окрыленность Павла исчезла; он немного виновато посмотрел на Витю. Витя встретил понимающим взглядом.

— Пойдешь?

— Да, пора, репетитор...

— Ну, бывай, до вечера.

Пожали руки, расстались. Витя задумался о чем-то, помолчал минуты три.

— Виталь! Ну, иди уже сюда, чего ты там уселся.

— Не могу, правда, Вить. Устал, очень устал я...

С чьей-то кухни нещадно пахло жареным мясом.

— А часы-то тебе Павка забыл отдать.

— А бог с ними...

— О. Богатый, я смотрю. Может, и мне часы подаришь?

— У меня только одни были.

Витя не нашелся, что ответить.

Туман сгущался, темнел, набухал, становился похожим на сероватый сгусток, дымящийся по краям. Разговор никак не вязался, делать было нечего, но домой просто так идти не хотелось; Витя посматривал в сторону своего окна. Вот-вот, уже скоро, и... в окне появилась мать Вити. Лет под сорок, сухая, грустная, на голове темная косынка, в глазах — строгая любовь к сыну. Однако и понимание: сын — отрезанный ломоть.

— Витя! Домой пора... Я налила уже.

Он кивком показал: иду. Последний раз обернулся в туман:

— Виталь! Ты остаешься?

— Да, посижу еще немножко, отдохну. Очень устал, Вить...

— Ну, давай, счастливо...

— Храни Бог.

Поначалу друзья долго привыкали к этому прощанию Виталика, но потом даже зауважали его еще сильнее. Силуэт не проступал, но туман у скамейки вздрогнул — по-видимому, Виталик махнул рукой. Он должен был махнуть рукой... На первых этажах наступило время ужина — ели жареное мясо.

Витя спрыгнул с карусели и пошел домой. Грязная военная форма, прошитая на груди. Черные ботинки, сгребавшие усталыми носками гравий и песок. Молодое лицо.

В прихожей долго сидел на тумбочке, отдыхал кое-как. Усталые грустные глаза матери:

— Иди к столу, сынок, налила все. Устал?

— Устал, мамк. Там все устали.

Хорошая она у него. У них всех хорошие матери: у Павла всегда подтянутая и тихая, интеллигентная, у Виталика довольная и румяная, как ребенок. А у самого Витьки — строгая и любящая. Витя сел за стол, придвинул тарелку с горячим борщом — сладкий теплый пар.

Мать востепенулась, протянула пальцы к дыркам на куртке цвета хаки.

— Витенька, это что?... Ранили?...

— Убили...

— Ааа... Ты кушай, с хлебушком, Вить...

Виктор, Павел, Виталий. Все трое погибли на войне.

У портрета, перевязанного черной лентой в углу, стоял запотевший ледяной стакан водки, накрытый куском черного хлеба <ИВ>.